

АНДРЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

18+

СОНИ
РАЗУМА

Андрей Третьяков

Сон разума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331623

SelfPub; 2021

Аннотация

"Сон разума" является продолжением романа "Страх темноты".

Это случилось в один из последних летних дней. Спать ложились две девочки, две сестры. Но на утро глаза смогла открыть только одна. Ульяна обнаружила свою старшую сестру с застывшими, остекленевшими глазами и ртом, открытым в беззвучном крике.

Ульяна пыталась объяснить, что этой ночью ей не довелось сомкнуть глаз, оцепенев от ужаса, она застыла на своей кровати и потому видела все. Вот только никто ей не поверил, так как рассказ маленькой девочки очень уж сильно походил на детский вымысел.

Но если Ульяне не верят родные, смогут ли найтись в маленьком провинциальном городке те, кто прислушается к словам ребенка?

Содержание

Глава первая: Осколок неба.	5
1	5
2	15
3	26
4	34
5	40
6	50
7	63
8	75
9	91
10	101
11	116
12	129
Глава вторая: Пиковая дама.	151
1	151
2	170
3	184
4	196
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Андрей Третьяков

Сон разума

Сон разума рождает чудовищ
Франсиско Гойя

Глава первая: Осколок неба.

1

Август 2001.

– Это правда! – раздался полный негодования крик, зазвеневший в стеклах, отразившийся от стен и тяжким грузом рухнувший на пол плотно заставленной маленькой комнаты.

Девчушка, на вид лет семи-восьми, по имени Ульяна, взмахнула в воздухе ручками и с обиженным видом забралась на кровать с ногами, прям как была: в новехоньком клетчатом костюмчике и сверкающих коричневых туфельках, и уселась в позу лотоса, исподлобья поглядывая на девушку постарше.

– Все ты врешь, – ответила на ее крик высокая блондинка, в которой смутно угадывалась старшая сестра Ульяны.

– Не вру!

– Врешь.

Вторая девочка по имени Оксана отвечала спокойно, голоса не повышала и вообще казалась отстраненной и такой далекой от этой тесной комнатки. И это было не удивительно, Оксана не отрывала взгляда от зеркала, в котором отражалась и ни на секунду не переставала расчесывать свои пре-

красные светлые волосы, что доставали до талии. Они словно шелк струились меж ее пальцев, и расческа скользила вниз как по ровной глади спокойной речушки. Девочка улыбалась своему отражению.

– Но я, правда, его видела, – простонала Ульяна. В ее голосе чувствовалась мольба, обращенная к сестре.

Оксана бросила быстрый режущий взгляд на отражение сестры в зеркале и недовольно закатила глаза.

– Ты еще такой ребенок, Улька, – сказала она на выдохе и отложила расческу.

Ульяна прижалась спиной к стенке и надулась. В прямом смысле. Девочка стала похожа на маленькую рыбку-ежа, что надувается в опасной ситуации: бровки нахмурились, губки поджались, щёчки раздулись, из носа вырвалось обиженное сопение. Девочка, не переставая теребила подол клетчатой юбочки, продолжая буравить взглядом сестру. Вряд ли мама бы обрадовалась, увидь она, как Уля мнет только выглаженную новехонькую одежду к первому сентября.

Оксана поднялась, отодвинула маленькую табуреточку и предстала перед зеркалом во всей красе. Разгладила руками складочки на одежде. Секунду-другую ее руки задержались на заметно проступившей груди и скользнули ниже. Оксана повернулась боком.

Уля смотрела не отрываясь. С тех пор, как у нее стали расти эти две дурацкие штуки ниже ключицы, Оксана сильно изменилась. Все больше времени она проводила перед зер-

калом, разглядывая себя со всех сторон, чем играя с сестрой. Все меньше у них становилось общих секретов и больше у нее появлялось нарядов в гардеробе. Теперь духи, расчёска и косметика волновали Оксану больше, чем слова ее сестры. Они были ей нужнее. Нужнее чем сестра. Они ее заменили. И Уля не могла этого не заметить.

– Я видела его прошлой ночью, – пробубнила Ульяна и быстро отвела взгляд в сторону, чтобы не наткнуться на холодные глаза сестры в отражении.

– Все ты врешь, – второй раз за день, повторила Оксана. Быстрый поворот. Взгляд через плечо. Глаза полуприкрыты, губки чуть заметно вытянуты вперед. – Ничего ты не видела. Приснилось что-то, вот ты и орешь.

– Ничего мне не приснилось! Я, правда, видела! – В словах уже не мольба – отчаяние. Еще минута и девочка сорвется на рыдания.

– Может и не спала. – Полный оборот. Шаг вперед. Плечи вниз, подбородок вверх. Губки раскрылись. Взгляд чуть вправо. Волосы золотым водопадом обрушились вниз.

– Не спала.

– Ну, тогда, – Оксана положила руку на бедро и, не выпрямляясь, обернулась к сестре, смерив ее снисходительным взглядом, – ты просто врушка, сестричка.

Уля задохнулась от обиды и ничего не смогла вымолвить. Ее головка безвольно обвисла, темные короткие волосы скользнули вниз, вслед за двумя невероятно крупными

каплями, что тут же мокрыми пятнами осели на юбке.

Оксана повернулась к зеркалу другим боком, а затем вновь положила ладони на свою грудь. Попыталась приподнять ее выше. Сморщилась, нисколько не исказив красоты своего лица, последний раз критически себя осмотрела и направилась к одной из двух дверей, что по какой-то нелепой задумке вели из этой комнаты.

Уля следила глазами за сестрой. Оксана направилась к большой сдвоенной.

– Что ты делаешь?

Оксана не ответила. Ухватилась руками за ручки.

– Стой! – предостерегающе крикнула Уля, и, заметив, что это не действует, закричала что было сил: – Стой!

Оксана замерла и удивленно уставилась на сестру. По коридору застучали торопливые шаги. Раздался встревоженный голос мамы:

– Уля? Уля, что такое, солнышко?

Мама появилась в дверях. Растрепанная, взволнованная. Под мышкой наспех стянутая ухватка, в руках поварёшка, с которой что-то капает на пол. От силы, с которой она распахнула дверь, висевший над кроватями девочек Ловец снов взлетел под потолок и теперь бешено крутился то в одну сторону, то в другую.

– Девочки, что сл... – начала было мама, но в этот момент погас свет.

Оглушительно завизжала Уля, совсем не по-девичьи чер-

тыхнулась Оксана. Липкая поварёшка полетела на пол.

– Опять пробки выбило, – выругалась мама девочек и обратилась к старшей дочери: – Успокой сестру, я сейчас все поправлю.

И женщина тут же исчезла в дверях. Не смотря на линялый рваный халат и домашние тапочки, сделала она это столь грациозно, словно шла по подиуму в свете десятков софитов под вспышки фотокамер. Вот только света софитов не было и в помине, квартира была погружена в полный мрак, и оценить это не смог никто. Зато при взгляде на маму девочек становилось ясно, откуда такая грация и красота у Оксаны. Уля же, по всей видимости, пошла в отца.

Тем временем Ульяна продолжала вопить, сжавшись в комочек, периодически хныкая.

– Да заткнись ты! – зашипела на нее Оксана, потирая ушибленный в темноте палец ноги.

Вопить Уля перестала, но захныкала громче, что невероятно бесило ее сестру.

– Если не заткнешься, я всему твоему классу расскажу, что ты писалась в постель! – яростно бросила в сестру Оксана.

– Но я была ма-а-аленькой, – навзрыд ответила Уля.

– Какой и остаёшься до сих пор.

Уля всхлипнула и заплакала громче. Она боялась чулана, но боялась и угрозы сестры. Раньше такого бы Оксана никогда не сделала: не раскрыла секрета. Но это было раньше, ко-

гда секреты еще были их общими, когда их жизни еще были общими. Но теперь... эта угроза звучала вполне реалистично.

Оксана бросилась к сестре, схватила ее за плечи и принялась трясти, стучая головой о стену и приговаривая:

– Заткнись, заткнись, заткнись.

– Оксана!

Свет появился внезапно. Настолько внезапно, что еще несколько секунд понадобилось девочкам, что бы понять это. Понять, что стало вновь светло. Этого времени хватило их маме, чтобы преодолеть то небольшое расстояние, что разделало прихожую с счетчиком электроэнергии и комнату девочек.

Оксана перестала трясти сестру и затравленно оглянулась. Их мама стояла на пороге, все так же сжимая под мышкой сиреневую ухватку, и с ужасом смотрела на дочерей. Шок длился секунду, не больше, а затем глаза женщины превратились в узкие щелочки, сочащиеся холодом и злостью.

– Быстро отпустите свою сестру, юная леди. – Спокойно, но в голосе сталь.

Оксана застыла как каменное изваяние. Даже Уля перестала всхлипывать. Обе девочки знали, что мама переходила на это обращение – «юная леди», – только в крайней степени злости. Это могло означать только одно: полетят головы.

– Дважды повторять я не стану. – Легкое движение головы слева направо.

Оксана отпустила сестру и вытянулась во весь рост, при этом разом потеряв всю свою статью и снова превратившись в обычную нерадивую восьмиклассницу.

– В ванну. Быстро. – Скомандовала мама. – Тряпку в руки. «Пемо Люкс» под раковиной. Ждать меня.

– Но, ма-а-ам...

– Не испытывайте моего терпения, юная леди.

Оксана быстро закрыла рот и мышкой прошмыгнула мимо грозной фигуры матери и скрылась в коридоре. Женщина проводила ее суровым взглядом, а затем повернулась к младшей дочери.

Уля невольно сжалась, опасаясь наказания, но взгляд ее мамы потеплел. Она села рядом, отложила ухватку и, разгладив складочки на клетчатой юбки дочери, провела рукой по ее волосам.

– Бабайка? – нежно спросила она, разглаживая волосы дочери.

– Угу, – пробубнила Уля, снова надуваясь как рыбка-еж. Глазки заблестели.

– Ну, солнышко мое, – поцелуй в темечко. – Зайка моя, – поцелуй в лобик. – Рыбка моя, – поцелуй в левую щечку. – Ласточка моя, – поцелуй в правую щечку. – Сердечко мое, – поцелуй в носик.

Уля всхлипнула в последний раз и исподлобья взглянула на маму.

– Ты накажешь, Оксану?

– Накажу.

– Может не надо, мам?

– Надо, девочка моя, надо. Это послужит ей уроком. –

Мать коснулась пальцем кончика носа Ульяны. – А теперь давай посмотрим, где там наш бабайка.

Женщина поднялась с кровати – по правую сторону окна, что принадлежала Уле – и направилась к чулану, ловко лавируя между разбросанными школьными вещами.

– Не надо, мамочка, – взмолилась Уля, со страхом глядя как ее мама открывает двери чулана.

На самом деле никакой это не чулан, а обычная детская гардеробная комната. Когда-то давно, еще в семидесятых, когда этот дом только построили, это была кладовая комната, бог знает для чего предназначенная, скорее всего для хранения разного хлама. Однако когда у Анатолия и Веры Колесниковых родилась вторая дочка, родители всерьез задумались хоть о каком-то расширении жилплощади.

Словом как задумались, так и раздумались, так как денег, что они зарабатывали, едва хватало. Конечно, это была не такая жизнь, что они едва-едва сводили концы с концами, Анатолий Колесников ведь работал водителем экскаватора и получал неплохие деньги, при условии выполнения плана, но и особо не шиковали. На новые туфельки и платица дочерям хватало, а вот на новую квартиру едва ли.

Так они и остались жить в старой двухкомнатной хрущевке на втором этаже. И единственным способом расширить

жилплощадь для дочек, Анатолий признал снос стены между их комнатой и кладовой. Получалось на манер голливудских фильмов: комната и большая гардеробная. Теперь все вещи и одежда хранились там, чем существенно облегчили планировку детской и так до отказа забитой кроватями, креслами, комодами, тумбочками и бог знает чем еще, жизненно необходимым для существования в ней особой женского пола.

– Не бойся, маленькая моя, я с тобой, – произносит женщина и тянет двери на себя.

Они открываются так быстро и резко, словно двери салуна, когда их пинает с той стороны залихватский ковбой.

Уля на секунду зажмурилась, а когда открыла глаза, то первое, что увидела, это лучезарную и такую теплую улыбку своей матери.

– Вот видишь, – произнесла она, включая свет в гардеробной, – ничего страшного.

Маленькая комнатка забита до отказа: сумки, ранцы, пакеты и мягкие игрушки снизу. Они же сверху, но прижатые множеством разноцветных коробок из-под техники и обуви. И венцом всего этого хаоса является ровный плотный ряд вещей на плечиках. Там и футболки, и брюки, и джинсы, и платья, и костюмы, в общем, все, что нужно подрастающим детям. Вот только все это висит настолько плотно друг к другу, что кажется, стоит добавить туда хоть еще одну вещь, и все они полетят назад, словно выпущенные из пушки.

Мать Ульяны с улыбкой оглядела свою бывшую кладовую:

– Ну, вот видишь? Единственное, что тут действительно пугает, это количество ваших вещей.

Уля внимательно осмотрела блестящие глазки плюшевых игрушек, что при свете не внушали ей и толики того страха, что приходил с наступлением ночи, и робко улыбнулась матери.

– Ну, вот видишь, солнышко мое, – произнесла женщина, закрывая дверь гардеробной, – нет тут никакой бабайки.

Уля неуверенно кивнула и крепко обняла мать. Она не стала спорить. Не стала отрицать. Она понимала, что в отличие от ее сестры, взрослых, даже своих родителей, убедить в существовании чудовища в чулане невозможно. Они слишком взрослые для этого. Слишком занятые. Они разучились видеть. Они разучились верить. Да и как объяснить маме, что бабайка выходит только ночью?

2

Оксана вернулась в самом начале одиннадцатого. Дверь отворилась и в комнату молча вошла взмокшая, растрепанная и покрасневшая девочка, в которой не осталось и следа той красавицы, что еще пару часов назад так грациозно позировала перед зеркалом.

Уля все это время поджидала сестру сидя на краешке своей кровати. Костюмчик для школы она сняла и убрала в кладовую, пока мама была рядом, иначе она не осмелилась бы открыть эти двери. Теперь она была одета в выцветшее платье до коленок. Хотя, это с таким же успехом могла быть и туника, и даже длинная футболка. По прошествии лет, трудно было определить, какой именно вещью она была в самом начале своего жизненного пути как часть верхней одежды.

Уля тут же подскочила к сестре и протянула свои ручки. Оксана сделал вид, что не заметила ее и быстро прошла мимо. Измеряя комнату широкими шагами длинных ног, она подошла к окну и, встав одной ногой на прикроватную тумбочку, открыла форточку старомодного деревянного окна, выпуская в комнату свежий ночной воздух.

Это был приятный воздух, ласковый воздух. И немного грустный. С ним влетело в комнату тяжелое ощущение конца лета. Конца маленькой приятной жизни, полной теплых и светлых дней, незабываемых вечеров, свежей травы и мор-

ского прибора. Звуки удара кед о туго накаченные мячи, удары скакалок о бетон и громкий детский смех.

Лето заканчивалось. А вместе с ним уходило и веселье. Остался последний праздник впереди – день шахтеров, что традиционно отмечали в последнее воскресенье августа, а затем пара дней и деток встретит знакомый до боли и такой нелюбимый школьный звонок. Звонок, что не отменно символизирует собой конец веселья и начала новой эпохи заточения в облезлых школьных классах.

– Оксана? – робко позвала сестру Уля.

Девушка молча стояла спиной к сестре, скрестив руки под грудью.

– Оксана?..

– Два часа, – произнесла Оксана, наконец, – два часа я терла нашу ванну. Посмотри на мои руки.

Оксана повернулась и продемонстрировала Уле руки. Каждый палец был похож на переваренную сосиску. Жутко сморщенную. Отвратительно белую.

– А когда я закончила, я наконец-то вздохнула с облегчением, – продолжала Оксана. – Я думала – это все. Думала, что теперь я могу отдохнуть. И вот в тот самый момент, когда я вымылась, как следует, мама вручила мне ершик.

Уля сжалась и с состраданием посмотрела на сестру.

– Вручила ершик и велела вычистить и наш унитаз, – закончила свой рассказ Оксана. – Потому я не хочу с тобой разговаривать, Ульяна. Больше ко мне не подходи.

Ульяна. Не «Уля», не «Улька». Это звучало серьезно. Со-
всем как у мамы. Вот только Уля не собиралась оставлять
все как есть. Она обдумывала этот разговор целых три часа,
пока ее сестра приводила в порядок ванну и унитаз. Общего
плана у нее не было, но кое-что Уля успела усвоить за свою
не долгую жизнь и этому она научилась у отца: иногда изви-
няться приходится тому, кто дорожит отношениями в боль-
шей степени. И в этом деле порою стоит забыть про свое са-
момнение и гордость.

Собрав всю волю в кулак, Уля сделала неуверенный шаг
вперед, затем еще один и еще, и крепко обхватила Оксану за
талию, прижавшись к ней всем телом. Девушка вздрогнула
и вздернула руки к лицу, словно опасаясь обжечься.

– Ты чего... – начала было она.

– Прости меня, сестричка, – вновь расплакалась Ульяна.
Последнее время она слишком уж много плакала. – Я не хо-
тела, чтобы тебя наказывали-и-и... Честно, не хо-о-отела. И
приставать к тебе не хотела-а-а. Я просто бою-ю-юсь.

Оксана стояла напряженная как струна и ошарашенно
смотрела на свою младшую сестру, что пускала слезы и соп-
ли на ее потную майку. Оксана уже и не помнила, когда по-
следний раз они обнимались, по-настоящему, как сестры.
Последнее дежурное объятие было полгода назад на день
рождения Ули. Но, это и объятием-то не назовешь, так, про-
стое приветствие, как с подругами в школе.

– Прости меня, сестричка-а-а, – надрывалась Ульяна. – Я

больше так не бу-у-уду-у-у.

Слезы ли маленькой сестры или вот это внезапное проявление чувств, но все же сердце Оксаны дрогнуло. Губы предательски задрожали и руки сами собой опустились вниз и крепко сжали худенькое тело Ульяны. Она не плакала, она же уже не ребенок, она может держать себя в руках. Просто стояла, широко раскрыв глаза и стараясь не моргать.

Сколько они так стояли сказать трудно, однако помнились лишь, когда дверь в их комнату открылась вновь.

– Ох, девочки мои, – произнесла их мама, прижимая руки к груди. – Вы такие умницы.

Улыбаясь тепло и нежно, как может улыбаться только мама, она подошла и обняла их, вгоняя в краску и без того пунцовую Оксану.

– Ну, все хватит, – растолкала их девочка. – Устроили тут курс семейной терапии. От меня воняет, а вы липните.

Объятия распались, и Оксана отошла от них подальше, приюхиваясь и незаметно кривясь, ощущая едковатый запах собственного пота. Этого она никак ожидать не могла. В школьной женской раздевалке воняло конечно дай бог, но она и подумать не могла, что ее собственный запах составлял неотъемлемую часть того аромата.

– Ладно, девочки, – хлопнула в ладоши их мать. – Быстро умываться и спать.

Оксана быстро подхватила чистые вещи и с охотой кинулась в ванную комнату. А вот Уля замешкалась, невинно гля-

дя на мать.

– Никак нет, юная леди, – покачала головой женщина, – быстро мыться.

– Ну, мам, я совсем не испачкалась, – загнусила Ульяна.

– Быстро.

Глаза мамы сверкнули, и Ульяна поняла, что лучше не нагнетать обстановку. Не хватало еще и ей схватить пару нарядов по чистке унитаза.

– Ну, хорошо, хорошо, – согласилась Ульяна. – Умоюсь и почищу зубы.

Мать проводила ее взглядом и когда девочка была у самой двери, кинула ей вслед:

– И обязательно вымой свою ракушку, грязнуля.

– Мама!

Ульяна подскочила на месте и красная до кончиков волос кинулась в ванную, обгоняя на повороте свою сестру.

Ульяна закончила первой и уже лежала в кровати, рассматривая, как удлиняются тени на потолке от света фар проезжающих за окнами автомобилей. Она лежала и думала о соре с сестрой, о чистке унитазов, о ночной смене отца и о том, что сегодня он не сможет поцеловать ее на ночь. Думала о том, что лето заканчивается, и от этого было грустно. Но вместе с этим она думала о том, что скоро увидит своих школьных подруг и мысли об этом грели ей душу.

В полутьме, при свете одной лишь настольной лампы

ей было страшно, и потому она очень обрадовалась, когда скрипнула дверь и в комнату нырнула Оксана. В одном нижнем белье и волосами, завёрнутыми в полотенце, девушка двинулась к кровати.

– Оксана? – тихо позвала ее Ульяна.

– М?

Девушка остановилась и развернула полотенце, высвобождая длинный хвост спутанных мокрых волос.

– Можно тебя попросить?..

Оксана терла волосы, склонив голову на бок, вода с них капала на пол, отдаваясь громкими «кап-кап». Она поняла не сразу. Лишь когда их взгляды встретились.

– Опять, Уля? – простонала девушка.

– Пожалуйста.

– Ну, хорошо.

Оксана кинула полотенце на свою кровать и подошла к двери в кладовую. Уля вся напряглась, готовая кричать по первому признаку беды. Оксана потянула двери на себя и открыла кладовую. На первый взгляд все было спокойно.

Уля повернула настольную лампу так, чтобы свет ее падал внутрь кладовой-гардеробной. Свет лампы отразился десятками огней черных глаз-бусинок мягких игрушек, которыми комнаты была набита под завязку. Уля вздрогнула, но больше ничем страха не выдала.

– Вот видишь? – спросила Оксана. – Никого тут нет. Давай спать.

Ульяна кивнула и забралась под одеяло, подтянув его к самому подбородку. Оксана продефилировала через комнату и, усевшись на кровать, принялась расстилать полотенце поверх подушки.

– Ложимся, да? – нервно спросила Ульяна.

– Ага, – ответила Оксана, укладывая мокрые волосы на полотенце.

– Сушить не будешь?

– Неа. Так высохнут. Устала слишком. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Ульяна подняла подушку повыше и натянула одеяло до глаз. Так она могла, полусидя, полулежа, наблюдать за дверью в кладовку.

Не прошло и пяти минут, как Оксана слабо засопела. Вымотавшись, девушка быстро провалилась в сон. И только Ульяна никак не могла сомкнуть глаз, пристально глядя на двери кладовой.

В комнате было тихо. Ветер из приоткрытой форточки слабо раскачивал висевший над кроватями Ловец снов. За окном иногда раздавался рев двигателя проезжающего мимо автомобиля. Иногда можно было разобрать слова припозднившихся прохожих, что быстро растворялись в темноте. Порою шум деревьев за окном можно было спутать с тихим шорохом, но Уля уж слишком сильно к нему привыкла и совсем его не боялась. В отличие от существа из кладовой.

Когда именно это произошло, она не знала. Видимо усну-

ла. Провалилась в сон, от долгого ночного бдения. И проснулась лишь от тихого скрипа, где-то на самой границе слышимого, где-то на самой границе сознания. Девочка вздрогнула и открыла глаза. Двери в кладовую были приоткрыты.

Она знала, что когда они ложились, двери были закрыты. Оксана их закрыла. Она всегда так делала, иначе Уля бы ей просто не дала уснуть. А вот теперь они приоткрыты. Не распахнуты, а лишь слегка приоткрыты. Чуть-чуть, чтобы сквозь щель мог протиснуться кто-то небольшой. Чтобы он мог войти. Или выйти.

Все маленькое тельце Ульяны сжалось в комочек. Ночной кошмар для нее оживал. Оживал снова. Шорох в углу комнаты дал ей понять, что она тут не одна. Что они тут не одни.

Что-то черное, неясное, как размытое пятно после взгляда на солнце, пронеслось через комнату и застыло в углу напротив Ульяниной кровати. Девочка его не видела, но знала что он там. Оно там! Стоит в углу и смотрит на нее. Ей казалось, что она слышала тихое сопение.

Минуты тянулись за минутой, но ничего не происходило. Уля до боли в глазах всматривалась в угол комнаты, сжимая одеялко так, что онемели пальцы. Не смотря на прохладу в комнате, девочка вся была мокрая. Ей было невыносимо жарко, а маленькое сердечко билось где-то в горле, отдавая в глазах.

Она смотрела только в угол. Только в угол и никуда больше. Она видела, что там что-то есть. Что-то темнее, чем ле-

жащая там тень. Оно все смотрело на нее и смотрело, не двигаясь и не предпринимая никаких действий.

Сильный порыв ветра закрутил Ловца снов, и девочка бросила на него мимолетный взгляд и в ту же секунду услышала два четко различимых шлепка босых ног по полу.

Не прошло и секунды, как ее взгляд сместился обратно. Что бы там не стояло в углу до этого, теперь его там не было. Девочка была уверена, что существо уже у ее кровати. Вон там, в ногах. За этой невысокой спинкой. И черные маленькие ручки ухватятся за нее в любую минуту.

Когда именно в комнате что-то изменилось, Ульяна не поняла. Просто воздух вдруг внезапно стал тяжелее, более липким. И страх, что поселился внутри девочки, вдруг стал несущественным. Несущественным, перед нахлынувшим на нее ужасом.

Ульяна принялась озираться по сторонам, холодея внутри и снаружи. Горячий пот внезапно стал невероятно холодным и липким, как забытый в холодильнике кисель. Она нашла то, что искала.

Ловец снов вращался равномерно. Поворот за поворотом. Поворот за поворотом. Словно его крутила чья-то невидимая рука. И бог бы с ним, да вот только Ловец висел под углом в сорок пять градусов к потолку, что неестественно для вещи подвешаной за веревочку.

Снова топот босых ножек, но на этот раз быстрее и в сторону. Уля успела увидеть, как закрались двери кладовой. Что

бы от туда не вышло, но оно явно чего-то испугалось.

Первый скрежет Ульяна услышала спустя секунду после закрытия дверей кладовой. Он шел со стороны окна. Он шел извне. В этот момент Уля с ужасом осознала одну простую вещь – форточка все еще была открыта.

Вжавшись в подушку и стараясь не дышать, девочка всматривалась в видимую ей часть окна за спинкой ее кровати. Она видела, как удлинились странные тени. Как они побежали по потолку. Как ясный лунный свет на секунду померк, а затем что-то гибкое, извивающееся, скользнуло по потолку.

Ульяна попыталась закричать, но не смогла этого сделать. Возможно, ее сковал страх, а возможно и нечто иное. Но она не смогла пошевелиться даже тогда, когда неведомая ей тварь скользнула вниз, и нависла над ее сестрой. На пол упали длинные отростки, похожие на щупальца. Вверх по кровати поползли костлявые руки с длинными пальцами, что принялись слепо ощупывать подушку, подминая мокрое полотенце.

Кожистое лицо цвета змеиной чешуи заблестело в свете луны, оказавшись на одном уровне с лицом спящей Оксаны. Ульяна не видела ни глаз, ни ушей, ни носа, ни рта, ничего, что могло бы приравнять существо к человеческому виду. И только две черные бусинки по обе стороны лица очень напоминали Уле глаза сваренного рака.

Существо склонилось ниже и мелко затрясло головой. Та

часть лица, где у человека обычно располагался рот, начала прогибаться, меняться и, наконец, тлеть на глазах открывающая чернота провал, из которого наружу потянулось склизкое щупальце, что разделилось на три – два потоньше сверху и одно снизу.

Щупальца скользили по лицу спящей девушки, забираясь в ноздри и рот, заполняя все глубже, пока существо не застыло. Черные глазки-бусинки заволокло белым и движение прекратилось.

Так и прошла вся ночь: умирающая от страха Ульяна и чудовище, что облепило ее сестру и тихо вздрагивало, словно видело беспокойный сон. А с первым лучом света оно ушло. Исчезло так же быстро, как и появилось через открытую форточку, оставив после себя бледную Оксану с широко открытым ртом и стеклянным взглядом в никуда. В ту же минуту Уля громко захрипела и потеряла сознание.

За три месяца до этого. Май 2001.

Они двигались вверх по тротуару, понуро опустив головы. Слева от них вверх убегала двуполостная дорога, а справа расположились типовые двухэтажные дома красного кирпича под острым углом к тротуару и параллельно друг другу. В промежутках деревья сверкали первой листвой. Под ногами зеленела молодая трава. Денек был теплым. Теплым предвестником начала лета. Солнце висело в самом зените.

– О чем задумался? – спросил один из них, тот, что повыше.

– Да чет задолбался я, – ответил второй. – Здолбался.

– Остался месяц. Еще месяц и свобода.

Второй парень кивнул.

– Заканчиваем десятый, да?

– Ага.

– Вот ведь как.

– Ага.

Второй парень кинул быстрый взгляд на раскинувшийся с другой стороны дороги центральный парк и горько усмехнулся. Его словно ничего уже не радовало в этой жизни, и даже такое событие как приближение лета, не могло заставить его лицо осветиться искренней детской улыбкой.

Они брели вперед глядя себе под ноги. Обычно шумные и веселые в этот день они казались бледными тенями самих себя. Кофты, надетые утром как спасение от прохлады, теперь висели за спинами, а пакеты с тетрадками ритмично постукивали по ногам. Тела сгорбленные, лица нахмуренные.

– А на физру сегодня идешь? – спросил высокий.

Второй парень простонал так громко и надрывно, что впопору было вручать Оскара за главную мужскую роль второго плана.

– Во сколько?

– В шестнадцать пятьдесят.

На этот раз улицу потревожил громкий матерный выкрик.

– Вот скажи мне, Антоха, ну какого черта?

Высокий парень по имени Антон приподнял брови.

– Какого черта? – повторил второй парень. – Кому пришло в голову вынести физру отдельно от всех остальных уроков, да еще и поставить на вечернее время?

Антон безразлично пожал плечами, мол, не его это дело раздумывать над поступками школьного руководства.

Хотя расстраиваться тут было от чего, особенно если будущее вас хоть малость заботит и наличие тройки в аттестате, даже по такой незначимой дисциплине как физическая культура, могла серьезно подпортить ваши планы на поступление в вуз. Ведь первое, что приходит в голову – пропустить урок и остаться дома. За окном весна, самый конец учебного года, а тут мало того, что приходится до четырех гнуть спи-

ну под горою домашнего задания, так еще и после не расслабиться.

Сдвоенный урок по физре займет восемьдесят минут или час двадцать. А это значит, что освободится получиться не раньше десяти минут седьмого. Что можно успеть в это время? Особенно если накинуть еще полчаса на дорогу, полчаса на ужин и душ? Погулять? Это уж вряд ли. Вот так вот школа и убивает детство.

– Ну, так ты пойдешь? – переспросил Антон.

– Не знаю, – ответил его собеседник, скривившись. – Хотел до «двора» сходить.

Антон знал, о чем говорил его друг, но промолчал. За пределами школы они хоть и общались, но не так уж и много. Чаще всего все общения ограничивались редкими визитами в гости и обменом мнениями об очередной игре для PlayStation. Дальше их дружба не заходила, и Антон понятия не имел, что же там в этом «дворе» происходит.

– Ладно, – сдался второй парень, разглядывая циферблат больших серебристых часов фирмы «Заря». – Зайди за мной минут в двадцать пятого.

– Я зайду в половине.

Второй парень с хитрым прищуром и первым признаком легкой улыбки, взглянул на Антона.

– Ты заметил, что противоречишь всему, что я говорю?

– Конечно, – кивнул Антон и улыбнулся в ответ. – Мы ведь женаты уже десять лет.

Парни впервые за день громко рассмеялись. С этого момента настроение у них приподнялось и даже день, словно стал ярче. Они не дошли до серебристой остановки, на которой когда-то давно, в прошлом, мужчина разбил себе голову, метров двадцать, когда их внимание привлек какой-то необычный звук.

– Что это? – спросил Антон, запрокидывая голову.

– А?

Второй парень тоже поднял свой взгляд. Небо было бескрайним и по-летнему чистым.

– Что та... Ай! – внезапно закричал Антон.

Его друг с шипением закрыл глаза и опустил голову вниз, склонившись чуть ли не к коленям.

– А-а-а, что за хрень? – шипел Антон, яростно протирая глаза.

– Ощущение такое, что я неделю смотрел на солнце.

Парни не отводили пальцы от глаз и между ними сочились слезы. Антон кое-как проморгался и принялся прищурено оглядываться, проверяя свое зрение.

– У меня перед глазами черные пятна, – жаловался он, приподняв брови и прищурив глаза.

– Та же хрень.

– Что это было?

Антон предпринял еще одну попытку взглянуть на небо. На этот раз он рассудительно приставил ладонь козырьком ко лбу. Небо все так же было голубым и чистым. Больше ни-

каких намеков на подозрительные странные звуки не было.

– Ты как? – Антон похлопал друга по плечу, все еще осматривая небо.

– Нормально. Буду. Когда поем.

Антон снова усмехнулся.

– Наверное, на солнце взглянули неудачно.

– Оба? – воскликнул его друг. – Это что? Массовое помешательство?

– Ладно, как бы там ни было, увидимся через... – Антон замолчал удивленно глядя на свои электронные часы.

– Ты чего? – спросил второй парень, подходя ближе.

– Часы сбились. Смотри.

Антон поднял свою руку и продемонстрировал новенькие «Casio» с голубой подсветкой. Большой экран показывал мигающие «0:00».

– Утром еще все нормально было, – сокрушался Антон. – И чего теперь? Назад их нести? Я не хочу, чтобы они сбивались каждые несколько часов.

Антон демонстративно несколько раз стукнул по часам, словно желая заставить их показывать верное время.

– Насилие и техника несовместимы, друг мой, – занудно произнес второй парень. – Обзаведись механическими, вот они-то тебя никогда не подведут...

Резкая остановка и долгое молчание отвлекли Антона от рассерженного созерцания сломавшихся часов. Он взглянул на своего друга, который нелепо, пальцем правой руки, по-

стукивал по экрану своих часов.

– М-м-м, – ехидно протянул Антон. – Ни когда не... что?

– Я не понимаю. Просто не понимаю.

– Что ты там не понимаешь? – продолжал насмехаться Антон. – Почему русское говно хуже японского?

– Не понимаю, куда делся час.

– Куда делся?... Что ты сказал?

В наступившем гробовом молчании парни уставились друг на друга.

– Я смотрел на часы минут пять назад, и они показывали двенадцать десять.

Друг Антона держал дрожащую руку с часами перед собой и все еще нервно постукивал по циферблату.

– Ну и? – поторопил его Антон.

– Значит сейчас должно быть двенадцать пятнадцать, ну максимум двенадцать двадцать.

– А что сейчас?

– Час пятнадцать.

– Врёшь.

– Сам смотри.

Антон перехватил руку друга и взглянул на часы. Большая стрелка была на цифре три, малая на цифре один.

– Может не заводил давно?

– И что? Они пошли быстрее?

Нелепость заявления повисла в воздухе. Налетел легкий ветер, город накрыла большая сероватая тучка.

– Ну, мало ли что могло произойти, – неоднозначно махнул рукой Антон.

– Например? М? Твои часы остановились, а мои пошли быстрее? Не много ил совпадений?

– И что ты думаешь?

Парень замолчал и посмотрел сначала на часы, затем на Антона и перевел взгляд на небо. Глаза Антона сузились. Кажется, он стал понимать, что хочет сказать его друг.

– Электромагнитный импульс, – парень словно говорил сам с собой. – Не сильный, но достаточный, чтобы не спалить, но выключить технику. Это возможно? Скорее да, чем нет. Потому твои часы выключились, а мои нет, они же механические.

– Что ты хочешь сказать?

– Что с часами все в порядке. На самом деле, мы действительно потеряли час.

– Потеряли час? – усмехнулся Антон.

– Да, сам посуди: мы слышали гул, взглянули на небо. Стоп! – парень с силой хлопнул себя ладошкой по лбу. – Вот оно! Вот оно, дружище! Мы смотрели на небо целый час! Вот почему эта небольшая слепота и жжение в глаза. Вот откуда эти черные пятна! Твои часы выключилась, а мои шли дальше, отмеряя минуту за минутой. До тех пор, пока...

– Пока что? – насторожился Антон.

– Пока, пока, – парень повернулся и взглянул на Антона. – Пока не прошел наш припадок. Или точнее ступор. Тогда

твои часы и заработали. Потому и начали отсчет от нуля.

С минуту парни молчали и лишь буравили друг друга взглядом. А затем Антон спросил:

– И что же, по-твоему, вызвало этот ступор?

Вместо внятного ответа, парень принялся напевать:

– Ту-ту-ту тун, тун, тун, тун, – и продолжил дальше на-свистывать мелодию из «Секретных материалов».

– Да пошел ты! – махнул на него рукой Антон. – Я домой.

– Не забудь зайти за мной в двадцать минут пятого.

– В половине.

Парень проследил за фигурой друга скрывающегося за гаражами и вновь взглянул на свои часы. Интересно, а знала ли *она* в тот момент, когда забирала с собой его старые «Casio», что это может ему пригодиться в будущем? Наверняка, думал он, наверняка знала. Иногда могло показаться, что *она* знала куда больше, чем показывала. И специально ли *она* их забрала? Или это было спонтанное решение?

Жаль, этого уже никогда не узнать.

Скучно обставленный кабинет в советском стиле практически полностью скрывался за густыми волнами белого табачного дыма. Рассмотреть хоть что-то, например большие фотографии на стенах, было весьма проблематично даже с близкого расстояния. Но это было и не важно, важным была лишь фигура за массивным старым столом посреди комнаты, таким массивным, что и двое бы вряд ли с ним управились.

В этой фигуре можно было опознать тучного человека в военной форме конца девяностых. Он сидел в высоком кресле и не отрывал взгляда от бумаг, что безостановочно перебирали его руки. Глаза бегали по буквам, прыгали со строчки на строчку, а руки уже услужливо подавали следующий документ.

То, что этот человек высокого ранга было понятно не только по объему его живота, но и по майорским погонам и тяжелому взгляду, которого наверняка избегали все подчиненные, а рядовые так и вовсе падали в обморок, стоило им только на него наткнуться.

Майор сидел смирно, не совершая ни одного лишнего движения, и даже его полнота не мешала ему вести себя тихо как мышка. Его губы лишь иногда разлеплялись, чтобы выпустить очередное облако дыма, в остальном он оставался неподвижен, если не менял документы. Хотя не подвижен, не

самое уместное слово, скорее он был монументален. Большая тучная статуя майора Российских войск.

Шаги за дверью он услышал давно. Вероятно, когда они еще стучали по лестнице. Он не сделал вида, что они его хоть как-то волнуют, даже когда в дверь отчетливо, хоть и сдержано застучали.

Первые секунды майор не реагировал. Продолжал просматривать бумаги. Вынув сигарету изо рта, он потушил ее в пепельнице больше похожей на ежа, выдохнул дым и лишь потом ответил:

– Войдите.

Дверь отварилаь, и в прокуренное помещение шагнул высокий отлично сложенный солдат лет тридцати. Он ни жестом, ни взглядом, ни микроэмоцией не показал своего отношения к такому количеству табачного дыма в маленькой комнате. Майор оценил это, слегка приподняв правую бровь.

– Здравия желаю, товарищ майор, – обратился к нему солдат.

Майор сдержано кивнул, про себя отметив, что солдат не вскинул руку к непокрытой голове.

– Вызывали?

Снова сдержанный кивок.

– Вольно, лейтенант, – прохрипел майор, тяжелым и едким как табачный дым голосом.

Солдат заметно опустил плечи и расслабил одну ногу. Майор оценивающе окинул его взглядом и указал на стул:

– Присаживайтесь, лейтенант.

В два шага преодолев комнату, солдат сел на стул напротив майора, выдерживая на себе его испытывающий взгляд.

– Вы в курсе ситуации? – в лоб спросил его майор.

– Ситуации, товарищ майор?

– Ситуации, ситуации, товарищ лейтенант. – Майор прищурился. – Вся база гудит от этой новости, как растревоженный пчелиный улей, мать их туда.

Лейтенант смутился, но вида не подал. Новости всегда расходятся быстро. Особенно новости такого плана. Майор быстро вставил в рот новую сигарету и прикурил ее от спички. Смерив очередным испытывающим взглядом своего солдата, он протянул ему бумаги:

– Взгляните на это.

Лейтенант взял бумаги с данными и распечатанную карту местности, и быстро пробежался по ним взглядом, оценивая обстановку. Вопросов было куча, эмоций еще больше, но он снова не подал вида.

– Понимаете, что это значит? – спросил майор, добавляя очередное облако дыма к уже повисшему в воздухе мертвому кольцу.

– Никак нет, товарищ майор.

– Это хороший ответ, лейтенант, очень хороший, – губы майора растянулись в улыбке. – Потому как я тоже ни черта не понимаю, мать их туда.

Прошла секунда пока они друг на друга смотрели, а затем

майор выдал:

– Вот вы это и выясните, лейтенант.

– Я, товарищ майор? – впервые голос солдата дрогнул. Не сильно, не заметно, если не знать настоящего голоса лейтенанта, но все же неприятно.

– Вы, вы, товарищ лейтенант. – И не дожидаясь ответа, какого-то согласия, хотя оно и не требовалось, майор достал новую карту и расстелил на столе. – Вот зона поражения, – указал он на красный круг. – Как вы видите, под угрозой несколько мелких городков. Но особые опасения вызывает этот разрез.

– Горняки? – спросил лейтенант.

Майор кивнул:

– Они ближе всего к зоне поражения.

Пухлый палец упал на пересечение бассейна разреза «Бородинский» и огромного красного круга.

– Вероятно, они могут стать первой целью.

– Простите меня, товарищ майор, – перебил его лейтенант, ни сколько не робея под тяжелым взглядом старшего по званию, – но, чьей целью?

Майор с минуту смотрел на своего подопечного, пуская клубы табачного дыма, сигарета практически полностью превратилась в длинную трубку пепла, готового обрушиться на бумаги, а затем тихо произнес:

– Думаю, вы знаете.

Лейтенант сидел белый как мел и недвижимый как статуя

Авраама Линкольна в Вашингтоне. Сам он там не был. Видел по телевизору.

– Что требуется от меня? – спросил он, наконец.

Майор довольно кивнул и включил стоящий на столе магнитофон. Раздались первые звуки хорошо узнаваемого всеми россиянами гимна. Вот только гимн этот был советским. Музыка вроде та же, да вот слова не те. Но, кажется, майора это не волновало. Вряд ли он мог не знать, что слова давно уж как сменили, ведь солдаты пели слова гимна каждое утро на плацу.

– Обнаружить и локализовать, – прошептал майор.

– Оцепление?

– Ни в коем случае! Вас вообще не должны видеть, лейтенант! Этого задания не существует, вам ясно?

– Ясно, товарищ майор, – тоже перешёл на шепот солдат.

– Найти, разобрать, если собрано, собрать, если разобрано, захватить и доставить сюда. Докладывать лично мне. Никаких контактов, никаких звонков, никаких встреч. Возьмите лично мною выделенных людей. Вам ясно?

– Ясно, товарищ майор.

– Тогда приступайте немедленно.

Лейтенант встал и, сделав полный оборот, подошел к двери.

– Лейтенант Шаманов, – окликнул его майор.

Лейтенант обернулся.

– Если все пройдет, как я запланировал, вы смените ко-

личество звездочек на погонах, да и число просветов увеличится. Понимаете меня?

Лейтенант сдержанно кивнул.

– Хорошо. И, Николай, – совсем по-дружески произнес майор. – Постарайтесь взять его живым.

Впервые лейтенант Николай Шаманов сглотнул подступивший к горлу огромный ком и еще раз кивнув, выскочил за дверь.

Август 2001.

– И я ему, типа, такая: «Чё-ё-ё?», – громко протянула девушка, тряхнув длинными черными волосами. – «Пойти с тобой? Да за кого ты меня держишь? Да я лучше все выходные буду смотреть старые записи «Пока все дома». Ты себя-то вообще в зеркало видел?».

Девушка шла буквально на полшага впереди нас и потому не заметила, каким уничтожающим взглядом я смерил Полторашку, что робко отводила свой взгляд, делая вид, что ничего не слышит и не видит, но при этом безбожно краснеет. Вот и сейчас она меня проигнорировала и с «неподдельным» интересом уставилась на ровную линию мелом под ногами. Она старалась идти точно по ней, не делая ни одного шага в сторону, точно канатоходец, от каждого шага которого зависит его жизнь.

Отчасти так и было. Стоило ей только отвлечься и взглянуть на меня, упустить момент всего-навсего, на секунду расслабиться, и ярость моего взгляда испепелила бы ее на месте. Она это знала. Я это знал. И только весьма эксцентричная, если не сказать большего, дама, что шла впереди, ничего этого не замечала.

– А он млеет весь, краснеет. Взгляд в пол, – продолжала

она, как ни в чем не бывало. – Того и гляди сейчас в штаны надует. Ну и я, типа, такая: «Все, вали отсюда, мальчик, и больше со мной не разговаривай», – она сделала типичный жест пальцем в воздухе, – «не твоего поля я ягодка».

Закончив свою тираду, девушка рассмеялась, словно рассказала донельзя удачную шутку. От этого смеха ее лицо скривилось, на носу появились неприятные морщинки, и вообще, она стала больше похожа на крупную крысу, чем на ученицу старших классов. Я это давно заметил: чем красивее выглядит девушка, тем страшнее она становится в минуты ярости или неудержимого веселья. Не то, чтобы это какая-то аксиома, скорее правило не требующее доказательств, но имеющее ряд определенных исключений.

– Ну а ты, тип, чё? – обратилась она ко мне.

– Я, тип, чё?

Вопрос поставил меня в тупик. Я даже не понял вопрос ли это, или какое-нибудь прославленное «what's up», не требующее конкретного ответа в нашей же интерпретации. Фразочку в свое время популяризировало «Очень страшное кино» и мы принялись бросаться ей направо и налево, не особо задумываясь о ее смысле. Может быть и сейчас так? Какой-нибудь очередной подростковый фильм и вот это «типа» отсылка к нему? Точно я не знал. Но если это и была отсылка, то я ее совсем не понимал.

– Ну да, – девушка неопределенно повела рукой, охватывая холмистый пейзаж на горизонте, – тип, чем занимаешь-

ся, тип, чё любишь?

Я остановился и серьезно взглянул в ее черные глаза, очень похожие на мои собственные:

– Собираю и подшиваю томики с афоризмами и периодически цитирую Жванецкого.

У девушки слегка приоткрылся рот. Мой ответ явно поставил ее в тупик.

– Чё, тип, серьезно? – наконец-то выдавила она.

Наташка за ее спиной то ли крикнула, то ли кашлянула, и поторопилась отвернуться.

– Тип, не, – я мотнул головой и так же нелепо приоткрыл рот, разглядывая свою собеседницу.

Ее губы растянулись в улыбке, которая тут же исчезла, но через секунду предприняла робкую попытку вернуться.

Я же хотел только одного: чтобы это глупое и никому не нужное знакомство поскорее закончилось. И вот, мне выпал такой шанс.

Мимо нас прошел бездомный средних лет. В серой неопределенного вида одежде и волосами того же цвета. Он прошел мимо. Ничего не попросил, ничего не произнес. Только звякнул содержимым практически пустого плотного мешка для мусора в руке и двинулся дальше.

– Да пошел ты, козел! – крикнула ему вслед моя новая знакомая, имени которой я никак не мог вспомнить, хотя, и не уверен, что пытался его запомнить вообще. – От тебя воняет!

– Вот и вали, вали... – все еще верещала она, когда встрети­лась со мной взглядом.

Я не знаю, что было написано на моем лице, но что бы это ни было, оно серьезно охладило ее пыл. Девушка замолчала и уставилась на меня, слегка обижено.

– Что он тебе сделал? – спросил я и сам удивился тому, каким бесцветным показался мой голос.

– Ну, он, типа, – она махнула рукой ему вслед и убрала прядь волос за ухо.

– Он помешал тебе? Попросил денег? Ударил тебя?

– Нет, – мотнула головой моя собеседница, вновь выбивая только что уложенную непослушную прядь. – Просто доста­ли, типа. Ну, ходят тут. Развелось – во! – развелось их тут, типа.

– Он помешал тебе фактом своего существования?

Я приблизился к ней, обошел по кругу, встал за спиной и, взяв за плечи, повернул так, чтобы она смотрела ему в спину.

– Взгляни на него, – произнес я над самым ее ухом.

Она послушно смотрела ему вслед. Он удалялся медленно, громко шаркая ногами. Одежда вся в пыли, потому и кажется однотонно серой. Волосы тоже. Обувь так истерлась, что подошва подвязана шнурками и разномастными тесемками, которые так же скоро перетрут­ся. Руки безвольно висят вдоль тела, мусорный мешок бьется об колено и начина­ет бешено вращаться, затем замирает, бьется еще раз и кру­тится уже в обратную сторону. Бездомный то ли хро­мает, то

ли подволакивает ногу, то ли вообще идет, не отрывая ног от земли.

– Смотри, – настойчиво повторил я, когда девушка попыталась отвернуться. – Куда он идет? Какова его цель?

– Я не...

– Представь, – перебил я. – Тебе есть куда вернуться. Ты идешь домой. Дорога длинная, а солнце высоко. Ты устала. Тебе плохо. Голова гудит, а ноги болят. Но ты знаешь, что там, по ту сторону, с другого конца дороги будет твой дом. Будет место, куда ты сможешь прийти. И ты идешь. Долгим ли будет твой путь или нет, но ты непременно придешь. Скинешь натершую ступни обувь, разомнешь пальчики, сменишь одежду на чистую и более удобную. Возможно, примешь душ и смоешь пот и грязь, накопившиеся за день. Сядешь в удобное кресло, включишь телевизор. У вас хороший телевизор?

– Да, – кивнула девушка, широко распахнув глаза.

– А кресло? Наверняка удобное и такое большое?

– Да.

Она все еще смотрела в след бездомному, но уши ее слышали только мой голос.

– Но день был таким жарким, таким невыносимо сухим. Ты наверняка хочешь пить. Ты уже чувствуешь, как пересохло твое горло, как оно буквально покрывается трещинами. Язык трется о сухое небо, и ты чувствуешь песок между ними. Воздух горячий, тяжелый, липкий. Скажи, ты хочешь

пить?

Девушка с трудом сглотнула и медленно кивнула.

– Наверняка у тебя есть деньги в сумочке, и ты сможешь сделать это в любой момент?

Очередной кивок.

– Но, даже если бы это было не так, то ты могла бы просто пойти домой и выпить там чего-нибудь. Верно?

– Верно.

– А теперь взгляни на него. Ему идти некуда. У него нет конечного маршрута. У него нет дома, где можно снять обувь, где можно сменить одежду. Нет ни кресла, ни телевизора. И нет даже тех, кто протянет ему стакан воды. Взгляни, – я взял в руки ее голову и надежно зафиксировал, чтобы она не смогла отвести взгляд, – Этот человек идет в никуда. И он никуда не придет. Его никто не ждет и никому неважно, когда он свалится от истощения или обезвоживания. А заешь почему?

Глаза девушки наполнились слезами, она с трудом мотнула головой. Лишь слегка. Насколько позволяли мои руки.

– Потому что мир полон таких людей как ты, – злобно прошипел я.

Две мокрые дорожки расчертили ее лицо.

– А теперь иди. – Я отпустил ее голову и отошел на шаг назад. – Наше знакомство было лишним.

Не оборачиваясь и не говоря ни слова, она бросилась бежать вниз по дорожке, по которой еще минуту назад ковы-

лял бездомный.

– Жестоко ты с ней, не находишь?

Я обернулся на голос Полторашки и взглянул напрямиком в ее голубые глаза. Взгляд она выдержала и лишь слегка поджала губы.

– Ничего, выдержит. Придет домой, скинет обувь...

– Ага, примет душ, сядет в свое огромное кресло, перед о-о-огромным телевизором, – передразнила меня Полторашка и, взяв под руку, с силой потянула вперед.

– Я не всегда могу тебя понять, продолжала она, – положив голову мне на плечо. – Не всегда могу понять, хороший ли ты человек, или...

– Или?

– Или просто дурак.

Я иронично приподнял бровь, но девушка этого конечно не увидела.

– А что, я не могу быть хорошим дураком?

– Хорошим можешь, – согласилась девушка. – Но ведь тебе надо всегда быть особенным.

Я открыл было рот, чтобы ответить, да не нашелся с ответом. Иногда, не часто, но иногда, Наташка попадала точно в цель. Настолько точно, что становилось не по себе. Чертова девка!

– Ну, извини, – наконец произнесла она.

– Извинить за что? – переспросил я. – За «особенного» или за то, что вот уже второй месяц подкладываешь под меня

своих чокнутых подруг?

– За второе, – ответила Наташка, не раздумывая ни секунды.

Я усмехнулся и закатил глаза. Я вообще мог делать что угодно, пока она не видит.

– И не все мои подруги чокнутые.

– Та, что ты привела прошлый раз, таскала огнетушитель в своей «сумочке», Наташа! Огнетушитель!

Полторашка хихикнула, прикрыв рот и кивнула:

– Ну да, было дело.

– А эта? – я махнул рукой в неопределенном направлении за моей спиной. – Что это за «типа»?

– Типа чего?

– Типа того!

Я поймал взгляд ее глаз устремленных ко мне, и мы рассмеялись. Получилось вполне естественно. Никакие ни ее слова, ни мои слова не могли обидеть нас. Пусть знали мы друг друга не долго, но пережили вместе многое. Это сблизило нас. Нас всех.

– Ну ладно, – вздохнула Полторашка. – Я больше так не буду.

– Честно?

– Не знаю, – ответила она и показа мне язык.

– Чертова девка.

– А ну, цыц!

Острый локоток врезался мне между ребер и я согнулся

чуть ли не пополам.

– Думаешь, стоило ей все это говорить? – спросила Полторашка, делая вид, что не замечает моих страданий.

Мы были почти на месте. Высокое грязно-белое здание нависало над нами с вершины холма. Людей видно не было. Скорее всего, приемные часы закончились. Все как обычно.

Я с трудом выпрямился и посмотрел на красный ржавый забор-сетку, убегающий вперед вдоль инфекционного отделения городской больницы. Он всегда навевал на меня какую-то непонятную, но вполне осязаемую тоску. Словно тоску по чему-то давно утраченному. Я не мог просто откинуть это чувство или как-то его контролировать. Не мог даже его классифицировать. И мне просто пришлось смириться с фактом, что оно есть. Просто есть и все.

– Определенно стоило, – ответил я своей подруге. – Только вот...

– «Только вот», что?

Я взглянул на нее, а она смотрела на меня. Полторашка была такой низенькой, что мне приходилось опускать голову, а ей задирать подбородком вверх. Иногда я даже забывал, почему именно прозвал ее Полторашкой. Она все еще сжимала мою руку и уверенно вела меня вперед. За ней всегда было просто идти. Я привык, что люди всегда шли за мной, но с появлением Полторашки я мог иногда себе позволить отпустить вожжи и просто следовать по течению.

– Стоило ей рассказать, что мир полон не только таких

людей, которым все равно, людей как она, но и таких людей, которые только и могут, что говорить. – Я глубоко вздохнул и печально улыбнулся. – Таких людей как я.

Я потянул на себя дверь незаметного приземистого здания и пропустил Наташку вперед. Нас окутал полумрак обшарпанного подъезда – а иначе как подъездом это помещения я назвать не мог – и свет за нашими спинами умер в хлопке массивной входной двери. Я поежился и втянул носом отвратительный запах плохо вымытых ступеней, табачного дыма, едких больничных химикатов и громко выругался. Добавь к этому запах мочи и картина сложится полностью.

– Пахнет как в нашем штабе, – попыталась пошутить Наташка.

– Женщина! Тебе еще придется взять эти слова обратно.

Я дождался, когда глаза привыкнут к темноте подъезда, впился уничтожающим взглядом в подругу, и первым двинулся на второй этаж. Наташка засеменяли следом.

В приемную хирургического отделения нас естественно не пустили. Было ли дело в том, что время приема посетителей давно закончилось, или в нас самих и грязи, налипшей на кроссовки, я не знал. Да и мне было все равно. Главное, что вообще не погнажи ссанными тряпками.

– Сын Людмилы? – медсестра в приемном покое смерила меня нагловатым высокомерным взглядом. – Подожди, сейчас позову твоего друга.

Мы переглянулись с Наташкой и дружно пожали плечами. Связи моей мамы в медицине всегда играли нам на руку.

– Там, – махнула в нашу сторону медсестра, – там подождите. За дверью.

Мы молча повиновались, так как спорить было абсолютно бессмысленно, все равно ни к чему хорошему это бы не привило, разве что, нас действительно бы отправили восвояси. Мы спустились на площадку между этажами и, прислонившись к подоконнику большого окна, принялись ждать, ни о чем конкретном не разговаривая, лишь изредка бросаясь дежурными фразами.

– Темновато тут, – заметила Наташка.

– Угу.

– А на улице светло.

– Угу.

С минуты стояла гнетущая тишина. Наташка посматривала на меня украдкой.

– Ты злишься?

Я оторвал взгляд от каменного пола и посмотрел на Наташку. Выглядела она встревоженной. Смотрела из-под упавших на лицо коротких прядей светлых волос.

– Нет, – кивнул я и приобнял девушку за плечи, пододвинув ближе к себе. – Нет, что ты. Ты же знаешь, я люблю тебя и не могу долго злиться или обижаться.

– Ну, слава богу, – облегченно выдохнула Наташка. – Я уж думала, что и наговорила всякого и подставу эту со сви-

данием устроила...

– Я же знаю, что ты просто беспокоишься обо мне. Но я в порядке. – Опустив взгляд на девушку, я улыбнулся: – Честно.

Наташка кивнула и улыбнулась в ответ.

– Эй, – толкнула она меня в плечо, когда двери приемного покоя распахнулись, – я тоже тебя люблю. Не забывай этого.

– Да с тобой забудешь тут, – пробурчал я, довольно потирая руку, куда пришелся ее удар.

Мы смотрели, как к нам спускается Стас, одетый в больничный то ли халат, то ли накидку в горошек. Он держался одной рукой за перила, а вторую прижимал к правой нижней части живота.

– Как дела, колокол? – весело спросил я.

Стас поморщился и кивнул.

– Почему колокол? – не поняла Наташка.

– Ну, посмотри на его накидку, она словно колокол. А там внутри есть и стержень, который, – я несколько раз покачал в воздухе указательным пальцем так, словно это мятник, – ну, ты поняла.

– Дурак! – прыснула Наташка.

Стас остановился возле нас, смущенно улыбаясь.

– Не обязательно ко мне приходите каждый день, со мной все в порядке, – заверил он нас.

– Просто сегодня жребий выпал нам, – ответил я. – Вчера Сане. Думаешь, мы бы захотели плестись в такую даль, да

еще и по жаре?

– Ну, думаю, ну, нет.

– Стас? – Наташка перевела на меня взгляд. – Андрюш?

Ну?

Я пожал плечами, Стас кивнул. Площадка погрузилась в тишину. В словах не было смысла. Его не было никогда. Мы и так все прекрасно знали, все понимали.

– Это, ну, а может закурить найдется? – нарушил тишину

Стас.

– Ну а как же, – кивнул я и достал пачку Мальборо.

– Ты что делаешь!?! – зашипела на меня Наташка. – Он после операции, ему нельзя!

– Да всего лишь аппендицит, ничего страшного, – заверил ее Стас.

– Да и было это не сегодня, – подхватил я.

– Выпишут через пару дней.

Стас умоляюще смотрел на Наташку, а та только переводила свирепый взгляд со Стаса на меня и обратно. Я похлопывал тугой пачкой сигарет по ладони.

– Ладно, – сталась Наташка. – Но если что, ты сам виноват.

Стас кивнул и достал сигарету.

– И ты тоже.

Я дернулся в сторону, чтобы и на этот раз кулак или острый пальчик Наташки не впился меня куда-нибудь под ребра.

– Хорошо, хорошо, и я буду виноват, – согласился я, сжи-

мая губами сигарету, от чего мой голос приглушился, а слова стало трудно разбирать.

Наташка вскинула голову и отошла от нас на два шага. Мы со Стасом прикурили и присели на каменный подоконник.

– Ну как дела? – спросил Стас.

– И это ты у меня спрашиваешь? – усмехнулся я в ответ.

– Я серьезно.

Наскоро стерев глуповатую ухмылку с лица, я ответил:

– Да, в общем, все нормально, друг. Но в целом паршиво.

Стас понимающе кивнул.

– А что с этим? – Он поежился, словно в подъезде стало градусов на десять холоднее. – С черным?

– С Перевозчиком? – нарочно громко переспросил я.

Стас вздрогнул. Наташка в углу изменилась в лице.

– Ничего не слышно, – я вынул сигарету изо рта и стряхнул на пол пепел. – Прошел почти год и тишина.

– Но он говорил...

– Говорил про длительный срок, дружище. Лет пятнадцать-шестнадцать. Хватит уже вспоминать это отродье. Оно не вернется.

Я видел, как Стас переглянулся с Наташкой. Я всегда видел взгляды, которыми мои друзья обменивались у меня за спиной. Я видел в них сострадание, сопереживание. Видел в них поддержку. Видел в них жалось. Но мне не нужна была жалость, мне нужна была *она*. И если жалость способна ее вернуть, то я стерпел бы и ее. Но она не способна. И ничто

не способно. Я знаю. Я романтик, а не идиот.

Я чувствовал, как во мне закипает и поднимается злость. Я знал, что она ищет возможность выбраться наружу и обрести силу и власть в этом мире. И я даже знал, кого она сегодня избрала своей целью. Но этому не суждено было случиться.

Стас громко раскашлялся и схватился рукой за бок. Мы с Наташкой кинулись к нему и подхватили под руки.

– А я говорила, говорила, – причитала Наташка.

– Говорила. Ты всегда много болтаешь, – выругался я.

Стас красный от натуги со слезящимися глазами умоляюще посмотрел на меня.

– Прости, Полторащ, – выдавил я, разрываясь внутри на куски. – Я просто...

– Я знаю, – ответила Наташка, коснувшись моей руки на плече Стаса.

Всегда знала. Всегда все знала и все понимала. И в каждом ее прикосновении было столько тепла и заботы, словно она хотела закутать меня в нее как в кокон и больше не позволять тягостям этого мира причинять мне вред. Я очень это ценил. И очень сильно ее за это любил. Если бы в этом мире у меня и могла быть сестра, то это непременно была бы Наташка.

– Давай, здоровяк, еще пару шагов.

Мы довели Стаса до двери в приемный покой и распахнули ее. В приемной никого не было. Коридор убежал налево и направо, сверкая чисто вымытым пожелтевшим от времени

линолеумом.

– Я в порядке, – Стас отстранился от нас и встал уже ровно. – В порядке. Просто приступ нашел.

– Ну, еще бы, – покачала головой Наташка. – Говорила же тебе, что не стоит курить. Ты еще слишком слаб и...

Дальнейшие голоса доносились до меня, как будто меня накрыло водой. Накрыло, обволокло и утащило в самую пучину. Серость, внезапно накотившаяся на больничный коридор, застала меня врасплох. Она кружилась вокруг, шепталась со мной. Она насмехалась надо мной. Внезапная глухота и пробивающиеся сквозь нее голоса заставляли мое сознание путаться, а тело лишали сил. Я слышал эти голоса, словно голоса призраков – далекие, туманные и лишённые всякого смысла.

Из дальнего конца коридора, что вел в левое крыло, сочился туманный призрачный свет.

– Андрюш, что с тобой?

Прикосновение Наташкиной руки к моему плечу вернуло меня в реальность. И оно ушло, это странное ощущение, как давно забытое чувство, оно ушло. Я взглянул на Наташку, в ее глазах застыл испуг.

– Все хорошо, – ответил я как можно более убедительно. – Ты сможешь проводить Стаса до палаты?

– Да. А тебе нужно подышать?

– Нет, мне нужно зайти туда, – я указал пальцем в направлении левого коридора. – Я забыл, что должен навестить еще

кое-кого.

– Ты точно в порядке?

– Ты лучше побеспокойся о нашем друге, смотри, он почти зеленый.

Наташка громко ойкнула, при виде и впрямь позеленевшего Стаса и быстро подхватив его под руку, повела в сторону палаты.

Оставшись один, я внезапно осознал, насколько крепко сжимал кулаки и медленно их разжал. Ногти с такой силой впились в ладони, что оставили хорошо заметные полумесяцы. Сознание металось в голове, словно хотело пробить черепную коробку и выбраться наружу, покинуть это тело, пока оно снова во что-нибудь его не втянуло.

И я знал, что втянет. Я понимал это. Ведь чувство было мне хорошо знакомо, просто я давно его не ощущал.

Взяв себя в руки, я двинулся в коридор, над которым висела табличка «Детское отделение». Этого странного призрачного света я больше не видел, но, только свернув в коридор, почувствовал, как тело пробил холодный пот.

Отделение было совершенно пустым, словно все покинули его в спешке, побросав вещи на своих местах. Коридор тонул в дневном полумраке, сквозь грязные окна пробивался серый солнечный свет, затянутые черными грозowymi тучами небеса, тяжело нависли над больницей. Все двери были плотно закрыты. Не было слышно ни шагов персонала, ни тихих разговоров в коридорах, ни криков больных. Больни-

ца погрузилась в скорбное молчание.

Я медленно шел вперед, слушая скрип половиц под ногами и громкий стук собственного сердца где-то в районе горла. Я боялся. Не знаю чего, но я боялся. Боялся этого света, что видел недавно. Боялся этого мерзкого скрипа под ногами. Боялся пустынного облезлого коридора и этой богом забытой больницы. Мне было страшно, и ощущение одиночества только усугубляло мое положение: усиливало страхи, рисовало тенями на стенах, шорохами звучало в глубине коридора.

Но я точно знал, что был тут не один. Знал, как и тогда, ночью, в своей комнате. Ощущение присутствия давило на меня. Обхватывало ледяными пальцами мое сердце, тисками сжимало виски. Я всегда был хорошо восприимчив к чужому присутствию. И в этом коридоре я не был один.

Добравшись до поворота, я осторожно выглянул из-за угла. Вторая часть отделения была светлее предыдущей, не такой мрачной, но столь же бесконечно пустой. Одна из дверей была приоткрыта, и призрачный свет сочился через нее.

Сделав глубокий вдох, с гулко бьющимся сердцем и крепко сжатыми кулаками, я осторожно выбрался из своего укрытия и двинулся к открытой двери в палату. Мои тихие шаги громом отдавались в моей голове, а пульсацию вен могли услышать и за десять метров. И если в этом палате скрывались покойники, то они точно знали, что я приближаюсь. И они ждали меня.

Прикоснувшись к двери, я осторожно потянул ее на себя. Скрип, раздавшийся при этом, оповестил всех, что я стою за дверью. Уверен, его эхо до сих пор гуляет по черным и холодным подвалам морга. Проклиная себя за тупость, я открыл дверь полностью и заглянул в палату.

Она была практически пуста, если не считать двух кроватей. На одной из кроватей лежала светловолосая девушка в больничной одежде. На вид ей было столько же, сколько и мне, может на пару лет младше. На второй кровати лежал мужчина за сорок. Помимо внешнего сходства их объединила еще одна деталь – их рты были широко раскрыты, словно в крике, а остекленевшие глаза смотрели в потолок. Слабое свечение исходило из пустых глаз, исходило из широко распахнутого рта.

Перед кроватью с девушкой сидела совсем крохотная девочка. Она положила голову на грудь больной, а ее волосы разметались по больничному одеялу. Девочка не двигалась. Не среагировала даже на скрип двери. Внезапно из-за туч выглянуло солнце и свечение, исходившее от больных, исчезло полностью.

– Печальное зрелище, верно? – раздалось совсем рядом.

Я вздрогнул и опустил взгляд. В проходе стояла девочка лет восьми-девяти и смотрела мимо меня в палату. Ее короткие светлые волосы были убраны за уши, а яркие голубые глаза сочились состраданием, так хорошо мне знакомым. Судя по тому, что одета она была в платице и босоножки, я

мог сделать вывод, что она не одна из местных больных. А глядя на то, как она сжимает свое тело руками, и какая не детская морщина пролегла между бровей, я мог сделать вывод, что семья в палате ей хорошо знакома.

– Верно, – кивнул я и отвел взгляд, чтобы моя собеседница меня не узнала.

Хотя могла ли она? Мы ведь виделись всего-то один раз.

– Я прихожу почти каждый день и Улька всегда здесь. Лежит на кровати сестры и плачет, – рассказала мне девочка, которую я знаю под именем Настя. – Говорит, что это ее вина.

– Вряд ли это ее вина, – ответил я, отворачивая голову сильнее.

– Я говорю ей то же самое, но она не слушает. Все плачет и плачет.

– Это какая-то новая болезнь? – спросил я после минуты молчания.

– Никто не знает. Они просто впали в кому. Жизнь в них еще есть, но не больше чем в овощах с грядки на даче. Так говорят врачи.

Я бросил быстрый взгляд на девочку и тут же его отвел. Она не заметила этого. Она вообще на меня не смотрела.

– Сначала нашли Оксану, – продолжала свой рассказ Настя. – Утром. Нашла мама, когда услышала крик сестры. А потом их отец не вернулся с работы, и отправили людей на его поиски. Его нашли в одном из карьеров. Он лежал на

спине и светился.

– Значит, что-то наследственное?

– Это ты мне скажи.

Внезапное изменение тона застало меня врасплох. Я испуганно обернулся. Девочка смотрела на меня в упор. Взгляд голубых глаз пронзал меня холодной сталью клинка.

– Ты уже видел мертвецов, – продолжала она.

– Я не...

– Это ты. Ты принес нам деньги в коробке с Вини-Пухом. Ты разговаривал с моим мертвым папой.

Девочка смотрела по-взрослому испытывающе, но с детской обидой на лице, словно ей не хотели покупать новую игрушку. В уголках глаз застыли слезы.

– Настя! – раздался крик в коридоре, а затем стук торопливых шагов. – Настя, сколько раз я тебе говорила не убежать.

Девочка надулась и подняла в воздух два оттопыренных пальца.

– Два? – воскликнула ее мать, Любовь Широкова, жена покойного сержанта Широкова, чью жизнь забрал проклятый Перевозчик. – Два раза?! Ох, Настенька, стоило только на минуту отвернуться, передать твоего братика врачу, как ты...

Ребенок на руках женщины развернулся и с интересом уставился на меня. Только в этот момент она увидела, что ее дочь была не единственным посетителем палаты.

– Ох, простите, надеюсь, эта мартышка не доставила вам

проблем, – с каждым ее словом ее лицо вытягивалось все больше, а паузы между словами становились все длиннее, пока она не замолчала. – Ты! Это ведь ты!

– Нет, не я! Вы меня с кем-то перепутали, – крикнул я и побежал по коридору под веселый хохот малыша и просьбы женщины подождать и не убегать.

Но я всегда убегал. Убежать намного проще, чем принять вызов и встретить реальность лицом к лицу. Я не любил реальности, боялся ее. И всегда убегал от нее. Бежал и сейчас.

– Ты холодный.

Наташка прижалась ко мне крепче, словно хотела передать частицу своего тепла, передать частицу тепла всего мира. Это было приятно. Всегда приятно, когда о тебе заботятся.

Обратно мы шли той же дорогой. За время, проведенное в больнице, над городом нависли тяжелые грозовые облака. Солнечный свет померк и поднялся легкий, но пробирающий до костей ветер. Однако холод, донимавший меня, не имел ничего общего с погодой, не имел вообще ничего общего с этим миром. Привычным для нас миром.

– Что-то случилось?

Я взглянул на девушку. Быстро. Колким, оценивающим и одновременно испуганным взглядом.

– Там, в больнице, что-то случилось?

– Ничего, – я мотнул головой из стороны в сторону, стараясь сделать это как можно более небрежно. – Со мной все нормально.

– Да брось. Мне ты можешь рассказать.

– Все нормально, Полторашка.

– Я тебя знаю, – настаивала девушка, дергая мою руку. – Может даже лучше других. А может, и нет, – быстро поправила она, заметив мой взгляд. – Но, по крайней мере, я ви-

жу тебя насквозь.

В молчании мы прошли не больше десятка шагов, когда Наташка вновь заговорила:

– Поделись. Расскажи мне. Я же вижу, тебя что-то беспокоит. Не хочешь говорить со мной, расскажи все Саше. Мы же твоя семья, мы все делаем вместе.

– И душ принимаем вместе?

Острый локоток Наташки вонзился мне прямо под ребра. Вот же наглая девка – полтора метра от земли, а достает всегда куда надо.

Я задумался над ее словами. Наташка была права. Права, как и всегда. Может они и не родные мне по крови – кроме Сашки, разумеется, – но они близки мне по духу, по разуму и по общему секрету, что мы храним вот уже год. И если все это как-то связано, то они первые, кто должен об этом узнать. Хранить тайну я не в праве. Это не моя тайна.

Мы спустились по дороге вниз и перешли на сторону городского стадиона, в точности наоборот, повторив последний маршрут сержанта Широкова, что прошел здесь годом ранее. Свернув налево, мы двинулись вдоль стадиона в сторону городской центральной площади. Не знаю, намеренно ли, неосознанно ли, но Наташка вела меня в сторону моего дома, словно точно знала, что произойдет далее.

– Ладно, – сказал я, наконец, когда желтые стены двухэтажки, в которой я проживал со своей мамой, замелькали перед нами, – я расскажу тебе все, что знаю, а ты решишь,

стоит это рассказывать пацанам или нет.

– Договорились, – кивнула Наташка, довольно улыбаясь. Как и всегда, когда добивалась своего. То есть, практически всегда.

Мы свернули к моему дому и двинулись вперед вдоль низенького заборчика широкой аллеи. Наташка все так же держала меня под руку и легонько вела вперед. Направляла меня, делала это так виртуозно, словно все движения подчинены моей воли. Мы исполняли с ней элегантный танец, и она виртуозно его вела.

– Я видел в больнице мужчину и девочку, – осторожно начал я, позволяя Наташке провести меня мимо ворот моего дома. – Они лежали в одной палате в детском отделении. У обоих одни и те же симптомы.

Я бросил на Наташку быстрый взгляд:

– Это вероятно так, выглядят они одинаково, хоть с врачами я и не разговаривал.

Наташка кивнула.

– Одинаково, это так?

– Лежат застывшие, словно статуи. Глаза и рот широко открыты.

Наташка крепче сжала запястье своей руки вокруг мое предплечья.

– И они... – Я на секунду задержал дыхание, а затем сделал глубокой вдох. – Из них исходит свечение.

Острые ноготки на секунду вонзились в мою руку, но тут

же отступили. Им на смену пришли нежные пальчики, что прошлись по местам укулов вверх и вниз.

– Свечение?

Голос Наташки слегка охрип, но больше она ничем не выдала своего волнения: все так же уверено шла дальше, все так же бесстрашно смотрела вперед.

– Заметное только в темноте. При свете солнца его не разобрать.

Я остановился.

– И, Наташ, это свечение куда-то тянется.

– Тянется? – голос спокойный, взгляд все так же устремлен вдаль.

– Тянется к чему-то. – Я выдержал секундную паузу. – Или к кому-то.

Мы молча стояли посреди дороги. Парень и девушка. Она держала меня под руку. Я смотрел на нее, а она далеко за горизонт. Лицо разглажено, без единой морщинки. Спина прямая, дыхание ровное. Над нами свистел ветер и гнул к земле высокие сосны и тополя, подхватывая их листву и разнося по всей округе. Серое в тучах над нами сменялось черным, в дали тихо гремело. К земле во внезапном порыве стремились первые капли.

– Это он? – тихо спросила она.

Голос был практически не различим в громком завывании ветра, но я его слышал. Словно и не была ветра. Словно он шумел в другой, далекой от нас реальности.

– Я не думаю, – так же тихо ответил я.

– Это Перевозчик?

Я взглянул на Наташку. Она всем телом повернулась ко мне. Смотрела в глаза. Вопросительно, с мольбою и вместе с тем властно.

– Нет, малышка, это не он.

Мой голос звучал уверенно. Женщина всегда чувствует в мужчине эту непоколебимую уверенность. Именно она и внушает ей ощущение спокойствия, ощущение стены, за которой можно скрыться ото всех невзгод. И моя уверенность передалась Наташке.

– Спасибо, – прошептала она, опуская голову лбом мне на грудь.

Я почувствовал, как тяжелый камень упал с ее плеч, как ударился о землю, как пробил ее, как устремился к ядру.

– Но это все равно, что-то.

– Что?

Наташка подняла на меня взгляд, и я не смог смотреть ей в глаза. Я перевел взгляд на наручные механические часы, что все так же мерно тикали, не сбиваясь с ритма. Я вспомнил тот день, почти год назад, когда остановились часы моего друга по пути из школы, и мы потеряли целый час.

– Что-то другое.

– Мне есть, что еще рассказать, – продолжил я. – Не желаешь пройтись еще чуть-чуть, а затем я угощу тебя кофе.

– Звучит заманчиво.

И мы двинулись дальше вдоль аллеи, даже не осознав того факта, что почти десять минут в упор смотрели на то место, где в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом в автомобильной аварии погибла молоденькая девушка по имени Оксана, что просто хотела юбку покороче и работу поприбыльнее.

Мой рассказ не занял много времени. Мы успели сделать неполный круг вокруг аллеи, и уже возвращались назад, когда нас застиг сильный дождь.

– Бегом ко мне, – крикнул я.

Наташка коротко кивнула.

Мы рванули вперед, миновали дорогу, здание администрации, памятник Ленину, высокий зеленый забор, мою старую песочницу и застыли возле подъезда. Открыв дверь, я пропустил Наташку вперед и сам вошел следом. Громкий скрип деревянных ступенек советской эпохи вывел нас на второй этаж, где я своим ключом открыл входную дверь и нас с радостью принял в свои объятия ласковый полумрак моей квартиры обеспеченный высокими соснами перед окнами.

– Снимай одежду и в ванную ее, – крикнул я, скрываясь в спальне. – Я тебе найду что-нибудь.

Наташка сняла обувь и прошла в ванную комнату, мелко дрожа всем телом. Несмотря на теплое утро, дождь оказался невероятно холодным, а мы, как и все жители Сибири, совершенно не были готовы к такому изменению погоды в течение дня. Как и каждый год до этого.

Наташка стянула рубашку, футболку и джинсы и перекинула их через крепления перед горячим змеевиком, специально созданные для сушки одежды. Оставшись в одном нижнем белье и носках, она внезапно смутилась и обхватила себя руками.

– Вот, держи.

Я появился в дверях в одной футболке и трусах и протянул ей самую короткую майку, что только смог найти в своем шкафу.

– Ты в трусах! – возмутилась Наташка, глубже прячась в тени.

Свет в ванной она не включила, и потому я видел лишь очертания ее фигуры.

– Ну, так и ты не в вечернем платье.

Всегда мечтал сказать нечто подобное именно в такой ситуации.

– Дурак! – крикнула Наташка, выхватывая майку из моих рук.

Секунду стояла тишина, а затем очередной выкрик «дурак» и в меня полетела белая маечка, что я для нее припас.

– Жаль, – трагично заявил я. – В ней я бы мог, как следует рассмотреть твои трусики.

– Ой, чего ты там не видел? Дай мне уже что-нибудь скорее. Я замерзла.

Я протянул ей длинную рубашку с коротким рукавом, что заранее спрятал за спиной. Конечно, я и не надеялся, что

она наденет эту майку, но подшутить над Наташкой всегда любил. Не смог удержаться и сейчас.

Накинув рубашку, Наташка наспех застегнула несколько пуговиц и триумфально покинула ванную комнату, откинув назад волосы и слегка покачивая бедрами как во время дефиле по подиуму.

– Чертова девка, – усмехнулся я, когда она проходила мимо.

Наташка показала мне язык.

Мы прошли в мою комнату, и она уселась на кровать. Я подошел к бесчисленному количеству полочек у противоположной стены.

– Ну, так и что ты хотел мне показать? – Наташка иронично выгнула бровь. – Кроме своих трусов.

Я улыбнулся. Я вспомнил кое-кого, кто так же изгибал бровь, произнося странные вещи.

«Может, пришло время тебе показать свой второй ствол?».

– Кстати, – Наташка наклонилась вперед, подвигаясь ближе. А что это за трусы? Никогда такие не видела.

– Сосредоточься, девочка, – шелкнул я пальцами перед ее носом. – Это боксеры и за ними будущее. Запомни мои слова.

– Итак, – я повернулся к полочкам. – Это где-то здесь.

Наташка терпеливо ждала, пока я ковырялся в своих вещах, что-то периодически отбрасывая и роняя на пол.

– Было где-то здесь совсем недавно.

– Угу. – Наташка скучающе покачивала ножкой, подперев подбородок рукой. – У тебя здесь черт ногу сломит.

– И вовсе не сломит. А если и сломит, то нам это только на руку.

Наташка криво улыбнулась.

– Ага! – довольно воскликнул я. – Вот он.

– И что это?

В своих ладонях я сжимал маленький белый кристалл, не больше современной флэшки, с острыми гранями, но мутный внутри, словно был сделан из горного хрусталя. Я поднял его выше и произнес:

– Камень.

– Камень? – переспросила Наташка.

– Камень, – ответил я.

– Камень? – удивилась Наташка.

– Ка... стоп! – крикнул я, размахивая руками. – Ты что издеваешься? Может сейчас, еще зазвонит телефон и, подняв трубку, я услышу Санин голос: «Ка-а-амень»?

Наташка тихо прыснула в ладошку. Я прожег глазами ее рубашку. Мою рубашку.

– Да камень, мать твою, гребанный камень. Я нашел его много лет назад.

– И что с ним не так?

Наташка все продолжала покачивать ножкой и подпирать подбородок, демонстрируя всем своим видом, что ей не интересно.

– А вот есть кое-что, – ответил я загадочно. – Но перед тем как рассказать тебе его историю, позволь кое-что тебе показать. Идем.

Я вышел из комнаты и остановился у двери, ведущей в кладовую. Наташка заинтересованно подошла ко мне и встала рядом.

– Итак, – спросила она. – Что дальше?

– Дальше, – я открыл дверь в черную кладовую, – нам сюда.

Наташка смерила меня оценивающим и хитрым взглядом.

– В темной кладовке в одних трусах... и что же ты собрался мне там показывать?

Я закатил глаза и буквально затолкал девушку в кладовую, попутно пощупав все, что попадалось мне под руки.

– Грубиян, – выдала Наташка, перед тем как я закрыл дверь и погрузил нас в непроглядную темноту.

– Ты где? – испуганно спросила она.

– Тут я, трусишка. Сейчас.

Я протянул руку и ухватился за девушку. Конечно, я хотел взять ее за плечо и не моя вина, что вместо плеча мне подвернулась ее грудь.

– Все ясно, – вздохнула Наташка. – Завел меня сюда, чтобы за сиськи полапать? Типичный мужик.

– Молчи, женщина, вовсе не за этим. Кстати, сиськи неплохие.

– Дурак.

Я все же смог нащупать Наташкино плечо и подвинул ее ближе к себе.

– Смотри, – произнес я и разжал ладонь с камнем.

На первый взгляд не было ничего необычного. Это был простой камень горного хрусталя, только вот его было видно. В абсолютной темноте его было отчетливо видно. Я не мог разобрать даже лица Наташки, а мы стояли практически вплотную, а вот мелкий камешек было видно отлично.

– Он... он словно светится, но не светится, – произнесла Наташка напряженно.

Она была права, камень словно светился и не светился. Света он не излучал, но свет словно жил глубоко внутри него.

– Я даже не вижу твою ладонь, на которой он лежит.

Наташка накрыла свою ладонь моей и камень исчез.

– Тьма, – и больше ничего, – прошептал я.

Наташка убрала свою ладонь, и камень вновь появился. Такой же белый и красивый он словно лежал в пустоте. Раздался шорох и я почувствовал горячее взволнованное дыхание Наташки на своей груди.

– Что это? – ее голос дрожал. – Что это, Андрюш? Почему оно такое?

– Идем.

Я взял девушку за руку и вывел ее из кладовой. В моей комнате она села обратно на кровать, а я уселся за свой стол, что все так же стоял в углу комнаты возле окна.

Я покрутил камень в руках и взглянул на подругу:

– Итак, видишь ли, малышка, этот камень упал с неба.

Июль 1995.

Дони шел первым. И это было весьма необычно. Нет, это было необычно в целом, для нас же такое построение было чем-то само собой разумеющимся. Дони был лидером нашей команды, потому и был всегда первым. За ним по пятам шел Майки, весело поигрывая нунчаками. Замыкали цепочку Лео и я.

Мы двигались вдоль высокой оранжевой стены, пригибаясь и скрываясь за ветвями низких деревьев и кустов. Наша цель была справа от нас, прямо за роскошью зеленой растительности.

Лео оглянулся и сосредоточенно взглянул на меня. Я слегка склонил голову, давая ему понять, что готов ко всему. Он ответил таким же легким кивком и крепче сжал рукояти своих катан.

– Стоп! – скомандовал Дони, останавливая нас быстрым жестом руки. – Я что-то слышу!

Майки поднял на него заинтересованный взгляд.

– Слышишь что? Например, это?

Майки выпрямился, чуть склонил голову, выпятил грудь, сосредоточился. Его горло напряглось, раздалось хорошо слышное «буль» и Майки оглушительно рыгнул, широко

раскрыв рот. Прозвучало это так громко, что задрожали ветви ближайших деревьев.

– Смешно, прям обосаться, – скривился Дони.

– А этим смешно.

Майки указывал на нас с Лео. Мы смеялись беззвучно, сжав рты ладонями.

– Этим придуркам все смешно. Им хоть палец покажи.

Дони поднял руку и в самом деле показал нам палец. Не знаю, что на нас так подействовало, то ли тот факт, что он предупредил нас об этом, то ли тот факт, что мы и в самом деле были придурками, но нас скрутило еще сильнее. Склонившись и хватаясь за животы, мы старались смеяться беззвучно.

– Вот, – махнул в нашу сторону Дони. – Что я и говорил.

– Ладно, – лицо Дони внезапно стало серьезным. – Я и в самом деле что-то слышал. И это шло оттуда.

Дони вынул свой шест-бо и указал им в сторону ближайшего, то ли высокого кустарника, то ли низенького дерева, что раскинул свои ветки, торчащие прямо из земли как растрепанный веник, в разные стороны.

– Раф, иди, проверь.

От смеха не осталось и следа. Я покрепче перехватил саи и двинулся к кустам. Оружие удобно лежало в руке, металл приятно охлаждал кожу. Я ухватил саи перекинув средний и указательные пальцы через гарду по правую сторону клинка, а безымянный и мизинец по левую. Было весьма удобно. Я

раздвинул ветки и пригляделся.

– Что видишь, Раф? – спросил Дони.

Я молча смотрел сквозь листву, пока и сам не услышал шорох.

– Клан «Фут», – ответил я быстро.

Я и в самом деле их увидел. Это были ниндзя в черно-фиолетовых одеждах с меткой красной ступни на лбу. Они дружно таскали огромные серые ящики.

– А Шредер? Шредер с ними?

Я присмотрелся и увидел Шредера. Да, он там был. Стоял чуть в отдалении и, скрестив руки на груди, наблюдал за работой. Я доложил Дони.

– Что еще видишь?

Я прошелся взглядом по местности.

– Технодром.

– Что? – хором воскликнули мои братья.

Огромная шарообразная база с глазом наверху, разместилась прямиком за спиной Шредера.

– Но как? – Дони сокрушенно схватился за голову. – Как они смогли переправить Технодром из измерения «Икс» на Землю?

– Вот и подумай над этим в свободное время, – посоветовал я, поигрывая саями. – Ты у нас мозг, а я мускулы.

– Отлично, мистер Мускулы, – усмехнулся Дони. – Вот ты и нападай тогда первым. Не дадим им сделать... сделать то, чем они сейчас заняты.

Дони деликатно откашлялся в кулак.

Я обернулся к Микеланджело:

– Ну что, Майки, как насчет того самого?

Глаза Майки загорелись.

– О-о-о, – задумчиво протянул он. – Того самого? Это можно.

Мы хлопнули в ладоши и во весь голос заорали:

– Кава-банга!

И сломя голову кинулись напрямиком на солдат клана фут.

– Иногда я удивляюсь, почему нас называют ниндзя, – покачал головой Дони, печально глядя нам вслед.

Поджав губы, Лео несколько раз кивнул в знак согласия, и они медленно двинулись следом за нами.

– Взять черепах! – раздраженно орал Шредер, размахивая руками. – Бибоп, Рокстеди! Где вы? Где эти бездельники, когда они нужны?

А мы с Майки уже веселились во всю, разбрасывая неумех «Фут» в разные стороны. У них не было шанса, даже когда они нападали кучей. Разница в нашем ниндзюцу была слишком велика.

– Раф, сзади! – крикнул Майки.

И я тут же пригнулся. Майки перекатился через меня, громко стукнули панцири, и сразу пять солдат «Фут» отлетели в сторону.

– Отличная работа, Майки!

Я вскинул руку в воздух, чтобы Майки хлопнул по ней,

как тут же замер, открыв рот.

– Что там, Раф? Технодром движется?

– Это не Технодром, – ответил за меня подоспевший Дони.

– А что?

Майки тоже развернулся и поднял взгляд в небо. Сегодня оно было кристально чистым. Идеально голубое полотно, без единого вкрапления белого. Солнце еще только начало свой путь из-за горизонта и до зенита ему еще было далеко. Так что ничто не мешало нам наблюдать за тем, как расчерчивая небо пополам белым дымным хвостом, к земле неся какой-то объект.

– Что это? Звезда падает? – спросил Денис, все еще раскручивая нунчаки.

– Звезды не падают, – ответил я.

– Андрей прав, звезды не падают, – кивнул Мишка.

– Тогда что?

– Может маленький метеорит?

Мишка был прав, такое возможно. Не знаю, могли ли мы определить размер падающего объекта, чтобы предположить что это, но все мои чувства кричали мне, что это не метеорит.

– Метеорит такого размера, скорее всего, сгорел бы в атмосфере, так и не став метеоритом. Вряд ли он коснулся бы земли.

Все уставились на меня.

– Ты с чего это взял?

Я смутился и занервничал, принялся переступать с ноги на ногу.

– Я просто много читаю книг по астрономии.

– Это точно, – подтвердил Вася. – Сидит, в них уткнувшись как больной и еще записи какие-то делает.

– Вот как?

Мишка иронично изогнул брови. Денис улыбался во весь рот. А я окончательно зарыл взгляд в землю.

– Как бы там не было, думаю, Андрюха прав. – Мишка кивнул головой и убрал бо за спину. – Скорее всего, он даже не упадет.

Словно опровергая только что сказанное, небесное тело прочертило полную дугу в небе и упало на высокий холм недалеко за чертой города, что был отлично виден с нашего места, ведь мы тоже стояли на возвышенности.

– Это возле озера, – заметил Мишка.

– А Дюха был прав, – Денис почесал подбородок и сунул нунчаки за резинку штанов. – Удара практически не было. Ни взрыва, ничего. С неба так не падают.

– У вас нет ощущения, – медленно начал я, подходя ближе к друзьям, – что объект приземлился?

Мы все четверо переглянулись и, не стовариваясь, кинулись к валяющимся в траве возле забора велосипедам.

– Каковы наши шансы? – спросил я, когда мы уже неслись вдоль частных домов в сторону стадиона.

– Сейчас утро, – ответил Мишка. – По ощущениям, часов девять. Люди работают. Да и дети-то не всегда в такую рань на улицу выходят. Шума не было, взрыва тоже. Думаю у нас хорошие шансы.

Я только кивнул. Знал, что Мишка не увидит, но и отвечать было тяжело. Мало того, что приходилось быстро крутить педали невероятно тяжелого велосипеда, так еще и из-за свиста ветра в ушах слышно было плохо. Я не разобрал и половины того, что сказал Мишка.

– Давайте вниз, – закричал Мишка. – Мимо стадиона. А там, в сторону больницы.

Мы пересекли дорогу так, словно не было никаких машин, словно у каждого из нас было по десять жизней.

Дорога вдоль стадиона шла под уклон. Мы не просто ехали, мы неслись вперед. Педдали даже не было нужды крутить, они крутились сами, сбивая темп и отбивая нам ноги. Пришлось убрать их с педалей и предоставить велосипед самому себе. Но расслабиться мы конечно не могли, ноги зависли в паре сантиметром над педалями, что бы, если что, резко выкрутить их назад и заблокировать заднее колесо.

Ветер ревел так, что не было слышно собственных мыслей. Сердце рвалось из груди. Страх ледяной хваткой сковал все части тела. Такая скорость... такая скорость была нам не подвластна. Мы понимали, что сейчас наши жизни и пока еще целые части тела полностью в руках судьбы, если такая субстанция и существует. Ну, или, на худой конец, в ру-

ках случая. Мы могли только молиться, большего сделать в этой ситуации не представлялось возможным.

Склон подходил к концу, но скорость мы не сбавляли. И я начал паниковать. Велосипеды ребят легче и более управляемы. Две «камы» у Дениса и Васи, и «Урал» у Мишки. Но мишка был высоким, сильным парнем. Он легко управлялся с велосипедом. Я же ездил на «Таире». Этот оранжевый монстр больше похож на современные горные велосипеды: толстая тяжелая рама, массивный, на огромных широких колесах. Он был нечета шоссейникам с их проволочными колесами.

Я понимал, что не смогу ни затормозить, ни войти в поворот на такой скорости. Ничего другого не оставалось, как начать притормаживать сейчас. Я опрометчиво сжал левый рычаг тормоза – не нарочно, в панике я просто забыл, за какое колесо он отвечает – резина передней колодки чуть коснулась обода колеса. Меня кинуло вперед. Я чудом удержался в седле и перенес вес назад. Переднее колесо пошло юзом. В сторону посыпались мелкие камешки. Паника захлестнула меня. Сердце стучало в висках.

С трудом удержав велосипед на дороге, я понял взгляд. Мишка уже входил в поворот. За ним следовал Денис. Оставались считанные метры. Я сжал правый рычаг тормоза. Когда велосипед стал сбавлять ход, я надавил и на левый. Слегка, аккуратно. Скорость снизилась, но не достаточно.

Я видел, как плавно вошел в поворот Вася, и понимал, что

я следующий. Я так же понимал, что скорость слишком высока, мне в него не войти. Никак. Только не на этой махине.

Когда поворот был буквально у меня под носом, я крутанул руль и провернул педали назад, заблокировав колесо. Велосипед понесло влево, меня наклонило градусов на сорок, но я знал, что пока действует центробежная сила, со мной ничего не случится. Вот только вернуть велосипед в прежнее положение у меня не хватит сил.

Я чувствовал, как падаю. Земля бежала мне на встречу. Выкинув правую ногу, скорее инстинктивно, чем следуя воле разума, я ударил ей об асфальт, сильно отбив пятку. Поднялся столб пыли, велосипед еще замедлил ход. Подошва дорожных кед, прочертила дугу на асфальте. Но я устоял. Я не упал.

Толкнувшись этой ногой, я вновь вернул себе равновесие и принялся отчаянно крутить педали. Я заметно отстал от всех, но это было не важно. Преимущества моего велосипеда были в том, что, несмотря на его тяжесть, скорость он развивал такую, что за мной не мог угнаться даже Мишка. Ускорение ни к черту, но максимальная скорость – конек моего велосипеда.

Отчаянно крутя педали, я только мотал головой из стороны в сторону, стряхивая горячий и соленый пот. Я видел, как приближались спины друзей. Вот и Вася, Денис, а вот и Мишка уже крутит педали слева от меня. Сделав последний рывок, я вытолкнул себя вперед и наконец-то выдохнул спо-

койно, выпрямив спину и дав отдых забитым ногам.

– Понторез! – услышал я вслед и улыбнулся.

Мы ехали вдоль больницы, когда Мишка нагнал меня и красный как рак с тяжелым прерывистым дыханием сказал:

– Давай... через... поселок.

Я удивленно оглянулся на него, но ничего не сказал. Срезать через поселок было делом хорошим и правильным с тактической точки зрения, ведь это был кратчайший маршрут. Но все дело было в том, что там бы частный сектор и соответственно, не заасфальтированные дороги. И это вам не домики в пригороде Лондона с зелеными газонами и низкими заборчиками с гномиками на лужайке. Это сибирский частные дома. С лужами, грязью, камнями размером с голову младенца и коровами посреди дороги. Я уж не говорю о тех широких ловушках, что эти коровы оставляют на каждом шагу. Я-то проеду там на своем велосипеде с протектором как у трактора и широким профилем, но вот мои друзья... в этом я не был уверен.

Однако, не задавая лишних вопросов, я направил переднее колесо велосипеда в сторону неровной, ухабистой дороги на поселок. Огромные камни захрустели под колесами, кидая велосипед то влево, то вправо. Удерживать его на дороге было трудно, но не особо. Даже такой хиленький десятилетний парнишка как я, легко справлялся с этой задачей, при этом, даже не теряя в скорости.

Поселок я пересек без особых проблем, и лишь на выезд-

де оглянулся назад. Мишка старался не отставать и плелся далеко позади красный как рак. А вот Денис, Денис нашел себе другое увлечение. Этот парень никогда не знал усталости, черт его знает, откуда в нем столько энергии. Он где-то достал себе длинную палку и, подхватив с земли особо большую засушенную коровью лепешку, принялся гоняться за Васей.

– Стой, Лео! – кричал он. – У меня для тебя специальная доставка – ниндзя пицца.

– Отвали, debil! – верещал Вася, изо всех сил крутя педали.

– Погоди, тут еще немного жиденького и тепленького есть в центре.

Я громко прыснул в кулак, увидев эту картину, и поспешил уехать как можно дальше, пока Денис не решил предложить свою «пиццу» мне.

Дальше дорога вновь пошла под уклон и была прямой и хорошо асфальтированной. Мечта любого велосипедиста. Дома расположились справа и слева от дороги на достаточном расстоянии и не мешали обзору. А передо мной, в низине, расположилось озеро, сверкающее тысячей бриллиантов в свете утреннего солнца. Его со всех сторон окружали холмы и островки смешанного леса. Это была поистине прекрасная летняя картина.

Я взглянул на самый высокий и плоский холм слева и тут же забыл про озеро, вспомнив, наконец, причину, по кото-

рой мы сюда сорвались. Что бы это ни было, из космоса оно упало или из верхних слоев атмосферы, я надеялся, что оно еще там. Лежит в траве и дожидается именно меня. Я надавил на педали сильнее.

Миновав дорогу, разграничивающую городскую территорию и территорию озера, я первым взобрался на холм и бросил свой велосипед в траву. Тяжело дыша, я медленно пошел вперед. Как и говорил Денис, ни кратера, ни следов взрыва, ничего. Словно с неба и не падал метеорит.

А вдруг это не метеорит?

Мое сердце забилося сильнее. Всю свою недолгую жизнь я верил, я знал. Все эти плакаты «I wont to believe» в моей комнате и плакаты с изображением агентов Малдера и Скалли. Все фигурки монстров и пришельцев. Все эти книги по астрономии, энциклопедии, фотографии и записи. Все эти вещи служили мне напоминанием лишь для одного – что мы не одни в этой вселенной. Я хотел в это верить. Я искал ответ. И вот он, кажется, лежит прямо передо мной.

Я присел на корточки перед кругом выжженной травы диаметром не больше метра.

– Что... фух... что там? – просипел подоспевший Мишка.

Он согнул возле меня и уперся ладонями в колени.

– Сам смотри, – ответил я, зачарованно разглядывая серую металлическую коробочку размером не больше музыкальной шкатулки.

Она лежала в самом центре выжженного участка и не по-

давала признаков внеземной жизни и не издавала звуков. Мы предусмотрительно держались от нее метрах в пяти.

– Да убери ты от меня эту палку, – ворчал Вася. – Мишка-а-а, ну скажи ему.

– Денис! – рявкнул Мишка.

Денис явно с большой неохотой отбросил в сторону измазанную в говне палку, и подошел к нам. Основную часть коровьей лепешки, как я заметил, он потерял по дороге.

– Коробка с украшениями твоей бабушки? – спросил меня Денис, пристраиваясь рядом.

Я ничего не отвил, был слишком взволнован.

– И чего мы сидим? – не унимался Денис. – Мы разве не за этим сюда приперлись?

– Она может быть опасна, – ответил Мишка.

Денис закатил глаза и выхватил у мишки его шест-бо:

– Дай сюда. Я сам проверю.

Присев на корточки, и двигаясь приставными шагами, Денис направился прямиком к шкатулке.

– Яйца береги! – шепнул ему Мишка.

– Да пошел ты, – махнул рукой Денис, но через пару шагов, прижал ладошку к паху.

Я видел, как он подходит все ближе и ближе и с каждым шагом мое сердце билось все сильнее. Оно практически выпрыгивало из груди. Что я делаю? Почему я еще здесь? Это я должен был пойти туда, я искал правду. Она должна принадлежать мне. Мне, и никому другому.

Я уже сделал шаг вперед, когда коробочка пикнула, видимо среагировав на приближение Дениса, и поднялась на тоненьких ножках, словно краб. Что-то внутри пришло в движение и завожжало, зажужжало. Принялось пищать.

Денис заорал во все горло:

– У-у-а! У-у-а-а! У-у-а!

С каждый выкриком, он, прыгая на корточках как обезьяна, принялся колотить шестом по шкатулке, выбивая из нее всю дурь.

– Денис, прекрати! – закричал Мишка.

– У-у-а-а! А-а-а!

– Денис!

Я кинулся к ним, но опоздал. Когда я подошел к месту падения, от шкатулки остались лишь непонятные мне схемы и грудка искореженного метала.

– Боже, какой ты идиот, – выдохнул Мишка.

– Не, ну а че она.

Денис вытер нос и ткнул палкой в коробочку. Я смерил его уничтожающим взглядом и потянул руку к остаткам коробочки, что могла прилететь к нам из космоса. Как только мои пальцы к ней прикоснулись, коробочка распалась полностью, высвобождая на волю продолговатый камешек белого цвета. Казалось, что он был наполнен светом внутри, но наружу его не выпускал.

Я поднял камушек.

– Похож на горный хрусталь.

– Вот и возьми его себе, – усмехнулся Денис. – Ночью в жопу вставишь.

Вася рассмеялся, а я только искоса на него взглянул.

– Да пошел ты...

– Тихо! – скомандовал Мишка. – Слышите?

Я прислушался. Так вот, что это был за звук! Мы не обращали на него внимания, потому что были увлечены и сами громко кричали. Это было ошибкой.

– Двигатели.

Взгляд Дениса сместился с меня на Мишку.

– Надо бежать, – простонал Вася.

– Пойдите! – Денис спустил штаны и вытащил свою пипку. – Надо оставить метку. Вроде как «Мы тут были».

Мы, открыв рты, смотрели, как он отливает на прибор, рухнувший с неба, и не могли поверить своим глазам. Тем более, если учесть, что рев моторов становился все ближе.

– Скрестим струи, братья? – весело предложил Денис, торжественно вскинув левый кулак в воздух.

– Бежим, идиот! – заорали мы разом и кинулись к велосипедам.

Денис бросился за нами следом, пытаясь на ходу стряхнуть. Кажется, получалось не совсем удачно, если судить по его отборной ругани.

Подскочив к велосипедам, мы запрыгнули в седла и надавили на педали.

– Забрал свой тампон? – спросил Денис, догоняя меня.

Я кивнул. «Тампон» покоился в кармане моих шорт.

Август 2001.

– Палка с говном?

Наташка сидела, перекинув одну ногу через другую и легонько ей покачивая. Упершись предплечьями в колено, она двумя руками удерживала перед собой кружку свежесваренного кофе. Мы отлучались на кухню во время разговора, и я заварил нам по кружечке. И так как я варил кофе в турке, то сперва я сварил его для Наташки, так как она не любит горячий, а затем для себя, так как я все равно пью его с молоком.

– Это единственное, что тебя заинтересовало во всей истории?

Не могу сказать, что я был обижен, или как-то уязвлен ее реакцией, но какой-то неприятный осадок остался. Что еще взять с этих женщин.

– Нет, – она откинул прядь светлых волос со лба, – но просто – палка с говном? Серьезно?

Я тяжело вздохнул и потер пальцами переносицу.

– Мы были детьми. Девять или десять лет. Так мы дурачились.

– Пытаясь измазать друг друга говном?

– Ты не могла бы, – я поставил кружку с кофе на стол и поднял в воздух обе руки, словно стараясь отгородиться от

девушки. – Не могла бы перестать повторять это слово?

– Какое слово? – Наташка изогнула бровь. – Говно?

Я бессильно уронил руки и уселся за стол, вновь придвинув к себе кружку.

– Слушай, ну чего ты так реагируешь, это ты рассказал мне всю эту историю.

Голос Наташки был слегка ироничным, но в то же время теплым.

– Ладно, давай забудем. – Я бросил на нее быстрый взгляд. – Так что ты думаешь?

Наташка протянула ко мне раскрытую ладонь, и я вложил в нее белый камушек, что хранил в себе свет.

– На вид, так простой камень, – резюмировала она. – И в самом деле, похож на горный хрусталь.

Наташка несколько раз повернула его в руке, рассматривая с каждой стороны, покрутила между пальцев, поднесла к глазам, прикоснулась губами, попробовала на зубок.

– Нет, – слегка качнула она головой, возвращая мне камень. – Я ничего не могу сказать сверх того, что ты мне уже рассказал. Я и не знала, что в нашем районе падал метеорит, – она поймала мой взгляд и быстро добавила: – Или разбивался спутник, или зонд, или что бы то ни было. И отец мне ничего такого не рассказывал.

Было не удивительно, что Наташка упомянула своего отца, ведь он у нее работал военным, от того и редко бывал дома, что и послужило причиной их развода с Наташкиной

мамой. Но в те времена, когда ее отец возвращался, он баловал дочку, как мог, частенько сливая ей недоступную – хотя и вряд ли секретную – простому обывателю информацию.

– Думаешь, он бы тебе рассказал?

– В детстве мы часто с папой смотрели в небо и считали падающие звезды. Не пропускали ни одного звездопада.

Судя по глазам Наташки, мыслями она была далека отсюда. Вероятно, сидела, укутавшись в теплый плед в объятиях отца и наблюдала, как хвостатые метеоры сгорают в атмосфере, создавая неповторимый небесный рисунок.

Я кивнул.

– Значит, это простое совпадение?

– Может быть, – ее взгляд не отрывался от моего задумчивого лица. – Но ты ведь не веришь в совпадения, так?

– Не верю, – кивнул я.

– Да и свет камня похож на тот свет, что ты видел в больнице.

– Похож. Я сразу о нем вспомнил. Лет шесть не вспоминал, даже когда он мне на глаза попадался, а сейчас вот вспомнил.

– И ты не веришь, что свет камня, это всего лишь природное явление, как например фосфоризирование?

– Ну, он ведь не светится, так? Фактически он не светится. И упал он с неба, не знаю точно откуда, но с неба. Может и не из космоса, может он и земного происхождения, но точно свалился с небес. Знаешь, как я его назвал?

Наташка отрицательно покачала головой.

– Осколок неба.

– Очень красиво, как и все, что ты говоришь.

Я поднял голову и ехидно ухмыльнулся:

– Даже про твои...

– Все, – перебила она меня. – Беру свои слова обратно.

Поставив пустую кружку на пол, она забралась на мою кровать с ногами и свернулась калачиком на подушке.

– И что ты намерен делать?

Я долго смотрел на нее, прежде чем ответить. Намного дольше чем того требовалось, чтобы найтись с ответом, и намного дольше, чем того требовали правила приличия. Просто смотрел в ее голубые глаза, словно пытался найти в них ответ, или хотя бы подсказку. А она смотрела на меня. Смотрела и терпеливо ждала.

– Не уверен, что я хочу что-то делать, малыш, – наконец ответил я, перебирая камень пальцами. – Последний раз, когда я что-то сделал, мы чуть не погибли.

Наташка молчала, лишь смотрела на меня из-под спадающих на лицо волос.

– Они чуть не погибли. Ты чуть не погибла. Я был самоуверен, считал, что все смогу сделать сам, что я слишком умный. Это было плохое решение, и это были плохие времена.

– Такие уж плохие? И ничего хорошего не произошло?

Я взглянул на Наташку. Она лежала на кровати и чертила пальчиком окружность на подушке. Взгляд был заискиваю-

щим. Я улыбнулся.

– Не все. Еще мы встретили тебя. Если бы не все эта ужасная история, мы бы никогда не познакомились.

– Угу, – Наташка усилено закивала. – Тем самым вы спасли мне жизнь. А потом присматривали за мной, за моей мамой, за моей бабушкой. Это дорогого стоит.

– Подвергая всех опасности. Непрерывной. Ежечасной.

– Спасли одинокого старичка от смерти, – парировала Наташка.

– Отправив брата в самое его логово?

Я отмахнулся от нее рукой как от назойливого комара, показывая тем самым, что разговор можно не продолжать.

– А как же те, кто мог бы умереть, если бы мы ничего не сделали? – воскликнула Наташка, поднимаясь на кровати.

– А как же те, кто умер? – спросил я, впиваясь в нее озлобленным, потерянным взглядом.

Повисла неловкая пауза. Наташка стояла на коленях на моей кровати, в моей рубашке с силой прижимая руки к груди. Я видел, как она страдает, как страдает вместе со мной. И я хотел ей верить. Хотел верить, но она не понимает. Не может чувствовать того же, что и я. И я был зол.

– Прости меня, я не хотела, – хныкнула Наташка.

– Я знаю, – рявкнул я в ответ, отбрасывая камень в сторону.

Он прокатился по гладкой поверхности стола и вместо того чтобы упасть на пол, угодил на нижнюю полочку с книга-

ми.

Я сидел сжигаемый злобой и ненавидел себя за этой. Ненавидел за свои слова, за свои поступки. Девушка ни в чем была не виновата, она хотела лишь помочь, и из-за этого я ненавидел себя еще больше.

Острый пальчик ткнулся в мое плечо. Я поднял голову. Наташка стояла передо мной как нашкодившая девчонка, отведя руки за спину, и смотрела полными слез глазами. Ярость, бушевавшая во мне до этого, исчезла, словно ее и не было. Пожар так быстро потух, точно был лишь иллюзией, миражом, вызванным воспаленным от горя сознанием. Я не мог на нее сердиться. Но больше того я не мог видеть как она плачет.

– Давай мириться, – прошептала Наташка, снова тыкая меня пальчиком в плечо.

– Прости, малыш, – я раскрыл объятия. – Ты ни в чем не виновата, не знаю, что на меня нашло.

Наташка прижалась ко мне и обхватила руками за шею. Ее щека прикоснулась к моей, и я почувствовал, как скатилась вниз слезинка, оставляя мокрую дорожку.

– Я знаю, – прошептала она. – И мне так жаль. Ох, милый, мне так жаль.

Я сомкнул объятия на ее спине, такой худенькой, такой беззащитной, И глубоко вздохнул, пытаюсь не дать этим предательским слезам пролиться и у меня. Наташка, наверное, не помнила, но именно эти слова она сказала мне, в тот день,

сразу после того как *она* исчезла.

Мы простояли в объятиях друг друга, наверное, целую вечность. Я чувствовал, как мерно вздымается ее грудь, ощущал горячее дыхание на своей шее, и с каждым новым ударом, бешеный ритм биения ее сердца успокаивался, сравниваясь с моим.

Я же, в свою очередь, чувствуя тепло ее тела и ощущая горячее дыхание, постепенно уходил от проблем все дальше в воды бескрайнего океана, под бесконечным лазурным небом, чистым как капелька росы поутру. Я ощущал под ногами песок, ощущал набегающие волны и прохладу воды. Я шел все дальше, погружался все глубже, пока меня с головой не накрыл океан. Я бы вечно хотел оставаться на этом пустынном пляже, медленно плыть под водой ведомый подводным течением или силой отлива, и не думать больше ни о чем. И ничего не чувствовать.

– Ты все еще думаешь о *ней*? – спросила Наташка.

Ее голос звучал совсем близко, я чувствовал легкое прикосновение ее губ. Я долго молчал, не знал что ответить. Не думать о *ней* я не мог.

– Иногда, – медленно начал я, опуская руку ниже, чувствуя под пальцами грубую материю моей рубашки, плотный швы и идеальный изгиб спины Наташки, – я вижу *ее* перед собой. В коридоре во время перемены. Вижу вспышку *ее* огненных волос в толпе. Я хочу *ее* окликнуть, но *она* исчезает.

Я почувствовал, как пальцы девушки впились в мои пле-

чи.

– А иногда, я чувствую *ее* запах совсем рядом, словно *она* прошла мимо. Я оглядываюсь... а *ее* нет. Но этот запах, – я отстранился от Наташки, чтобы взглянуть ей в глаза. – Ты знаешь? Свежесть хвойного леса и...

– И ваниль, – кивнула Наташка.

– Нет. Я думал, что ваниль, но это не так. Я перепутал запахи. Перенюхал дома все, что содержало или могло содержать ваниль, а затем нашел парашек ванили на полочке со специями. Это не она. Не ваниль. Но я нашел тот запах. Это легкая горечь миндаля.

Наташка смотрела на меня с улыбкой, смахивая слезы с ресниц.

– Не плачь, глупая, – улыбнулся я ей в ответ. – Я ведь больше не плачу.

Наташка вытерла слезы двумя руками и уверенно шлепнула себя по щекам:

– Так, а ну взяли себя в руки. Раскисли тут.

– И не говори.

Она наклонилась и подобрала осколок неба, а затем вложила его в мою руку и сжала ее в кулак.

– Мы должны хотя бы попытаться выяснить, что происходит, – заявила она, твердым, уверенным голосом. – Мы можем сходить в больницу и поговорить с девочкой. Она может что-то знать, может что-то рассказать.

– Наташа, я не хочу... – начал было я, но девушка меня

перебила:

– А если бы там, на койке лежала я? Саша? Или... кто-то еще из твоих близких? Ты бы желал, что бы хоть кто-то тебе помог?

– Наверное.

Я виновато отвел взгляд.

– И у тебя есть мы. А у той малютки нет никого, кроме подруги, что дежурит в коридоре. Ей никто не поможет. И если это не какая-то семейная болезнь и хоть как-то связано, – Наташка кивнула на камень в моей руке, – с этим, то только мы заем, что происходит.

– А что происходит?

Я посмотрел прямо в глаза Наташке, и она не отвела взгляд. Смотрела гордо, уверенно.

– Не знаю, честно говоря, но это и не моя работа – все узнавать.

– Вот как? А чья же?

И вновь острый пальчик уперся в мое плечо.

– Твоя, мой дорогой, – ответила Наташка и выпрямилась во весь рост. – Так что вставай, надевай штаны и возвращаемся в больницу.

Наташка уверенным шагом вышла из комнаты и зашагала по коридору в сторону входной двери.

Я подождал несколько секунд, а затем крикнул:

– Ты так и пойдешь в моей рубашке поверх своего беленько белья?

В коридоре тихо «ойкнуло» и Наташка, красная как рак, быстрым шагом перешла в ванную комнату.

– И откуда ты знаешь, что у меня белое белье? В ванной ведь было темно?

– А я и не знал, ты мне только что сказала, – с улыбкой отозвался я.

– Дурак, – прозвучало в ответ из ванной комнаты, и я с улыбкой принялся одеваться.

Мрачных мыслей не было и в помине. На душе стало легче, а тучи за окном растянулись, уступая место голубым небесам и яркому весеннему солнцу. Выглядывая в окно, я подумал, что все не так уж и плохо, и что вряд ли что-то плохое может с нами случиться из-за одного лишь посещения больницы. Самое страшное уже произошло, а молния, как говорится, не бьет в одно место дважды. Тогда я еще не знал, в какой круговорот событий нас всех затянет.

За время нашей беседы ее одежда успела высохнуть. Не то, что бы мы проговорили добрых четыре часа, просто не так сильно вымокли. До моей квартиры было рукой подать, и потому Наташка вымокла только сверху. Джинсы же практически не пострадали. Она спешно натянула на себя одежду и отдала мне мою рубашку. Я кинул ее на кровать и вышел из комнаты.

Мне дожидаться, когда высохнет одежда, нужды не было, я ведь был дома, потому просто надел на себя первые подвернувшиеся под руку вещи, накинул свою незаменимую джинсовую худи фирмы «Jee Jay», вставил ноги в черные кроссовки и, открыв дверь для Наташки, вышел в подъезд.

Дождь за это время прекратился. Тучи еще полностью не растянулись, но небо уже сверкало тут и там ослепительной голубизной. Свет дневного солнца пробивался в просветах туч и отражался от гладкой поверхности луж и ручейков, что стремились поскорее убежать вниз, в нижний город, затопив узенькие гравийные улочки. Ветер стих и перестал качать кроны деревьев, и те стояли спокойные, низко склонив потяжелевшие от капель воды ветви. Погода застыла, город наполнился звуками капли.

– Думаешь, это хорошая идея?

Наташка молча взяла меня под руку и настойчиво потя-

нула вперед.

– Думать твоя задача, – заявила она мне, когда мы пересекали проезжую часть по улице Горького. – Я привыкла действовать импульсивно. Вот хочу чего-то и – раз! – все уже сделано. А о последствиях буду думать позже.

Она заглянула мне в глаза снизу вверх:

– Я ведь все-таки девочка.

Ага, как же, подумал я про себя, но вслух ничего не сказал. Нет, в том, что она девочка не было никаких сомнений, но вот все, что она сказала до этого, было совершенно на нее не похоже. Всегда рассудительная и здравомыслящая, обдумывающая каждое свое действие, я просто не мог представить, чтобы она кидалась куда-то очертя голову. Может она и была такой раньше, когда еще не была знакома с нами, до всего этого. Но теперь нет. Я в это не верю. Этот случай изменил ее. Изменил нас всех. Разве не потому мы сейчас движемся в сторону больницы, шлепая ногами по лужам?

Я вдохнул полной грудью запах, что всегда оставался после дождя. Запах обновления, запах очищения. Запах новых надежд. Так что же мы надеялись услышать от девочки? То, что позволит нам понять, что в этом деле нет никакой загадки, нет других сторон и нет никаких монстров в тених, покойников из подвала? Или же наоборот, мы как наркоманы плетемся туда, чтобы услышать подтверждения наших опасений, чтобы снова ввязаться в эту нелепую гонку, где ставки наши жизни? Возможно ли, выбраться из этой игры сде-

лав ставку однажды, или она навсегда останется частью нас самих?

– О чем задумался?

Тихий голос Наташки заставил меня вернуться в реальный мир. Мир звуков и тишины.

– Об упругости твоей груди, когда я ее...

Острый локоток коротко, но остро и безжалостно ударил меня под ребра. Скорчив недовольную мину, я выпрямился и пошел дальше, ведомый ее рукой.

– Не знаю, что мы делаем, – ответил я, на этот раз всерьез.

– Я так понимаю, в глобальном смысле?

Я коротко кивнул, даже не озаботившись тем, видела ли это моя подруга. Думаю, видела. А если и нет, то наверняка почувствовала. Она всегда все чувствовала.

– Мы словно идем напрямиком в пасть льва. Мы видим эту пасть, видим красный склизкий язык, видим блеск клыков, и все равно туда идем. – Я взял короткую паузу и продолжил: – Мы словно вышли на магистраль и движемся навстречу несущемуся на нас грузовику. Слышим рев мотора, скрежет колодок, мы понимаем, что он не успеет затормозить, но все равно идем. Мы...

– Достаточно метафор, я поняла.

Я замолчал и вновь коротко кивнул. Наташка поплотнее запахнула свою красно-черную клетчатую рубашку, с трудом застегнула еще одну пуговицу на необъятной груди, приподняла воротник и крепче прижалась к моей руке. Могло пока-

заться, что ей стало холодно, точно поднялся ветер, но ветра не было, и температура не понижалась. Холод пришел изнутри.

– Сами ищем себе неприятности?

– Думаю, в этом все мы. Скажи я все это сейчас пацанам, и они тут же примчались бы и встали с нами рядом.

Наташка остановилась, повернулась ко мне и серьезно взглянула в глаза.

– Думаешь, мы не можем теперь жить по-другому? – спросила она с дрожью в голосе.

– Думаю, мы не хотим теперь жить по-другому, – ответил я, и осознание правдивости моих слов обрушилось на меня ледяным водопадом.

– Мы оставили наши жизнь в прошлом году, – продолжил я. – Мы бежали и споткнулись. Встав, мы двинулись дальше, но что-то, что жило внутри нас, часть нас самих, осталась там, лежать на дороге. И с каждым шагом мы все дальше от нас самих. Спускаемся все ниже, погружаемся все глубже.

– Погружаемся куда?

– В темноту, что стала нашим новым домом.

Наташка вздрогнула, ее тело покрылось мурашками, похолодело. Ей было страшно, но глаза сияли. Страх принес избавление от ноши, что мы носили на шее последние месяцы.

– Тогда чего же мы стоим? – спросила она улыбаясь. – Кажется, темнота нас зовет.

Вновь предложив девушке взять меня под руку, я зашагал по тротуару мимо Стеллы Великой победы, мимо старого заброшенного четырехэтажного дома, окна которого все так же чернели спустя все эти годы, мимо резких поворотов на Первомайскую, где когда-то стоял дом, которого никогда не было. Я зашагал, нет, мы зашагали мимо нашего прошлого, которому суждено было стать нашим настоящим и нашим будущим.

Добравшись до больницы, я понял, что так был занят размышлениями о прошлом и будущем, что совсем забыл про тот факт, что время приема закончилось, и нас не пустят просто так к больным. Один раз нам уже повезло сегодня, не думаю, что повезет так еще раз. Как бы хорошо работники больницы ни знали мою маму, но свои шкуры им были дороже, и дважды за день так рисковать, пропуская посетителей в неурочное время вряд ли бы стали.

Мы замерли возле входа и уставились друг на друга.

– Что же будем делать?

Наташка нервно кусала губы. Видимо ее только что посетила та же мысль, что и меня.

– Понятия не имею. Может, стоит найти телефон и позвонить тете Свете? Она хорошая мамина подруга и меня очень любит. Работает в инфекционке. Она точно нам поможет.

– И где мы сейчас найдем телефон?

Резонный вопрос. Время было такое, что все телефоны автоматы уже практически полностью исчезли из города, а

мобильные еще не вошли так прочно в наши жизни и найти телефон посреди города, в конце рабочего дня было весьма проблематично, если не сказать большего.

Хотя, был у нас один мобильник, старенький Моторола, что мы нашли в бардачке Морриган. Симку мы выкинули и достали новую. Старые связи помогли нам раздобыть симку, за которую не надо было платить, которая не могла привести к нам. Ей мы и пользовались, если того требовали обстоятельства. Но сейчас телефон лежал там же, где большинство наших, скажем так, сомнительных вещей – в стальном миниатюрном сейфе в нашем штабе.

Я скривился, и Наташка зеркально повторила мою гримасу. Видимо это означало, что мы оба приперты к стенке. Все, гениальный план провалился, впереди обрыв, наша карта бита. Финита ля комедия. Все они были мертвы. Последний выстрел поставил жирную точку в этой истории. Я снял палец с курка, все было кончено.

Наташка внимательно смотрела на меня.

– Опять думаешь о каких-то глупостях? – спросила она.

– Кхм, вовсе нет.

Я поднес кулак к губам и откашлялся еще пару раз.

– Ну конечно, а то я тебя не знаю, – Наташка криво усмехнулась. – Опять представлял себя героем из книги?

Я не моргнул и глазом.

– Из игры?

Взгляд сместился влево. Наташка улыбнулась шире.

– Думал, что ты Макс Пейн? Что ты там все время говоришь? «Я снял палец с курка, все они были мертвы»?

Попала в самое яблочко. Я скривился. Чертова девка.

– Хотите поговорить с ней?

Внезапный вопрос застал нас врасплох. Печальный голос родившей в этой больничной тишине ударил по нам как церковный колокол, заставив подпрыгнуть на месте и развернуться к его источнику.

В тени деревьев на обшарпанной лавочке сидела маленькая девочка, лет десяти, с длинными светлыми волосами. Она смотрела себе под ноги и ковыряла туфелькой землю.

– Так хотите? – повторила она, не глядя на нас. Ее интересовала только ямка под ногами, которая становилась все глубже.

– Поговорить с кем? – осторожно спросил я.

– С Улей.

Я уже слышал это имя. Улей звали девочку, чья сестра лежит в палате вместе с их отцом. С ней мы и пришли поговорить.

– Ты Настя, верно?

Я подошел на шаг ближе. Девочка кивнула, не поднимая головы.

– А ты мальчик, что принес деньги в коробке с Пухом.

– Я не...

– Это был ты, – уверенно заявила Настя. – Ты еще и еще светловолосый мальчик.

Мы с Наташкой переглянулись. Каждый из нас знал, кто он есть на самом деле, и скрывать это сейчас не было никакого смысла. Однако это совсем не входило в наши планы. В мои планы.

– Послушай, Настя...

– Кнопка, – вставила девочка. – Друзья зовут меня кнопка.

– Ты считаешь нас друзьями? – осторожно спросил я.

Девочка вновь кивнула, не поднимая головы.

– Мой папа считал. И Пух так считает. А значит вы и мои друзья.

– Хорошо, Кнопка, слушай, тогда мы принесли...

– Это не то, – перебила меня девочка, с силой пнув землю под ногами. Ямка углубилась, чуть не забрав с собой и туфельку девочки.

– Не то? – переспросил я.

– Мне важна только Уля.

– Уля, – повторил я. – Уля, значит. Уля твоя подруга?

– Да.

– Та, что сидит в палате?

– Да.

Я посмотрел на Наташку. Кажется, все складывалось как нельзя лучше. словно это дело само хотело заполучить нас.

– А мы можем с ней поговорить, как ты думаешь? – спросила Наташка.

– Не надо так со мной разговаривать, я не ребенок, – от-

ветила девочка и поднялась с лавочки. – Ждите здесь, я ее приведу.

Когда девочка скрылась за дверьми больничного крыла, Наташка повернулась ко мне и, округлив глаза заметила:

– А девочка-то боевая.

– Ага, – согласился я. – И не из пугливых.

– Наша порода.

Мы улыбнулись друг другу.

– Как думаешь, почему она так свободно входит и выходит в детское отделение?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Может она тоже здесь лежит и ей уже можно выходить? А может ей просто позволили навещать подругу, как и той, навещать сестру. Вот и приходят вместе.

– Да, наверное, ты прав.

Мы прождали не больше десяти минут. Не достаточно долго, чтобы уже отчаяться их увидеть, но достаточно, для того чтобы подняться на второй этаж и вернуться вместе с Улей. Что могло их так надолго задержать?

Но вот двери открылись, и на свет вышла Настя, что вела за руку измученную девчушку с длинными темными волосами. Она усиленно терла глаза, словно только что проснулась, и сжимала в руках толстую картонную папку на вязочках формата А4, которую я отлично знал, как и любой другой, кому довелось учиться в младших классах.

Теперь причина задержки был очевидна: Уля наверняка

спала на кровати своей сестры, как и в тот момент, когда я случайно их увидел. Она выглядела сонной, рассеянной, все время терла глаза, а на волосах застыли капельки воды. Наверняка Настя отвела ее в ванную и заставила умыться, перед тем как идти к нам.

– Уля, это Андрей, – сказала Настя, указывая на меня.

Я удивился тому, что она знает мое имя, но не стал задавать лишних вопросов.

– Привет, Уля, – я протянул ей руку, и Уля робко пожала ее своими маленькими пальчиками. – Приятно познакомиться.

Удя кивнула в ответ.

– А это?.. – Настя дерзко смотрела прямо в глаза Наташки.

– Наташа, – смущенно и растерянно произнесла девушка.

Уля кивнула и ей.

– Пойдемте на лавочку, – предложила Настя.

Мы без возражений прошествовали за ней, и расселись на старенькой лавочке в тени деревьев, где Настя сидела до этого.

Рассаживала нас тоже Настя. Сначала она усадила Улю, затем предложила сесть мне. Села сама справа от меня и только потом указала на свободное место справа от нее Наташке.

– Расскажи им, – попросила Настя, не сводя грозного взгляда с Наташки.

– Это было ночью, – тихо начала Уля.

Я сконцентрировал все свое внимание на девочке, и весь мой мир сузился до одной маленькой точки, которой она и была.

– За несколько дней до Дня Шахтеров. Мы собирались спать, и я попросила Оксану открыть форточку, потому что было жарко.

– Оксана это твоя сестра? – спросил я.

– Да, – кивнула Уля.

Настя продолжала сверлить взглядом Наташку, словно хотела прожечь в ней дыру. Наташка явно смущалась и волновалась, но в то же время, пыталась улыбаться в ответ на эту напряженную гримасу на лице девочки.

– Ты его девушка? – внезапно спросила Настя.

– Что? – встрепенулась Наташка, посильнее запахивая декольте не сходящейся на груди рубашки.

Настя вопроса не повторила, но и взгляда не отвела.

– Нет... нет, мы просто друзья.

Настя еще некоторое время сверлила ее взглядом, а затем повернулась к нам. Наташка облегченно вздохнула.

– Бабайка? – переспросил я Улю, даже не подозревая, о чем говорят две другие девушки.

– Нет, – замотала головой Уля. – Он не трогал. Он никогда нас не трогал. Только ходил ночами по квартире. Топтал громко и сопел. Иногда за ноги хватал, что я просыпалась, но не больше.

– Тогда?..

– Он зашел через окно.

– Окно?

– Да, форточка, что осталась открытой, – Уля громко хлопнула носом и продолжила: – Он был страшным, склизким, извивающимся. Он высосал из Оксаны душу, вот что он сделал. Пил ее всю ночь, а я ничего не могла сделать. Хотела закричать, но не могла.

Из Улиных глаз покатались крупные слезы, каким могут плакать только дети и Настя тут же оказалась около нее, приобняла за плечи.

– Покажи им рисунок, – велела она.

Уля вытерла слезы и раскрыла свою папку, которая была, конечно же, школьным альбомом для рисования. Она извлекла один рисунок и протянула мне. Я заметил, что все остальные изображали примерно одно и то же.

Я взял рисунок и взглянул на него.

– Ты отлично рисуешь.

– Спасибо.

На лице девочки не проскользнуло даже тени улыбки. Я смотрел на рисунок минут пять, ничего не говоря и не отводя взгляда. А затем встал и повернулся к девочкам.

– Можно я возьму его с собой? – спросил я.

Уля только кивнула. Настя же посмотрела на меня подозрительно.

– Спасибо, Уля, – я повернулся к Насте, – Кнопка. Мы пойдем.

– Ты не веришь! – крикнула нам вслед Настя.

Она не спрашивала, она утверждала. И видит бог, если он, конечно, есть, я не верил. Не верил тому, что мне рассказали, не верил тому, что увидел на рисунке.

– Не веришь! – кричала вслед Настя, а я продолжал идти вперед, пытаясь задушить поднимающийся внутри мен гнев.

– Что случилось? – спросила Наташка, когда мы отошли на два квартала от больницы.

Я молча протянул ей рисунок. Наташка рассматривала его не меньше меня, но когда закончила, взглянула на меня вопросительно.

– Что ты видишь? – спросил я.

– Ужасный рисунок. Ребенку такое просто так в голову не придет.

– Уверена?

Наташка еще раз взглянула на рисунок. Это была ужасная безротая тварь, с головой блюдцем, с извивающимися щупальцами и глазами бусинами.

– Уверена.

Я остановился и взял рисунок из рук Наташки, но повернув его так, чтобы ей было видно.

– Эта голова, – я обвел картинку. – Жутко похожа на голову Хищника. Такая же форма, только чуть более округлая. Это лицо – лицо Протоссов из Старкрафта. Вот эта вытянутая часть, и отсутствие рта, и носа, и ушей.

Наташка смотрела внимательно, хоть и не понимала всего.

Ее брови хмурились все сильнее, а взгляд не отрывался от моей руки.

– Часть тела похожа на тело ксеноморфа из фильма Чужой, только прикрытое каким-то экзоскелетом, возможно биологическим. И только глаза, словно большие черные жемчужины.

– Похожи на глаза рака, – заметила Наташка.

– Точно, – кивнул я. – На глаза рака. Или краба. Или омар. Или бог его знает, какого еще членистоногого гада.

– Ты хочешь сказать, что этот рисунок фальшивка?

Я долго смотрел на Наташку, прежде чем ответить, но ответ и не был нужен, она все поняла по моему взгляду.

– Но зачем им врать нам?

– А зачем люди врут? – ответил я вопросом на вопрос. – Чтобы выгородить себя, чтобы повысить собственную значимость, чтобы проще воспринять реальность.

– Но какую реальность?

Я взял Наташку за плечи и склонился над ней.

– Реальность, в которой они просто больны наследственным заболеванием и для нас тут нет никакого дела.

Развернувшись, я зашагал вперед по дороге шагом, который был не достижим для Наташки с ее короткими ножками. Я слышал, как она пытит сзади, пытаюсь меня догнать, и упивался этим, подкармливая своего внутреннего демона.

Сложив рисунок, я засунул его в задний карман джинс. Не собирался его сохранять, но почему-то сделал это. Я был зол

на рисунок. Зол на Настю с ее подругой Ульяной, что решили надурить нас. Зол на Наташку, что пыталась меня догнать. Зол на себя, что позволил себе надеяться. Зол на весь мир. И зародившееся во мне зло довольно урчало.

Неизвестно.

Небо было затянуто серым до самого горизонта, и целый день барабанил мелкий неприятный дождь, заставляя разрастаться лужи под ногами. Они все увеличивались и увеличивались в размерах, захватывая все новые территории, сливались вместе, образуя небольшие озерца, и шумными потоками стекали вниз по склонам, затапливая низины, превращая их в непроходимые болота.

Лейтенант целый день сидел под навесом, наблюдая, как льется с брезента вода, как разбиваются капли о металлическую опору и стекают вниз, образуя глубокую лужу, что с каждым часом становилась все ближе к его армейским ботинкам. Он не двигался, просто смотрел. Смотрел до тех пор, пока не смог ее коснуться носком, но даже после этого не сменил положения тела на небольшом складном креслице возле металлического походного столика.

Через десять минут двое молодчиков с саперскими лопатками вырыли отводящую канаву и пустили воду в обход навеса вниз по склону, составляя новейшую экосистему образовавшихся в низине болот. Отдав воинское приветствие и доложив о выполненной работе, солдаты дождались кивка со стороны лейтенанта и умчались по другим делам.

А видит бог, дел у этих парней было выше крыши. Лейтенант все с возрастающим внутри него ужасом наблюдал, как разрастается военный палаточный городок. Как один за другим появляются приземистые военные палатки и тенты. Солдаты сновали туда-сюда, перетаскивая тяжелые ящики с оборудованием, разгружая прибывающие машины. Топот ног по лужам и чавканье грязи под ногами заполняли хорошо замаскированный лагерь.

Они совсем как муравьи, думал лейтенант, наблюдая за тем, как трое солдат перетаскивают с места на место широкий ствол срубленной наспех сосны. Совсем как муравьи снуют то туда, то сюда, все время что-то передвигая, добывая, сооружая. Наверняка эти ребятки бы отстроили генеральскую дачу за неделю, а то и быстрее. Лейтенант улыбнулся своим мыслям. Это была первая улыбка за последнюю неделю.

Мимо прогрохотал грузовик, надрывно ревя старым двигателем, и покачиваясь на ухабах и заливая все вокруг дождевой водой, припарковался в дальней части лагеря, в одном ряду с тремя такими же. Вот только вместо обычного кузова сзади у грузовика была площадка с техникой, накрытой брезентом и высокой антенной.

Улыбка исчезла с лица лейтенанта, холодок пробежался по спине, и на лбу выступила ледяная испарина. Как же это так, думал он, как может быть, чтобы тебя одновременно бросало и в холод и в жар? А видимо может, тут же пришел

ответ из недр подсознания, может, когда видишь подобное, когда знаешь то же, что знал и он. Пальцы лейтенанта со скрипом прошлись по старомодной кожаной папке для бумаг, пережитку советского времени. Конечно, она была не из натуральной кожи, но лейтенанту было приятно представлять, что обшивка для папки была сделана из кожи неугодных правительству людей.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Вздвогнув как от удара молнии, что могли засверкать в любую минуту, ведь где-то за дальней границей горизонта уже были слышны первые отзвуки грома, лейтенант повернулся на звук голоса, искренне надеясь, что его подчиненный этого не видел.

Молодой сержант – совсем еще юный парнишка – топтался у самого входа под навес, прижимая одну руку к козырьку кепки, а второй лихорадочно сжимая бесчисленное множество папок, бумаг и карт, свернутых в трубки, что все время норовили вывалиться прямо в грязь под ногами.

Сержант был одет в военный камуфляж пятого слоя, который сидел на нем так, словно его шили на заказ лучшие мастера итальянских костюмов, в тех маленьких элитных магазинчиках, что лейтенант видел только в фильмах. Несмотря на теплую форму, сержант заметно дрожал и лейтенант быстро понял, что это не от холода, скорее от перенапряжения. Парень стоял вытянувшись во весь рост и не убирал руку от козырька.

– Вольно, сержант, – лейтенант вытянул в его сторону руку и несколько раз призывно качнул пальцами. – Проходите.

Чуть расслабившись, сержант шмыгнул под навес и с заметным облегчением вывалил свою ношу на стол.

– Сержант, – позвал его старший по званию.

– Да, товарищ лейтенант? – вновь вытянулся по струнке солдат.

– Я же сказал вольно. Расслабьтесь и присядьте.

Лейтенант подвинул складной стул, и сержант осторожно присел с другой стороны стола.

– Как тебя зовут? – лейтенант окинул сержанта серьезным взглядом. – Не возражаешь, если сразу на «ты»?

– Никак нет, товарищ лейтенант.

Лейтенант скривился, но все же кивнул.

– Как зовут?

– Роман... Рома Зыков.

– Рома. Значит Рома, да? Ну что же, Рома, приятно познакомится, меня зовут Николай Шаманов. Лучше просто Коля.

Он протянул руку сержанту и тот осторожно ее пожал.

– Никак нет, – поспешил добавить сержант.

Лейтенант вопросительно приподнял брови и сержант пояснил:

– Не могу вас называть, как вы просите, товарищ лейтенант. Не по уставу.

Николай кивнул, не меняясь в лице. Он ожидал чего-то подобного. Этот молодняк боится слова лишнего сказать или

сделать что-то не так. Карьера в армии может быстро накрыться медным тазом, стоит только косо взглянуть на одного из толстобрюхих полковников, что протирают свои задницы в кабинетах.

– Может быть тогда просто Николай? – предложил лейтенант Шаманов.

Сержант как-то неоднозначно кивнул из стороны в сторону и вниз. Что это могло означать, оставалось только гадать, так как продолжать этот разговор лейтенант не собирался. Не за тем он его сюда вызвал.

– Хорошо, Роман, что у тебя?

Сержант поспешил разложить на столе какие-то бумаги и развернул большую карту, как заметил Николай, точную карту района со всеми мелкими деревушками, поселками, речушками и рошицами. Очень детальная карта. Скорее всего, военная, и такой в ближайшей библиотеке не отыщешь.

– Вот здесь наша база, – сержант обвел на карте черным маркером небольшой участок земли среди леса. – Она расположена в двух километрах к западу от точки...

Сержант принялся прорезать ладонью воздух, словно что-то протыкая, но никак не мог подобрать слов.

– От точки падения?

– От точки падения. Спасибо, товарищ лейтенант.

– Почему так далеко?

– Объект находится на открытой местности, разбивать там лагерь было бы не осмотрительно.

Николай поднял взгляд на своего подопечного и тот сконфуженно замялся.

– Не осмотрительно? – повторил Николай. – Опасаемся наблюдения с воздуха?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Николай пристально смотрел на сержанта и думал, шутит он или нет. Хотя, конечно же, он думал не совсем так, скорее – он что, шутит? Ясное дело, что юмор и армия – два понятия, которые идут одно в разрез другому. Это не то что параллельные линии, но даже не перпендикулярные. Скорее это два разнонаправленных вектора. Потому сержант конечно не шутил. Но вот серьезность его взгляда говорила о том, что это не просто его распоряжение, это приказ сверху. Скорее всего, прямой приказ от майора. И чего же они боятся? Наблюдения со стороны американцев? Или может кого-то другого?

– Продолжай, Роман, – кивнул Николай, полной грудью вдыхая свежий лесной воздух.

– Мы отправили людей проверить зону падения...

Сержант замялся.

– Ну, – рявкнул нетерпеливо Николай. – И что с ней?

– Ее нет.

Николай уставился на сержанта так, словно впервые его видит. Вдали гроыхнуло так, что задрожала вода в лужах.

– Что значит – нет?

– Мы... мы проверили все в радиусе десяти километров,

и ничего не нашли.

Николай скинул кепку на стол и прикоснулся пальцами к вискам. Головной боли еще не было, но далекий гул ее барабанов уже был слышен. Он раздавался пока еще где-то в глубине черепной коробки. Но пройдет пара минут, может больше, и она аккуратно постучит в виски.

– Как, объект, который должен был упасть, – медленно начал Николай, делая короткую паузу перед каждым словом, продолжая массировать виски. – На самом деле никуда не упал?

– Это не совсем верно, товарищ лейтенант.

Николай открыл глаза и зыркнул на сержанта. Остро, неожиданно, так, как только он это умел. Подобное всегда производило впечатление не его людей. Вот и сержант чуть не свалился со стула, когда получил этот взгляд прямо между глаз.

– Я... я хотел сказать, что мы только что получили данные средств объективного контроля, что полностью изменили ситуацию.

Сержант разложил на столе новые карты, где были отмеченные другие зоны и несколько стрелок синего цвета. Как обычные, так и выделенные пунктиром.

– Согласно новым данным, объект начал движение по нисходящей орбите со скоростью...

– Роман, – перебил его Николай, отняв одну руку от виска. – Ты не мог бы перейти сразу к делу и по возможности

без лишних данных и терминов. Давай по-простому.

– Так точно, товарищ лейтенант.

Николай поморщился, но смолчал. Пусть называет его, как хочет, лишь бы закончить с этим поскорее.

– В общем, если верить данным объективного контроля, а не верить им мы попросту не можем.

Николай обреченно вздохнул.

– То выходит, – как ни в чем не бывало, продолжал сержант, – что объект начал снижение со скоростью свойственной падающему объекту.

Николай приподнял взгляд на сержанта и тот быстро встал:

– Если вычислить скорость объекта, пройденное расстояние...

Николай вновь опустил голову, и сержант замолчал, переступив с ноги на ногу.

– В общем, объект начал экстренное торможение примерно в километре от поверхности, – закончил сержант, отбросив лишние подробности.

Николай вскинулся всем телом. Он, конечно, понимал, на какое задание его направили, но до последнего момента надеялся, что это какая-то ошибка. Ошибка, не иначе. Всего на всего метеор, как тот, что упал в Тунгусе. Разве что поменьше. Но это...

Снова разом несколько раскатов грома сотрясли землю. На горизонте засверкали первые молнии, лениво облизыва-

ющие землю. Дробь, неотрывно стучащая по крыше тента все время разговора, заметно участилась. Дождь усилился, и теперь это были не мелкие капли, сыплющие с неба как песчинки, это были настоящие струи осеннего ливня. Деревья зашумели под тяжестью падающих капель.

– Дальше, – потребовал Николай, слегка придя в себя.

– По всей видимости, объект совершил посадку и исчез с радаров.

– Постой, – Николай взволнованно вскинул руку. – Совершил посадку? Такое возможно?

– Теоретически, – кивнул сержант. – Реверсивное торможение, товарищ лейтенант. Необходимо создание обратной тяги. Этот способ применяется для торможения в космосе. Так же его используют и на Земле, например в поездах. Но дело в том, что при такой скорости, это невозможно при нынешних технологиях. Или, невозможно в принципе.

– Хорошо. Допустим, он сел, – Николай с силой потер виски и прикрыл глаза. – Допустим, он смог использовать это реверсивное торможение. Он не разбился и совершил посадку. Тогда где он?

– Не могу знать, товарищ лейтенант.

Николай полностью оторвал руки от лица и уставился на сержанта. Барабаны головной боли били уже где-то совсем близко. Он чувствовал вибрацию, идущую по сосудам.

– Поясни, солдат, – потребовал он, выходя из себя.

– Не могу, товарищ лейтенант. После совершения тормо-

жения, объект полностью исчез. Мы не можем его засечь техникой, а авиация не может его обнаружить с воздуха. Он словно растворился.

– Не мне вам объяснять, товарищ сержант, что ничто не может просто так исчезнуть или раствориться в воздухе.

Николай перешел на «вы», а это не сулило ничего хорошего сержанту. И он это знал. С другой стороны, он всего лишь передает полученные им данные, за их точность и правдивость он не в ответе. А как все знают, гонцов казнить не принято, верно?

– Позвольте мне подытожить, товарищ сержант, – продолжил Николай, поднимаясь из-за стола. – Объект неизвестного происхождения пересек воздушное пространство Российской Федерации, совершил невозможную, по вашим словам, посадку на территорию нашей с вами страны и исчез? Растворился в воздухе?

– Так точно, товарищ... лейтенант.

Сержант стушевался и непроизвольно вытянулся по струнке.

Николай склонил голову и сделал глубокий вдох, заполняя легкие чистым лесным воздухом, еще не полностью загаженным выхлопами старой техники. В голову ударило, повело по кругу. Лейтенант устоял, даже не покачнулся. Сделал еще глоток, и еще, прочищая голову, заставляя боль отойти немного назад, дать ему еще время. И боль подчинилась. Взвыла, затряслась, но все же отступила вглубь и затаилась.

Она знала, что это ненадолго и ее время вот-вот придет.

– Так что же у нас есть, Роман? – вернулся Николай к своему обычному тону.

– Что у нас есть? – повторил сержант как загипнотизированный.

– Если мы знаем траекторию полета, в какой токе объект начал торможение и примерный тормозной путь, мы можем и узнать место предполагаемой посадки этого объекта, так ведь, Роман?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Николай кивнул и подвинул карту ближе к сержанту.

– Покажите.

Сержант склонился и обвел маркером территорию радиусом не меньше ста километров километров.

– Нам понадобится больше людей, Рома, – выдохнул Николай, рассматривая непростой рельеф местности. – Были бы другие условия, мы бы вызвали соответствующую технику и мигом бы все расчистили, но вся эта повышенная секретность...

Сержант понимающе кивнул. На его лице проступило что-то вроде сочувствия. Было ли оно вызвано словами лейтенанта или это сочувствие было направлено к самому себе, сказать было трудно. Ясным осталось только одно: работы предстояло не мало, если не сказать большего. Поиски займут не одну неделю, и то при условии, что им выдадут больше людей.

– Распорядитесь о начале поисковой операции, Роман, – приказал Николай. – Выделите столько людей, сколько сочтете возможным. Пусть прочешут все, до чего смогут добраться. А до чего не смогут, пусть переселят себя и все равно прочешут. Пусть заглянут в каждую расщелину, поднимут каждый камень, но надут эту хрень. Все ясно?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Сержант вытянулся по стойке смирно и приложил ладонь к козырьку.

– Свободны, сержант.

Сержант развернулся и вышел из-под навеса, оставив лейтенанта изучать карты, склонившись над столом. Дождь тут же забарабанил по его одежде, попал на лицо, остужая его, принося облегчение. Не смотря на осенний холод и дождь, за все время разговора сержант сильно вспотел. Он практически видел, как поднимается пар от его горячего тела.

Сержант успел сделать несколько шагов, прежде чем его окликнули:

– Сержант! Задержись на минутку.

Сержант повернулся и взглянул на лейтенанта. Тот стоял у выхода из-под навеса и смотрел на него.

– Следующий раз заходи без церемоний. Не важно, что у тебя, откидывай все уставы и воинские приветствия, заходи внутрь и сразу ко мне. Лети так, словно это помещение в огне, а внутри твоя жена рождает двойню. Понял меня?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Последний раз приложив ладонь к козырьку, сержант бегом удалился в сторону солдатских палаток. Лейтенант какое-то время еще смотрел ему вслед, наблюдая за тем, как дождь смывает его следы, не оставляя и намека на то, что пару секунд назад здесь прошел человек. Небольшие озера, что еще час назад были простыми лужами, уже превратились в ревущие реки, что неслись мимо, вычищая все следы пребывания человека в этих местах.

Лейтенант вздохнул и перевел взгляд на чернеющий вддали горизонт. Разом три молнии ударили в одно место, осветив землю бело-голубым. Ну вот, подумал он, а говорят, что молнии дважды в одно место не бьют. Что же это получается? Законы физики больше не работают? Как и законы мироздания? Объекты совершают невозможные посадки, растворяются в воздухе, а молнии бьют в одно место по три раза? Куда же катится мир, если в нем теперь допустимо подобное?

– Если, конечно, это еще наш мир, – буркнул себе под нос лейтенант Шаманов и вернулся под навес.

Вдали дважды громыгнули грозовые раскаты, две новые вспышки осветили землю и ветер зашуршал верхушками деревьев, сливаясь со звуками дождя. Громкий стон пронесся над землей и дождь снова усилился.

Сентябрь 2017.

Я замолчал. Мой взгляд был устремлен вдаль. Сквозь покрытое мелкими капельками окно, сквозь капли льющего с неба холодного осеннего дождя, сквозь только начавшие желтеть кроны деревьев, сквозь серую мрачность тяжёлых туч. Мой взгляд был направлен за горизонт и дальше. Он был устремлён далеко в прошлое, и прошлое поглотило меня целиком. Я растворялся в нем.

– Профессор?

Дождь барабанил по крышам, стучал к нам в окна, ручейками стекал вниз, размывая землю, очищая ее. Очищая нас.

– Профессор?!

Я оторвал взгляд от окна. Все они смотрели на меня. Кто заинтересованно, кто взволнованно, кто скучаяще. А кое-кто так и вовсе с вызовом. Наглые. Они стали наглые. Мы тоже были наглыми в свое время, но каждое новое поколение студентов становится все более наглым, словно перенимая некую эстафету у предыдущего. И эти были наглыми без меры.

С первых дней, они решили называть меня профессор, хотя этот титул, эта должность, не имела ко мне никакого отношения. Просто им показалось это забавным. Да я был мо-

лод. Моложе большинства их преподавателей, к тому же я был лишь временно приглашенным, отчитать курс и до свидания. Но меня поражала не их наглость, а их сплоченность. Уж не знаю, кому принадлежала идея так меня называть, но подхватили ее абсолютно все.

– Профессор? – повторила типичная зубрила с первой парты, в очках, строгой одежде и с полным отсутствием хоть какого-то намека на косметику.

– Я вас услышал и с первого раза.

Мой скучающий взгляд прошелся по крошечной лекционной аудитории, ни на чем конкретном не задерживаясь надолго, и вновь обратился к окну. Меня жутко клонило в сон. Глаза закрывались сами собой. Не знаю, сказалось ли на это ранее пробуждение, или этот приятный и милый моему сердцу стук капель за окном. Хотя, лично я сам, больше склонялся к мысли, что это возвращение в лекционную аудиторию так сказывается на мне. Даже не смотря на то, что на этот раз я находился по другую сторону.

– Задумались о ком-то конкретном?

Я сместил взгляд влево. Голос принадлежал молоденькой девушке, что вместе со своей подругой сидели за первой партой третьего ряда, ближе к окну и, на мой взгляд, являлись самыми большими оторвами этой группы. Одеты крайне вызывающе, рубашки на груди расстегнуты так, чтобы были видны очертания лифчика. Короткие юбки, чулки и недвусмысленные взгляды довершали картину.

Я проигнорировал вопрос девушки с двумя светлыми хвостами по бокам, что всем своим видом напоминала мне Бритни Спирс времен ее молодости и самого начала карьеры.

– Наслаждаетесь дождем?

Мой взгляд вновь сместился. На этот раз говорил парень, что сидел за девушками. Высокий, стройный, с дорогой прической, в фиолетовом поло и узких ярко-голубых джинсах, с вечно сладковатой улыбкой на лице, он всегда заставлял меня врасплох своей прозорливостью и медом, сочащимся в его голосе. А его голубые глаза и точеные черты лица вызывали у меня стойкие ассоциации с Кевином Райаном.

Заметив мой взгляд, парень мило мне улыбнулся, отставил в сторону руку и положил на нее подбородок, продолжая сверлить меня взглядом.

– Ха, смотрите-ка, а наш пидарок, кажется запал на профессора, – усмехнулся нагловатый парень, сидевший за первой партой слева от меня. Он был представителем типичного студенческого альфы. Среднего роста, но с широкими плечами и крепким телосложением, вполне сходил за какого-нибудь спортсмена. Я про себя называл его квотербеком.

– Ой, Сема, иди в жопу, – скривился Райан

– Если в твою, то ни за что.

Парень скривился еще сильнее, и стереотипно качнув головой, отогнул средний палец с аккуратно подстриженным и подточенным ногтем.

– Твоя жопа настолько плотно забита самолюбием, идио-

тизмом и прочим дерьмом, что я бы там при всем желании не поместился.

По аудитории прокатился раскатистый смех. Причем громче всех смеялись квотербек и Райан. Я перевел взгляд с одного на другого и обратно. Оглядел всю аудиторию, всех собравшихся и удивленно пожал плечами. Я их определенно не понимал.

– Эй, Райан, – позвал я.

– Да, Касл? – усмехнулся в ответ парнишка.

Я лишь слегка вскинул брови, но ничем не отреагировал на его слова.

– Ты гей, – сказал я прямо в лоб.

– А-а-а вы, крайне наблюдательны, профессор.

Он смеялся надо мной. Его глаза смеялись, его губы смеялись, даже положение его рук смеялось. Только вот насмешка эта была какой-то слишком добродушной.

Я кивнул и перевел взгляд на второго парня.

– Ты, квотербек, ты же местный альфач, – я не спрашивал, я вновь утверждал.

– Э-э-э? Я? Кто, я? – Он замялся, поерзал на стуле, затем развалился, как король и натянуто усмехнулся: – Ну, то есть, конечно. Да, я тут самый крутой.

Я вновь кивнул.

– И вы так спокойно общаетесь? Я хочу сказать, ты знаешь, что Райан гей, он показывает это всем своим видом, и ты так спокойно на это реагируешь?

– Ну, да.

Квотербек оглянулся.

– Я хочу сказать, сначала-то я был немного в шоке, от этого типчика в обтягивающих джинсах.

Райан вновь продемонстрировал ему свой средний палец.

– Но затем, я привык к нему. Так-то он нормальный. Ну, педик, конечно, но нормальный. Чего там. – Он вновь взглянул на Райана. – Может он и педрила, но он наш педрила. А мы тут все друг за друга горой стоим.

Общий гул одобрения прошелся по аудитории, и только Райан воскликнул:

– Отсоси, Сема!

– Только в твоих мечтах, чувак, – покачал головой квотербек.

Все вновь дружно загоготали.

– А вы что, из ненавистников, профессор?

Райан уставился на меня, продолжая подпирать голову руками. Я нисколько не смутился под его взглядом, прошли уже те годы, когда меня можно было чем-то смутить. Я поднял карандаш со своего молескина, покатал его в руках, рассматривая ровные черные грани, постучал по кожаному переплету и уставился в окно.

– Вовсе нет, – наконец ответил я. – Мне все равно кто ты: гей, лесба, транс или еще кто-то из современного зоопарка, главное, чтобы ты при этом оставался человеком.

– Выходит, вы к любому отнесетесь по-человечески?

Я перевел взгляд на Райана. Он сидел все в той же позе, и сверлили меня взглядом. Хотел на чем-то подловить?

– Если они того достойны, – я кивнул. – Да. Тогда да. Хотите, чтобы к вам относились по-человечески, так видите себя по-человечески.

– Мудрые слова, профессор.

– А это не мои слова.

– Вот как? – Райан удивленно изогнул бровь. – А чьи же?

– Антона Городецкого.

В аудитории повисла легкая пауза. Я осмотрел их пустые, непонимающие лица и вздохнул:

– Изучаете литературу и не знаете кто это такой?

Ответом мне были тишина. И только медалистка, со второй парты левого ряда, принялась лихорадочно листать свои конспекты.

– Ну, я вас в этом не виню, видел список вашей литературы.

Я вновь несколько раз постучал карандашом по молескину, где у меня было приколото степлером несколько распечаток с названиями книг и их авторами.

– С другой стороны, я даже не помню, сказал ли он это на страницах книги или произнес с широких экранов.

Я вновь задумался, постукивая карандашом по коже записной книжки, теряя при этом связь с реальностью. Кажется, я уходил в другой мир. Как там было? «Ночной дозор, всем выйти из сумрака!».

– Ну, может, хватит уже о всякой фигне, – прогнусавила Бритни. – Пора вернуться к действительно важным темам.

Сказав это, она дождалась, когда я взгляну на нее, и поменяла положение ног, перекинув одну через другую. Сделано это было сколь мастерски, что трусики мелькнули лишь на секунду. Как двадцать пятый кадр. Ни их формы, ни цвета – ничего, товарищ судья, у обвинения больше не осталось улик, нам нечего предъявить.

Если вы осуждаете меня, то бросьте это дело. Вы не видели, как сейчас выглядят и как себя ведут современные девушки-студентки.

– Да, давайте вернемся к вашему рассказу, – квотербек перегнулся через свой стол, навалившись на него всем телом, от чего тот протестующе заскрипел. – Вы рассказывали о времени, когда были детьми.

Я слушал его в пол уха, медленно моргая, и погружаясь все глубже в сонливое состояние сродни трансу. Его голос отдалился от меня, приглушился, на него лег далекий шипящий фон. Капли стучали снаружи все чаще, видимо дождь вновь усиливался. Их непрекращающаяся дробь эхом отзывалась у меня в голове, закручивалась воронкой, утягивая за собой мое сознание. Перед глазами все плыло, и в затылок тихо стучалась фаза быстрого сна.

– Спит, – раздался хорошо слышимый голос.

Он не был перекрыт никаким фоном и звучал вполне себе реально и даже близко. На расстоянии нескольких метров.

– Точно спит.

Второй голос был еще ближе. И звучал знакомо.

– Нет, он не может, занятия в самом разгаре.

– Да я тебе говорю спит. Сама взгляни.

– Я не сплю, – лениво отозвался я, открывая глаза. – С вами поспишь. Вы и мертвого разбудите.

– Доброе утро, профессор, – сверкнула глазками Бритни.

– Я же говорю, я не спал. Просто прикрыл глаза. Мне так проще сосредоточится.

Я всем своим видом показывал, что сна у меня ни в одном глазу, хотя прекрасно понимал, что стоит только дать векам сомкнуться вновь, я тут же усну. Провалюсь в сон так глубоко, что парой брошенных в аудитории слов меня уже будет не разбудить.

– У вас что, похмелье?

Я повернулся к Райану. Он сидел, все так же склонив голову и отставив в сторону руку, всем своим видом сообщая миру о своих сексуальных предпочтениях. Глаза иронично смотрели на меня, губы кривились в легкой усмешке. Такой же ироничной, но еще и сочувствующей.

– Нет, Элтон Джон, у меня нет похмелья, – ответил я.

– О, профессор, – брови Райана поползли вверх. – Так вы определитесь, я Кевин Райан или все же Элтон Джон.

– Я буду называть тебя так, как посчитаю нужным, – проворчал я.

– Вот как? Этим вы просто хотите мне сказать, что не

помните моего имени?

Я пробежал взглядом по молескину, но тут же осознал, что не делал записей по поводу студентов, и понятия не имею, как кого зовут на самом деле. У меня был журнал их группы, но я его открывал лишь один раз в первый день занятий, чтобы узнать, что это за здоровенный кусок макулатуры лежит у меня на столе. С тех пор он все время находился или у старосты, или в деканате. Мой к нему интерес пропал.

– Но я вовсе не против, профессор, – продолжал Райан. – Для вас я могу быть кем угодно.

Пока он это говорил, его глаза прикрылись на несколько секунд, а голова описала пол-оборота вправо. Я вздохнул и, бросив карандаш на стол, потер виски.

– Так Леша прав? У вас похмелье?

Точно, вот как его зовут, это паренька-гея – Леша. Я мог бы это запомнить, но уже через секунду забуду. Всю абсолютно не важную информацию я забываю моментально. Мозг сам решает, что для меня важно в данный конкретный момент, а что нет, и фильтрует получаемую мной информацию. Понятие не имею, как это работает, но живу с этим всю свою жизнь и уже привык.

Я взгляну сначала на Бритни, а затем на Райана и покачал головой:

– Повторяю еще раз: я не сплю, и у меня нет похмелья, я бы никогда не пришел на занятия с бодуна. Просто мне...

Я замолчал, не зная, что сказать дальше, но мне и не при-

шлось. За меня все сказал Райан:

– Пофиг?

О, а это было чертовски верное замечание. Я смотрел на него, а он смотрел на меня, без своей самодовольной и ехидной улыбки, и он все прекрасно понимал. Прятаться смысла не было.

– Можно сказать и так, – ответил я.

Тишины это заявление не вызвало. Не вызвало сверх меры, потому как в аудитории и так было довольно тихо и только капли дождя стучали снаружи. Кажется, всем было пофиг.

– Что, не шокирует? – спросил я, вновь подхватывая свой карандаш.

– Неа, – пожал плечами квотербек, его сосед лишь развел руками и разлегся на столе.

– Вы не первый преподаватель, которому пофиг.

– Тем более из тех, кто тут временно.

Я перевел взгляд с Бритни на ее соседку, но, кажется, говорили они вполне искренне. Постучав карандашом по молескину, я несколько раз кивнул:

– Справедливое замечание, хотя и довольно грустное.

– Ваша вера в систему Российского образования пошатнулась, профессор? – весело просил Райан.

– Наоборот, – ответил я, выдвигая верхнюю полочку стола. – Укрепилась.

По аудитории пронеслись легкие смешки. Было похоже на то, что не все поняли, что именно я сказал. А из тех, кто по-

нял, не все смогли определить полярность моего заявления. Так и происходит в нашем мире: кто-то что-то говорит, слышат все, понимают лишь некоторые, а осознают сказанное единицы.

– Где у вас тут курят? – спросил я, достав пачку Мальборо и осмотрев аудиторию.

– У нас тут не курят, – тут же отозвалась девушка, сидевшая за столом напротив моего.

– Это же университет, – подхватила ее подруга, похожая на мышку. Столь же серая и неприметная.

Под моим взглядом она мгновенно стушевалась и опустила голову, точно ее что-то заинтересовало в пустой тетради. Зато, оживился сосед квотербека. Он поднялся всем телом и с улыбкой посмотрел на меня.

– Можно в туалете, там даже преподаватели курят, – заявил он. – Не все, но некоторых я там часто вижу.

Я кивнул. Да, и в мое время я не раз сталкивался с преподавателями, что курили в туалетах. Я сам не раз к ним присоединялся и таким образом заводил весьма интересные и полезные для студентов связи и знакомства. Воистину место для курения кладезь информации, оно многие десятилетия объединяет людей. Но если бы меня заметили шляющимся по коридорам посреди занятий, то вряд ли бы погладили по голове. Я перевел взгляд на ближайшее ко мне окно.

– Окна открываются? – спросил я.

– Да, мы иногда проветриваем помещение, особенно ко-

гда жарко, – затараторила зубрилка с первой парты, староста группы, но вовремя сообразив, что к чему, тут же замолкла.

Я взял сигареты и направился к окну. Сейчас все окна были заменены на пластиковые. Это упрощало мою задачу. Открыв окно, я впустил в аудиторию прохладный уличный воздух с неповторимым запахом дождя и, втянув его полной грудью, я уселся на подоконник.

Не прошло и нескольких секунд, как и второе окно было открыто и с другого конца подоконника уселась Бритни, закинув ногу на ногу. Тут уже все пришли в движение. Кто-то просто нервно заерзал на месте, а кто-то, вроде квотербека и его друга, направились к нам. Последним подошел Райан, доставая из кармана пачку длинных сигарет.

– Эй, зубрила, эй, – позвал я и на мой голос среагировали сразу три девушки и один парень.

Я прикрыл глаза и несколько раз щелкнул пальцами, вспоминая имя. Я его знал, оно вызывало у меня ассоциацию со своей студенческой жизнью.

– Вика, – вспомнил я, и девушка сжалась, осела за партой, словно разом стала ниже. – Пулей к двери и встань на стреме. Предупредишь, если услышишь шаги.

– Вот это по-нашему, профессор! – воскликнул довольный друг квотербека, невысокий коренастый парень в одежде неопределенного мешковатого кроя коричневого цвета. Его звали Артур. Это имя сложно забыть, он часто на занятиях предлагал Бритни и ее подруге попробовать вытащить

его «экскалибур».

Он высоко вскинул свою ладонь, предлагая мне ударить по ней, но я только смерил его строгим взглядом. Он смутился и опустил руку.

– Я не буду стоять на стреме! – возмутилась Вика, выделяя каждое слово и делая между ними паузы для пушшего эффекта.

– Тебе нужен мой предмет? – спокойно спросил я.

Я преподавал Мировую литературу для первых курсов, предмет не профильный и вряд ли вообще кому-то нужный. К тому же меня просто «попросили» прочитать один курс, после моего первого посещения занятий как приглашенного писателя. Я рассказал свою историю, поделился опытом и студентам понравилось. Меня попросили остаться. Хотя, я-то знаю, что именно понравилось этим студентам.

– Нет, – ответила Вика, горделиво подняв голову.

Я беспристрастно кивнул. Ожидал подобного.

– Я поставлю тебе пять автоматом и можешь приходить только на лекции.

– Я и так получу пять автоматом, мне не нужны ваши побрякки, – она театрально скривилась. – Или ваши взятки.

Ох, эта самоуверенность отличников в своих собственных силах, как же часто она их подводит. И ведь, сколько уже таких полегло на поле, ведомых собственным эго и непоколебимой верой в свою уникальность. И сосчитать трудно. В истории не остается и следов, имена стираются из памяти мо-

ментально. Но вы ведь умные, остановитесь, подумайте.

– Я не поставлю тебе пять, – ответил я. – Ты разве не знаешь, что я принимаю аттестацию? Зачет в этом семестре, экзамен в следующем. Я поставлю тебе четыре. Из вредности.

– Но... как? – Вика побледнела и покрылась красными пятнами. – Я же на красный диплом собираюсь... я...

– Да, – кивнул я, – знаю. А вот ему я поставлю пять.

Я указал на Артура, и Вика только и смогла, что хлопнуть ладонью от удивления и негодования, словно ярко-розовая рыбка в аквариуме. А парень в свою очередь расплылся в улыбке как довольный бульдожка и вновь потянул руку вверх. Квотербек вовремя ее перехватил.

– Вы... вы этого не сделаете.

Ну конечно, не сделаю, но она-то этого не знает.

Я молчал, указывая рукой на дверь, и девушка сдалась. Встала и понуро побрела к двери. Я всегда мог попросить кого-то другого. Любой бы за подобное согласился делать это каждое занятие и еще спасибо бы сказал, что нет нужды меня слушать. Но мне просто хотелось немного встряхнуть ее. Показать, что мир не так прост как она там себе напридумывала. Его не населяют лесные феи и добрые волшебницы. Его населяют такие люди как я.

– Спасибо, – кивнул я, когда Вика заняла свою позицию.

Она ничего мне не ответила. Даже не взглянула. Только уши краснели из-под ниспадающих темных волос.

Я достал сигарету и прикурил. Моему примеру последо-

вали квотербек с Артуром, Райан и еще три или четыре студента. Бтрини же, перехватила мою руку и вытащила одну из моих Мальборо длинненьким пальчиком с французским маникюром и тут же сжала ее блестящими губами.

Я ничего не сказал. Она не первая подобная, что я встречаю в своей жизни. И уверен, что не последняя. Такие девушки попадаются мне уж слишком часто, настолько часто, что начинает казаться, что мир наполнен лишь ими. Наполнен как содержимым, не более того.

Глубоко затянувшись, я прислонился головой к открытому окну и выглянул наружу. Небо уже не просто серело над городом, его покрывали черные пятна грозовых туч. Обычный осенний дождь, превратился в сильный ливень, струи которого барабанили по все еще зеленым деревьям, грозя склонить их земле, отбить ветви. Вода собиралась под зданием корпуса в большие непроходимые лужи, настолько прозрачные, что можно было рассмотреть каждый камешек, каждый опавший листочек на дне, даже с высоты четвертого этажа. Свежесть осеннего утра вскружила мне голову и развеяла остатки сна.

Мы курили в молчании. Кто-то, как например квотербек и его друг, старались делать это максимально брутально: глубоко затягивались, выдыхали носом, корчили серьезные лица, сигареты сжаты всей пятерней, свободная рука на поясе. Райан делал это в своей манере: обхватив себя рукой в районе груди и оставив второю. Сигарету сжимал двумя паль-

цами. Бритни зеркально повторяла все за мной: так же прислонила голову к стеклу за спиной, так же расслабила все тело, так же держала руку с сигаретой по ту сторону оконной рамы.

– Думаете о ком-то конкретном, профессор? – вновь спросила она.

Бритни сидела, закинув ногу на ногу и слегка покачивая свисающей ножкой, что иногда, как будто случайно, касалась моей ноги. Я не подавал вида, что меня это как-то волнует, что я вообще замечаю это. Я не знаю как правильно себя вести в подобной ситуации, я ведь в ней впервые.

Нет, девушки намного младше меня и раньше проявляли ко мне не здоровый интерес, но это всегда было за дверями студенческих аудиторий. Потому я и не знаю, как правильно реагировать в данной ситуации, чтобы не навредить самому себе. Ведь это самое главное. О себе я всегда думаю в первую очередь.

– Да не о ком он не думает, Юля, – ответил за меня Райан. – Взгляни ты на него, он же ходит как попало и куда попало, делает, что хочет, спит, где и с кем хочет. Типичный одиночка до мозга костей. Потому-то он тебе и нравится. Чувствуется в нем притягательная загадка.

– Одиночка, да? – Бритни окинула меня сомнительным взглядом и затаилась.

– Конечно, – Райан сделал шаг ближе к нам. – Джинсы потерты, ботинки зашнурованы кое-как, рубашка, не то чтобы

помята, но, – он сморщился и помял руками воздух. – Ну, вы понимаете. Не брился сколько? Месяц? Да ни одна женщина его бы таким не выпустила из дома.

– Алле! – воскликнул я. – Я здесь, сижу прямо перед вами. И я ваш преподаватель.

– Мы знаем, профессор, – хором ответила вся группа, и они дружно рассмеялись.

Это тоже была их своеобразная фишка: каждый раз, когда я напоминаю им, что я их преподаватель, они хором кричат «мы знаем, профессор». Меня это бесит. Бесит вот уже целый месяц.

– Да еще и то, как он наслаждается дождем, – не унимался Райан. – Все к одному. – Он взглянул на меня в упор. – Как вы там писали, профессор? «Дождь – романтика одиночек»?

Попал в самый центр. Выбил чертов «бычий глаз». Но мне было приятно. Приятно не то, что он так хорошо меня читает, это ни у кого не может вызвать приятных чувств, а то, что кто-то читает мои книги. Лучше этого нет ничего в этом гнилом мире. Уж поверьте мне.

– Ну, вы скоро там? – испугано спросила Вика.

Она нервно пританцовывала у двери, и все время взволнованно оглядывалась на нас. Стоять на стреме для нее явно было впервые.

– Кто-то идет по коридору, – шепнула она.

Все мы быстро выдохнули и застыли с сигаретами в руках, готовые от них избавиться в любой момент. Шаги раздались

ближе. Кто-то шел по коридору в сторону аудитории. Вика тихо пискнула и кинулась к своему месту. Я чертыхнулся про себя. Надо найти кого-то другого следующий раз.

Кто-то громко топнул совсем рядом. Звук был тяжелым, как если бы человек весил намного больше сотни. Заскрипели половицы. Мы напряглись, приготовились бросать сигареты. Бритни снова случайно задела меня ногой, но на этот раз поднялась ей выше. Я бросил на нее взгляд, и она с улыбкой прижала палец к губам.

Я ждал, когда в дверь постучат или она со скрипом откроется, но этого не произошло. Я услышал, как шаги начали удаляться, а затем застучали по лестнице. Уж не знаю, кому там вздумалось ходить в такое время, но шел он явно не по наши души. Мы расслабились.

Сделав последнюю затяжку, я выбросил окурок в окно.

– Ай, как не хорошо, профессор, – сказала Бритни и сделала то же самое.

Так же поступили и все остальные курильщики, довольно скалясь.

– Ну вот, – я тяжело вздохнул. – Мы только что оставили кучу улик на месте преступления.

– Как и само место преступления, – подхватил Райан и отправил свой окурок вслед за нашими.

– Так, – я взмахнул руками. – Давайте вернемся на свои места и продолжим с того, на чем остановились.

Все быстро расселись и с интересом уставились на меня.

Пожалуй, такого количества заинтересованных взглядов получало не так много преподавателей университетов, потому, думаю, я мог этим гордиться. Хотя, если быть уж до конца откровенным, не так много преподавателей университетов рассказывали захватывающие истории из своей жизни, обличенные в мистический роман на страницах еще не вышедшей книги.

Я отодвинул стул и сел за свой старенький обшарпанный стол, который не меняли еще с советских времен.

– Итак, военные? – не выдержал паузы Райан.

Квотербек заерзал на своем месте, а Бритни толкнула локтем подругу и они вместе придвинулись ближе. Я видел интерес и в глазах других студентов – а в общей сложности группа состояла из двадцати одного человека, – но больше всего моим рассказом интересовались семь человек. Я называл их Великолепная семерка, и в нее входили: Семен «квотербек» и его друг Артур, староста Лена с подругой-мышкой Таней, Юля «Бритни» с подругой Светой и, конечно же, единственный и неповторимый Алексей «Райан», он же Элтон Джон. Думаю, именно эти семеро всерьез задумывались над карьерой писателей и потому слушали так внимательно все, что я говорил. С другой стороны, их мог попросту заинтересовать сам рассказ и с их будущим он не имел ничего общего.

– Да, военные, – я кивнул, подхватывая рукой карандаш. – Они уже копошились там всюю, в то время как мы только начали что-то осознавать.

– «Там» – это где? – нетерпеливо заерзал Артур.

– Всему свое время, – я окинул его суровым взглядом и продолжил: – Конечно, на тот момент о вмешательстве военных мы ничего не знали, и знать не могли. Ведь мы и не подозревали, что что-то происходит. Как вы помните, я откинул идею о том, что рисунок и рассказ Ули имеют хоть какое-то отношение к действительности.

– Опрометчиво? – спросила Бритни.

Я кивнул:

– Как и практически все, что я совершал в жизни. Но ошибки это не плохо, ошибки формируют нас как личность, помогают нам расти. Во фразе, что «только дураки учатся на своих ошибках», не вся правда. Невозможно добиться чего-то, не ступив пару раз не туда, не набив тройку-другую шишек. К этому нужно относиться с терпением, с пониманием, и тогда ошибки сформируют опыт, а опыт сделает вас мудрее.

Староста Лена принялась что-то лихорадочно записывать в тетрадь и через секунду Таня последовала ее примеру. Я тихо кашлянул в кулак, чтобы не показывать свою улыбку.

– Но вся эта история с военными сейчас не имеет никакого смысла, так как на тот момент мы были еще слишком далеки от них, как географически, так и психологически, – продолжал я. – Осень пролетела для нас незаметно, как и лето, как и каждый последующий сезон, что начинали мелькать перед нами как кадры кинофильма, все ускоряя свой

бег. Впервые, мы стали замечать, как жизнь в буквальном смысле проносится перед глазами.

Я откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, вновь устремив взгляд за видимую в окно часть горизонта.

– Осенью еще троих поместили в больницу со схожими симптомами. Но узнали мы об этом только зимой, так как новостями не интересовались, не восприняв происшествие как что-то важное.

Я оглядел аудиторию и, убедившись, что все меня внимательно слушают, продолжил:

– Зима для нас так же прошла под знаком неведения, и ее можно было бы легко выкинуть из повествования, но под Новый год произошло кое-что важное, – я перевел дыхание и отбил барабанную дробь о кожу молескина. – История как таковая не имеет критической важности для общего сюжета, однако она имеет первостепенную важность для всей картины в целом.

– Вы имеете в виду, что она важна для понимания чего-то важного, что свяжет сюжеты первой и второй книги вместе? – поинтересовалась Бритни.

– Отчасти, – я задумчиво погрыз кончик карандаша. – Не могу сказать, что это будет там написано прямым текстом, но определенные намеки будут. Внимательные люди смогут хоть примерно что-то понять.

– Опять ваши игры, профессор? – усмехнулся Райан.

– Нет, сэр МакКеллен, – огрызнулся я. – Просто я плани-

рую написать еще одну книгу.

Глава вторая: Пиковая дама.

1

31 декабря 2001.

Взяв пакет двумя руками, я выключил свет в прихожей и вернулся в комнату. Не смотря на позднее время суток, квартира наполнилась голосами и отзвуками музыки. Весь город сегодня не спал с замиранием сердца ожидая этого волшебного таинства, известного нам с детства как смена старого года на новый. За окном раздавались легкие хлопки петард, а стекла отсвечивали разноцветными огнями пульсирующих гирлянд. Воздух в эту ночь был наполнен волшебством.

Я опустил свою ношу у подлокотника кресла и сам опустился в него, разглядывая, как веселятся пацаны, и как Наташка хлопочет вокруг стола. Было забавно видеть эту четкую границу между людьми: пацаны ведут себя как пацаны и ничего не делают, а Наташка, как хорошая хозяйка, суетливо бегают вокруг и проверяет, чтобы все было на своих местах. Я никогда не принимал такое положение дел, это было дико похоже на закон джунглей, а, как и все подростки, я был крайне высокого о себе мнения, и потому считал, что я сам выше всего этого.

– Тебе помочь? – спросил я, отрывая задницу от кресла.

– Нет, – качнула головой Наташка, от чего ее короткие светлые волосы описали малую дугу и элегантно обрушились вниз, чуть не достав до ключиц. – Я уже все сделала, просто...

– Не можешь найти себе места и все время думаешь, что что-то забыла?

Наташка кивнула.

– Сядь, малыш, отдохни. Все и так прекрасно, и стол прекрасен. Верно, пацаны?

Все тут же принялись убеждать девушку, что она сделала много больше, чем должна была, и что пришло ее время отдохнуть. Наташка улыбнулась и аккуратно присела на самый краешек стула, от чего ее фартук пополз вверх, утягивая за собой платье и оголяя затянутые чулками ноги. Серега бросил на меня хитрый быстрый взгляд и заметно скатился вниз, чтобы его глаза оказались на одной линии с ногами нашей подруги.

Наташка этого не заметила. Или сделал вид, что не заметила. Иногда, мне начинало казаться, что она знает и понимает куда как больше нас и от того мне становилось грустно. Эта грусть не была связана с пресловутой мужской гордостью и неотъемлемым желанием всегда и во всем быть первым, скорее она была связана с тем, что девушка уже докопалась до сути и вот-вот придет и наше время понимать. А судя по ее взгляду, знание это было не самым приятным.

– Чуть больше полутора часов до Нового Года, а мы ни в одном глазу, – заметил Саня, разглядывая стол.

– Еще успеется, – ответил я, решая, что еще не пришло время для принесенного мной пакета.

Этот Новый Год мы решили справить вместе. Впятером. Родители были не против, так как мы и без этого все свободное время проводили вместе, и легко согласились отпустить нас. Это был первый Новый Год, который мы отмечали вдали от своих семей.

Хотя, сказать по правде, не так уж и далеко нас забросило. Собраться мы решили в квартире Наташкиного отца, который, как вам известно, был военным и потому непосредственно в квартире появлялся редко. Как собственно и в городе в целом.

Квартира эта располагалась в длинном извилистом доме в Стахановском микрорайоне, который жители нижнего города именовали не иначе как «пятиэтажки». Микрорайон раскинулся вдоль и чуть южнее центральной улицы Ленина, которая как раз в этом месте делала головкружительный поворот на север на девяносто градусов и дальше шла все время прямо, пока миновав известный Бородинский экскаватор, не пересекала административную границу города.

Сам же микрорайон был ухоженным и выглядел весьма презентабельно со стороны. И ничего удивительного, дома были новые, построенные уже после моего рождения. Однако если взглянуть на картину сверху, например, пролетая над

городом на вертолете – что мне довелось пережить в раннем детстве, и этим я гордился необычайно, – то можно было увидеть, что неровные линии четырех длинющих домов напоминают гигантских змей, что стягиваются клубком, зажимая в кольцо одинокого барашка. Не самая приятная картина.

Барашком было здание городского детского сада. Забор, ограничивающий его территорию, создавал шаткую иллюзию защищенности от наползающих на него хладнокровных бестий, что не менее хладнокровно пытаются его задушить, поглотить, сделать частью себя.

Сама квартира потрясала размерами. Когда я впервые переступил порог пятью часами ранее, то чуть не упал в обморок от возникшего головокружения. Всю свою жизнь я рос в маленьких квартирках, общей площадью не более тридцати квадратных метров, на которых подчас ютились до четырех человек. Привыкший к тесноте и уюту, я внутренне похолодел, оказавшись в коридоре размером с половину моей квартиры. Точно Наташка не знала, но в воспоминаниях крутилась цифра в сто с лишним квадратов, которые приходились на длиннющий и широченный коридор, поделивший квартиру на две половины, кухню и пять комнат по разные стороны от него.

За время, которое у меня ушло на изучение квартиры, я ощутимо подустал. И усталость это была скорее не физическая, а эмоциональная. До этого момента я и не представлял,

что люди так могут жить. Разве что Маккалистеры в моем самом любимом новогоднем фильме, но это ведь всего лишь кино.

Самую малость я похандрил, сидя на диване в самой большой комнате с лоджией, что мы и решили использовать как основную, и впившись взглядом в невероятных размеров телевизор с аудиосистемой в половину стены. А потом, я вспомнил свой дом, свою комнату и то невероятное ощущение уюта, которое так старательно создавала моя мама для нас двоих, что зеленую склизкую зависть, словно смыло и поселившееся внутри тепло открыло мне глаза. На деле квартира была хоть и большая, но по большому счету пустая, одинокая. В ней не было уюта, не ощущалось тепла. Она была лишь оболочкой, временным пристанищем для глубоко одинокого человека.

От этих мыслей мне стало совсем грустно и я наспех обнял проходящую мимо Наташку, стараясь передать ей частичку того тепла, что возродили во мне приятные воспоминания.

– Что такое, Андрюша? – спросила она, рассеянно улыбаясь, когда я ее отпустил.

– Позвони как-нибудь папе, – посоветовал я.

– Папе? – брови девушки поползли вверх. Она откинула волосы со лба и приложила ладонь к моему лицу, несколько раз прикоснувшись к нему в разных местах, и затем опустила ее на лоб, проверяя у меня температуру. Вероятно, она

думала, что я простудился и у меня начался легкий бред.

– Позвони, – настаивал я, снимая ее руку.

– Ну, хорошо, – согласилась девушка, все еще рассеяно меня оглядывая. – Я как-нибудь позвоню. А с чего ты...

– Позвони сегодня. Новый Год – семейный праздник.

Наташка еще раз рассеяно кивнула и в этот момент в комнату вошли остальные.

– Опа, – воскликнул Саня, заметив, как я сжимаю Наташкину руку в своей руке. – Так вот, что у вас вытекло из подарка на день рождения?!

Стас смущенно кашлянул несколько раз и потупил взгляд, застыв на полпути в комнату. Он нерешительно топтался на пороге, соображая как же лучше поступить в этой ситуации.

Сергея же несколько не смутился, наоборот, смерил меня уничтожающим взглядом сверху-вниз и прошел между нами, разбивая наше «рукопожатие».

Наташка отвела взгляд и быстрым движением убрала волосы за ухо.

– Ничего не вытекло, не носи ерунды. – Я раздраженно нахмурился. – Ничего между нами нет, мы просто друзья, такие же, как и вы. – Я сделал двойной акцент в своей речи, на два самых важных замечания, которые касались всех нас.

Сергея надменно хмыкнул у меня за спиной.

– Да, – кивнула Наташка. – А подарок – это просто подарок.

При этом ее лицо на секунду стало пунцовым, и девушка

поспешила отвернуться, пока этого никто не заметил. Заметили все.

А мой подарок на день рождения и в самом деле был необычным. В силу моего душевного состояния последнего года и того факта, что под праздник я слег с температурой, ребята решили, что было бы неплохо поухаживать за мной недельку, чем и занялась Наташка.

Каждый день после школы она приходила ко мне и ухаживала за мной: кормила, поила лекарством и убиралась в комнате. При этом каждый раз в новом наряде, что уже давно сидело у меня в голове. Она представала предо мной и в комбинезоне Гаички и в матроске Сейлор Юпитер, с безбожно короткой юбкой, и в традиционных японских одеждах мико. При этом каждый наряд она шила сама, иногда засиживаясь до поздней ночи. Я видел, как она старательно прятала от меня исколотые иголкой руки, и каждый раз пропитывался нежностью к девушке, способной на такие жертвы.

Как-то раз, в красивой черно-розовой юкате, Наташка склонилась предо мной и протянула чашку чая.

– Dōzo, – произнесла она, рассматривая пол под ногами.

Я тогда растерялся. Да что там говорить, я был просто в шоке.

– Dōto, – ответил я хриплым голосом, принимая чашку.

Наташка, явно довольная моей реакцией, подалась назад и опрокинула чайник. Не выходя из образа, она прильнула к полу, и водопад черных волос парика хлынул вниз, растека-

ьясь по полу извилистыми речушками.

– Gomen'nasai, goshujin-sama! – воскликнула Наташка и продолжила нашептывать слова прощения, не поднимая головы.

Это было, пожалуй, самым сексуальным, что мне доводилось видеть до и после этого. Растроганный, пораженный и чего уж там скрывать, немного возбужденный я поднял девушку, и мы с ней смущенно решили никому об этом не рассказывать.

Вырвавшись из воспоминаний, я заметил, что Наташка внимательно на меня смотрит. Ее губы были искривлены в легкой улыбке. Она точно знала, о чем я думал, и потому поерзала на стуле, ниже спуская подол облегающего черного платья дополнительно прикрывая ноги фартуком.

Чертова девка!

– Чуть меньше полутора часов до Нового Года, – оповестил всех Саня, надрывным страдальческим голосом.

– Вы сами решили, не открывать шампанское до двенадцати, – ответил я.

– Так это только потому, что у нас всего пара бутылок. На ночь не хватит. – Серега в сердцах ударил кулаком по подлокотнику дивана. – Чертова бедность!

Я мысленно рассмеялся, стараясь придать себе как можно более беззаботный вид, чтобы ни тени улыбки не скользнуло по лицу. Я не хотел раньше времени выдавать пацанам то, что сейчас известно только мне. То, что сейчас хранится в

черном пакете, практически у самых моих ног.

Когда мы отдали наши последние деньги, все, что мне удалось заработать, стремительно сократилось до пары тысяч, а за оставшийся год и вовсе обнулилось. Мы превратились в обычных, ничем не примечательных подростков, у которых вечно пустые карманы. Собрать стол на Новый Год нам помогли наши семьи, но о том, чтобы снабдить нас алкоголем не шло и речи. Приходилось выкручиваться, как могли. Вот мы и выкрутились на три бутылки шампанского. Новый Год все-таки.

– Надо вам как-то отвлечься. Может, во что-нибудь поиграем? – предложила Наташка.

– Игры для девчонок, – буркнул Серега и, бросив быстрый взгляд на девушку, добавил: – И для малышни.

– Ну, давайте друг другу расскажем какие-нибудь истории?

На этот раз Серега не удостоил Наташку ответом. Стас молча потупил взгляд. И только Саня развел руками:

– Да мы все уже друг другу рассказали. Все друг о друге знаем. Нечего и рассказывать.

Наташка смущенно потерла щеку и обернулась ко мне.

– Ну а ты? – спросила она. – Ты же много читаешь?! Вот расскажи нам, что ты сейчас читаешь? Расскажи какую-нибудь страшную историю.

Я в упор смотрел на Наташку, которая продолжала нервно разглаживать складочки на безупречно гладком платье, и

думал, что эта девушка определенно что-то знает. Либо ее мозг подключен к вселенской базе данных, либо это пресловутая женская интуиция, от которой никуда не денешься. От нее не спрятаться. От нее нет спасения.

Я задумчиво достал из кармана запечатанную колоду карт и положил ее прямым в центр стола.

– У меня есть идея получше, – медленно произнес я, выстраивая в голове четкую последовательность действий. – Я вам расскажу одну историю, и мы сыграем в одну игру.

Я помолчал минутку, обдумывая только что сказанное и поправился:

– Скорее даже не в игру, мы совершим некий ритуал.

– Ритуал? – Наташка пристально посмотрела на колоду карт и отчего-то вздрогнула всем телом.

– Я у вас кое-что попрошу перед тем, как начать.

Саня и Стас придвинулись ближе к столу, готовые внимать каждому моему слову, Серега же напротив, забрался на спинку и свесил ноги вниз.

– Раз ты выше всех, открой окно, – обратился я к Сереге и он поспешил выполнить мою просьбу. – Саня, найди сигареты. Стас, возьми мою зажигалку, она на подоконнике. Наташка, принеси мне зеркальце, свою косметичку и свечу.

Наташка, только что оторвавшая пятую точку от стула, застыла, так до конца и не поднявшись. Даже пацаны бросили свои дела и удивленно уставились на меня.

– Я все объясню, – ответил я на их мысленный вопрос и

придвинул массивное кресло ближе к столу.

Саня положил передо мной пачку «Мальборо» и сел на место. Стас как-то неуверенно поставил рядом серебристую «зиппо» с рельефным изображением обнаженной женщины на кровати, и вопросительно на меня взглянул. Я только мотнул головой, давая понять, что все объясню, но позже. Серега же уже сидел возле приоткрытого окна и внимательно смотрел на меня.

Наташка вернулась минут через пять, откидывая волосы со лба. Было видно, что она запыхалась. Вероятно, долго искала зеркальце, так как квартира все-таки ее отца и такие вещи как маленькие зеркала его волновали в последнюю очередь.

Она положила передо мной круглое зеркальце, которое ее отец, вероятно, использовал, чтобы бриться, высокую парафиновую свечу и внушительных размеров косметичку, с которой я мог бы смело ходить в школу, сложив в нее все свои учебники.

Когда все вещи были разложены, а люди расселись по местам, я достал себе сигарету и пацаны последовали моему примеру. Наташка только сморщила носик, но промолчала. Она сама нам разрешила курить в квартире, так как пришла к выводу, что на балконе слишком холодно, ведь за окном минус тридцать пять.

Глубоко затянувшись и ощутив горьковато-сладкий вкус сигаретного дыма, я принялся распаковывать новую коло-

ду карт, сжимая сигарету двумя пальцами. Все заворуженно смотрели на меня, даже Наташка, которая не особо жаловала табачный дым, придвинулась ближе.

– Когда я был совсем маленьким, – медленно начал я, щурясь от едкого дыма. – Лет десять, не больше, мама взяла меня отпраздновать Новый Год в кругу друзей. Прямо как мы сейчас. – Я оглядел напряженные лица друзей и продолжил: – Там было много детей моего возраста и старше. Родители решили нас оставить одних на пару часиков, чтобы квартира была в полном нашем распоряжении, а сами вышли к соседям чтобы, вероятно, выпить, не особо попадаясь нам на глаза. И тогда одному из старших пришла в голову идея.

Я развернул колоду, отложил пленку в сторону и высыпал карты на стол. Перебирая их руками, я внимательно следил за реакцией друзей.

– Какую идею? – первым не выдержал Саня.

– Вызвать Пиковую Даму, – ответил я.

Я поднял нужную карту и повернул ее. Королева черной масти надменно взирала на всех сверху вниз. Никто не проронил ни слова.

Изъяв из косметички помаду черного цвета, я придвинул к себе зеркальце.

– В тот раз, мы все делали так же.

Помадой я начертил на зеркале лестницу из тринадцати ступеней, с дверью на самом верху.

– Нарисовали лестницу, зажгли свечу, и представили пи-

ковую даму, встав в круг, – продолжал я, зажигая свечу. – Долго ничего не происходило. Мы даже забыли об этом, решив, что все это чушь и ритуал не работает. Пока спустя какое-то время, кто-то из нас не обнаружил, что дверь на зеркальце открыта.

– Открыта? – повторил Стас зачарованно.

Сергея неуверенно хмыкнул со своего насеста, но, все же пожившись, спустился вниз к остальным.

– А несколькими ступенями ниже стоял черт.

Я замолчал, и комната погрузилась в тишину, нарушаемую шуршанием Наташкиных рук о подол платья.

– Что случилось потом? – спросила девушка.

– Мы нашли потухшую свечу и сильно перепугались. Принялись выпытывать друг у друга, кто это сделал. Но никто не признавался. Все отрицали, что вообще дотрагивались до зеркальца. Мы были детьми, и нас охватила паника. И я начал видеть этот образ.

– Образ? – казалось, это был общий вздох, хотя точно я сказать не могу, так сильно меня захватили воспоминания.

– В квартире было нереально тихо, словно все звуки как отрезало. Мы не слышали пьяные возгласы соседей, и звуки улицы куда-то исчезли. И я начал видеть ее – старуху, что я представлял себе, когда мы вызывали Даму. Она смотрела на меня из каждого зеркала в квартире.

Я прервался на секунду и чуть дрожащей рукой стряхнул пепел с кончика сигареты.

– Мы знали, что если ничего не сделаем, она выйдет из зеркала и задушит нас всех.

Ребята переглянулись.

– Это что, было на самом деле? – недоверчиво спросил Серега.

– Да, – ответил я. – Но было ли все реальным, этого я сказать не могу.

– Поясни, – потребовал Саня.

– Я был совсем ребенком, воображение работало на двести процентов. То, чего не было на самом деле, я мог додумать: тишину, отражение в зеркалах, чертика, спускающегося по лестнице. Реальным был лишь страх. – Я перевел дыхание и затушил сигарету. – А что-то могли и доделать старшие ребята, чтобы подшутить над малышней. Может быть, так они развлекались. Но после этого я не мог нормально спать несколько дней. А сон, в котором за мной гонится ведьма-старуха, снился мне очень долго. Не часто, но с пугающей регулярностью.

– Ты... ты хочешь это повторить, чтобы проверить? – запинаясь, спросила Наташка.

– Если вы не против, – ответил я. – И если вы не боитесь.

Серега хмыкнул и первым придвинулся ближе к столу. Стас немного растерянно взглянул на Саню, а Саня на меня.

– Если тебе это нужно, то давай сделаем, – согласилась Наташка и взяла одной рукой мою правую руку, второй Серегину.

– Отлично, – кивнул я, протягивая раскрытую ладонь своему брату.

Секунду поколебавшись, Саня с улыбкой сжал ее, хватая при этом Стаса. И тогда здоровяку ничего другого не оставалось, как сжать свободную ладонь Сереги, тем самым замыкая круг.

– Готовы? – спросил я, и многозначительная тишина стала мне ответом.

На секунду разорвав связь с Наташкой, я положил карту Пиковой Дамы рубашкой вверх рядом с зеркальцем и, подвинув к ним свечу, восстановил круг.

– Думайте о ней, – попросил я, закрывая глаза.

Минуту мы сидели в полной тишине, с закрытыми глазами, стараясь даже не дышать. До нас доносились отдаленные звуки улицы, рев проезжающих машин сливался с хлопками петард и криками людей. Дом поскрипывал от редких порывов ветра, где-то далеко капала вода, задавая свой мерзкий монотонный ритм. Казалось, с каждой минутой звуки отдалялись от нас.

Когда что-то замелькало перед глазами – мы видели танец теней через сомкнутые веки, – мы дружно вздрогнули и разбили круг, открывая глаза. Мерно колыхалось пламя свечи на столе.

Я подался вперед и завис над зеркальцем, впившись в него взглядом. Ничего не изменилось: дверь все так же оставалась закрытой, а ступени бесконечно пустыми, не тронутыми сто-

пами мифических чертей.

Я откинулся на спинку кресла:

– Наше дыхание или ветер открытого окна.

Мне не пришлось пояснять, все и так поняли, что я имел в виду свечу. Облегченно выдохнув, все откинулись на спину.

– Ну, ничего, – Наташка похлопала меня по руке, которую только что сжимала. – Не все детские страхи реальны.

Я ей кисло улыбнулся.

– Пусть погорит, – остановила она меня, когда я попытался затушить свечу. – Я приглушу свет, и так будет романтичнее.

– Словно ты на свидании сразу с четырьмя парнями? – съязвил я.

– Конечно, – серьезно ответила девушка. – Вы ведь все мои мальчики.

Мы с пацанами переглянулись и рассмеялись, разряжая накаленную обстановку.

– Я сейчас, – добавила Наташка и, схватив помаду с косметичкой, вышла из комнаты.

Ее не было с минуту, а ее появление ознаменовало собой отключение лишних на ее взгляд источников света. Остался гореть лишь старенький торшер в углу, освещаая комнату оранжевым, не отличимым от пламени свечи, светом.

– Так ведь получше? – с улыбкой спросила она, возвращаясь на место.

Я кивнул.

– Тем временем один час и десять минут до Нового Года, – заметил Саня, раздраженно глядя на часы, словно это они виноваты в том, что время течет так медленно.

– Ладно-ладно, – сдался я, наклоняясь к полу и поднимая черный пакет. – Сейчас все исправим.

Пакет громко звякнул, привлекая внимание моих друзей.

Я улыбнулся и пояснил:

– Это подарок из «Зверинца». Последний подарок.

С этими словами я извлек наружу початую бутылку «Джек Блэк» и пять маленьких стопочек, что расширились кверху. Это была бутылка объемом в один литр, и не хватало в ней от силы на два пальца. Но даже если бы она была пуста на половину, я все равно сомневался, что мы смогли бы осилить такой крепкий напиток. Это сейчас для двоих бутылка старины «Джека» не кажется такой уж непосильной, но в те годы мы только начинали пробовать крепкий алкоголь и еще не постигли все вершины этого мастерства. К счастью.

– Тут не хватает лишь четырех таких стопочек, – смущенно пояснил я, покручивая одну из них в руке. – Это та самая бутылка, что мы пили с... с ней... – я запнулся. – Когда... последний раз были в «Зверинце».

Никто ничего не сказал и мои друзья лишь робко отвели взоры. Я хорошо их понимал, никто не хотел возвращаться к этой теме, тем более в такой день. Но и просто так прогнать воспоминания я никак не мог. Чувства все еще были очень сильны во мне и горечь, горечь от потери было не смыть ни-

чем. И в ту самую минуту мне казалось, что ее не получится смыть никогда, и она навечно останется частью меня.

– Ладно, давайте сюда ваши стопки, – нарочито весело объявил я, откупоривая бутылку. – Так, Саня, держи. Только будьте осторожны, это вам не пивас в подъезде хлебать. Полторашка, держи. Серега. Стас. Так, а это уже мне.

Я поставил бутылку и взял маленькую стопочку в правую руку. Янтарный напиток призывно блестел, заставляя выплывать наружу подавленные мною воспоминания. Воспоминания о чудесном вечере.

Я дернул головой и улыбнулся еще шире:

– Эти проказники называются «шотами» и вам лучше проявить к ним уважение, друзья мои, а иначе, они могут не хило дать вам в голову.

Все сочли мою шутку достойной веселого смеха, и я немного расслабился. В конечном итоге мы тут собрались, чтобы проводить весьма богатый на мерзкие события год, в надежде, что подобного больше не повторится, и потери, что мы понесли, будут последними потерями в нашей жизни. Какими же наивными мы были.

– Друзья мои, я скажу лишь пару слов, – торжественно произнес я, поднимаясь на ноги.

– Началось, – закатил глаза Саня и все рассмеялись.

Я не стал реагировать на его замечание, лишь наигранно скривился.

– Я лишь хотел сказать, что Новой Год – семейный празд-

ник и потому, мне бы хотелось выпить за свою семью.

Я переводил взгляд с одного своего друга на другого и ответом мне были робкие смущенные улыбки. Улыбки моих друзей, улыбки людей, ставших мне семьей.

– За семью, – хором ответили мои друзья, и наши стопки громко звякнули, соприкоснувшись гранями.

Настенные часы пробили одиннадцать.

Я с интересом наблюдал за их реакцией. Не скажу, что сам мог пить виски так же хладнокровно в те годы, как я это делаю сейчас – не поведя и бровью – но все же их реакция сильно отличалась от моей.

Хуже всех было Наташке. Бедная девочка глотала сок прямиком из графина, а его маленькие капельки падали на безупречно черное платье. Стас сидел, надувшись как рыба-еж, с красными глазами, которые с упреком смотрели на меня. Серега силился не показывать нам своей реакции, но получалось это весьма плохо. От натуги его глаза слезились, и прозрачная капелька вытекла из носа.

И только Саня сидел, сдвинув брови и открыв рот в виде буквы «о». Мой брат был крепче, чем остальные, только по одной причине: мы были готовы к такому повороту событий. Пару лет назад, мы остались дома одни и весьма надолго. Потому, особо не размышляя, мы заглянули в дедушкин бар и нашли там много всего интересного от вина, до дорогого коньяка. А вот открытой оказалась только бутылка водки. Ее мы и решили опробовать, так как открывать другие бутылки было весьма рискованно, ведь вряд ли их хозяин был настолько забывчив, что не заметил бы сорванной крышки.

Вытянув и хорошенько промыв две стопочки – удивительно, в те годы мы боялись заразы от пыли и грязи, но нисколь-

ко не алкогольного отравления! – отправились с ними к бару. Открутив крышку, я тогда впервые увидел бутылку с дозатором алкоголя. Около минуты у нас ушло на то, чтобы научиться правильно наливать напиток. Как оказалось, чем быстрее и резче ты запрокинешь бутылку, тем больше алкоголя поступит через дозатор и тем ровнее будет струя, как бы забавно это не звучало.

Справившись с бутылкой, мы наполнили две стопочки на треть и, глядя друг другу в глаза, опрокинули их внутрь трясущимися руками. Чего там говорить, тряслись не только руки, но и ноги и вообще все тело. Желудок жалобно сжимался, прося пощады, а сердце билось так, что алкоголь впитывался еще на подступах к желудку.

Ощувив непередаваемое жжение внутри, мы кинулись в ванную комнату и долго глотали воду из-под крана, не озаботившись даже кружками: припадали к струе как неделю бродившие по пустыни люди. И знаете, что мы сказали, когда уняли пожар внутри? Еще по стопочке?

Сейчас я думаю о том, что единственной целью детства было сокращение общего срока нашей жизни. Уверен, что я не далек от истины в своих размышлениях.

Вот потому-то мой брат и проявил завидную стойкость, выпив стопку хорошего виски. Мы улыбнулись друг другу, видимо подумав об одном и том же, и со стуком опустили стопки на стол.

Я первым потянулся к сигарете, затем мой брат, осталь-

ные же выхватывали ложками салаты или соленья со стола, пытаясь обуздать тот пожар, что мы с братом давно уже подчинили и заставили служить нам во благо.

Во благо ли?

Я глубоко затаился и облегченно выпустил облако дыма. Сигареты всегда помогали мне справиться с крепостью алкоголя. Я знал об их разрушительно силе в тандеме, но разве меня можно было тогда остановить? Ах, какую силу я тогда испытывал, каким невероятно крутым себя чувствовал, выпуская дым и глядя на всех сверху вниз. Несмотря на то, каким взрослым я себе тогда казался, все мои поступки вопили об обратном. Я был ребенком, и многое спускал на тормозах. Однако не думаю, что с тех пор мне удалось повзрослеть хоть на пару лет.

Глядя на то, как Наташка стойко сдерживает подступившие слезы, я моментально вспомнил другую девушку. Вспомнил ее сморщенный носик, сдвинутые брови, раскрытый рот, маленький острый язычок и пронзительные зеленые глаза, что жалобно смотрели на меня сквозь спутанные кудри рыжих волос.

Мне пришлось на секунду закрыть глаза и дать видению полностью захватить меня, чтобы резким движением головы, загнать его обратно, туда, где хранятся все мучительные воспоминания – в самую бездну моего разума.

Когда общее состояния обжорства улеглось, и мои друзья наконец-то побросали столовые приборы, я спросил:

– Ну как, лучше?

– Нормально, – поспешил ответить Серега, размахивая руками. – Нормально.

– Повторим?

Мое предложение вызвало смешанную и в целом негативную реакцию.

– Может, позже? – с сомнением отозвался Стас, мечтательно разглядывая стоящие на балконе бутылки шампанского.

– Да, – поспешил поддержать друга Серега. – А то выхлебаем все до Нового Года.

Мы с братом улыбнулись. Шансы на то, что мы смогли бы справиться с бутылкой менее чем за час, и так были близки к нулю, так еще и, судя по их реакции, мы в принципе бы не смогли этого сделать просиди мы тут хоть до утра. Думаю, все к лучшему.

– Так и что вы выяснили в больнице? – поспешил перевести тему Саня.

Я поднес сигарету к губам и задумался. Он спрашивал о нашем с Наташкой походе к маленькой девочке Ульяне, чьи отец и сестра лежали в странной коме, внезапно охватившей их практически в одни день. Мы не рассказали им этого тогда, решив, что особого смысла не было, и вновь эта тема всплыла только сегодня, когда мы обменивались историями, накрывая на стол.

– Что нас хорошенько так поимели, – ответил я.

Пацаны озадаченно переглянулись.

– Андрей хочет сказать, что мы не нашли ничего конкретного, – поспешила добавить Наташка.

– Нет, – рявкнул я. – Я хотел сказать именно то, что сказал: нас опрокинули вперед, стянули штаны и зашли по самое не балуйся, даже не постучавшись.

Комнату заполнил хорошенько сдобренный алкоголем смех. Я ничего смешного в этом не видел.

– Уля – девочка, что навещала свою сестру, сделала нам набросок напавшего на них чудовища.

И Наташка в общих чертах пересказала им историю нашего похода в больницу, не забыв и упомянуть мой рассказ об упавшем с неба осколке.

– Это я помню, – кивнул мне Саня задумчиво. – Ты рассказывал мне это и даже показывал осколок. Кажется, лет пять-шесть назад.

– Я тоже помню, – подтвердил Стас. – Мы какое-то время даже, ну, играли с ним. Там в агентов ФБР и, ну, все такое.

– А мне вы ничего не рассказывали, – Серега скривился и обиженно уставился на нас.

– Да-да, точно! – припомнил я. – Я был агентом Малдером, и сделал нам удостоверения, используя мамины старые корочки с работы, очень похожие на удостоверения агентов ФБР.

– Ага, – энергично закивал Стас. – Мы написали на картонках информацию, вклеили фотографии и вставили их в

эти корочки. А где мы взяли жетоны?

– Эй, не игнорируйте меня! – громче потребовал Серега.

– Андрюха взял их из старых полицейских наборов, помнишь? – Саня пощелкал в воздухе пальцами, сосредоточенно хмурясь. – Такие, блин...

– Серебристые, из пластика, – подсказал Стас.

– Точно! Серебристые. Их как раз было три.

– Четыре, – поправил я брата. – Просто нас тогда было только трое.

– Да, трое. И мы играли очень долго.

– Пару лет, – Стас задумчиво почесал подбородок. – Ну, может больше. У нас даже помните, был мобильный телефон?

– Ага, только это был не телефон, а калькулятор в форме телефона. Где ты его достал?

– Купил у китайцев на рынке за сто рублей, – ответил я.

Серега переводил возмущенный взгляд с одного на другого и злился все больше. Наташка смотрела на нас с милой улыбкой, присущей скорее матери, нежели нашей подруге.

– Так, стоп! – взорвался Серега. – А где я был в этом время?

Мы переглянулись. Теперь это получалось намного лучше. Раньше это могли делать только я да Саня, теперь и Стас и даже Наташка проделывали это вместе с нами с такой точностью, словно сценку поставил сам Станиславский.

– Да не было тебя тогда, – растерянно отозвался Стас.

– Как это не было?

– Да вот так, ну, не было и все.

– Ты тогда еще с нами не общался, – сказал я.

Сергея запустил руки в волосы и несколько раз встряхнул их, словно пытаюсь вручную завести мозг.

– Мы тебя знали, но ты не был в нашей тусовке, – расставил все точки над «и» мой брат.

– А где же я тогда был?

Саня безразлично пожал плечами:

– Какое это имеет значение?

– Просто... просто мне кажется, что мы были вместе всю нашу жизнь.

Внезапное Серегоино откровение тронуло нас и заставило наши лица расплыться идиотскими улыбками. Действительно, мы были так крепко связаны, что казалось, родились в один день в одном роддоме, да так с тех пор и стали дружить, как только наши крики впервые заполнили помещения этого старого здания.

– Эх, мальчики, это так мило. – Наташка прижала ладошки к щекам и просияла.

Сергея моментально изменился в лице и принял свою извечную позу: взгляд сверху вниз из-под запрокинутой головы, несмотря на то, что ростом был ниже. Пронзительные серые глаза смотрели надменно.

Стас, Саня и я улыбнулись. Мы никогда не говорили Сергею об этой его особенности. Не говорили ранее, не стали

этого делать и сейчас.

– Ну, так и что вам там дали? – спросил Стас.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что именно он имеет в виду.

– Рисунок.

– Рисунок? – переспросил он.

– Рисунок, – ответил я.

– Рисунок? – удивилась Наташка.

– Рисунок, – кивнул я.

– Рису-у-унок? – изогнул брови Саня.

– Рис... да мать вашу, завязывайте! – взорвался я. – Я же сказал – рисунок. Рисунок, мать вашу, самый обычный гребанный рисунок. – Я перевел взгляд на Наташку. – И ты, Брут?

Девушка только с улыбкой развела руки.

– Э... эй! – Серега ошарашенно хлопал глазами. – А как же я! Я всегда был вторым!

– В большой семье, друг мой, хлебалом не шелкают. – Я перегнулся через стол и несколько раз иронично похлопал его по плечу.

– Ура-ура, – радовалась Наташка. – Я снова вклинилась в вашу фишку.

– Точно, – согласился Саня. – И не пришлось придумать тебе свою фразу.

– Так проще, – поддержал их Стас.

– Э-э-э, а как же я! – не унимался Серега.

– Ну, ниче, будет и на твоей улице праздник, – успокоил я его.

– Так, ну это, рисунок, – напомнил Стас.

– Да, рисунок, – я постучал пальцами по подбородку. – Рисунок. Рисунок. В общем, чушь это, а не рисунок.

Я оттолкнулся от спинки кресла и навис над столом.

– Поймите меня правильно, нарисовано все очень круто, для маленькой девочки. Я в ее возрасте так не мог. Но сам рисунок – это нечто. Сборная солянка из Чужого, Хищника, Протасов и бог знает чего еще.

– Подделка? – спросил Серега.

– Да какая там подделка, – махнул я рукой. – Тут два варианта: либо и Чужой и Хищник и Протасы имели за собой реальный прототип пришельцев и это именно наш парень, а их создатели кое-что скрывают, либо все это туфта и простое желание привлечь к себе внимание.

– У Ульяны половина семьи в коме, – обижено сказала Наташка.

– И я ей очень соболезную в этом плане, правда, – ответил я, не без доли яда в голосе. – Но это не повод привлекать к себе внимание глупыми выдумками о страшных тварях в ночи. Это только отвлекает внимание врачей от работы и добавляет им разумную долю скептицизма, что может им позволить сделать неверные выводы, например в сторону какой-либо психологической болезни. А с тварями лучше вообще не шутить, ведь они шутить не любят. – Я осмотрел

сосредоточенные лица друзей. – Нам ли этого не знать?

Наташка ступсевалась от моих слов и опустила голову. Сания кивнул с серьезным видом:

– Тут я согласен. Шансы на то, что девочка видела именно такое существо – ничтожно малы. Ведь вряд ли иные цивилизации могут выглядеть как плод фантазии людей.

– Верно, – подхватил я, ударив ладонью по столу. – Если во вселенной и есть другая жизнь, в чем я ни капли не сомневаюсь, то вряд ли она будет похожа на нас. Или привычна нам. Она может выглядеть как угодно. Понимаете меня? Как угодно?

Все как-то неразборчиво и неуверенно кивнули.

– Ну, например она может существовать в форме газа, – предположил я. – Или в форме какого-то разума, что мы не можем постичь. Да, Боже, они уже могут быть среди нас, просто мы этого не можем понять, потому что мы не можем понять того, чего не может постичь наш разум. Мы ведь мыслим образами из нашего прошлого опыта, образами прошлого всего человечества. Мы не можем себе представить что-то, чего мы никогда не видели. А если и сможем, то это представление будет основано на пережитом нами опыте. Что если прямо сейчас в этой комнате, рядом с нами существую и иные формы жизни? Просто мы не можем этого постичь?

В комнате повисла тишина. Ребята только мельком переглядывались, чтобы понять, заметил ли кто-нибудь эту самую «жизнь» или нет.

– Но как это возможно? – нарушил тишину Серега.

– Может они движутся так медленно для нас, что у нас проходят сотни лет, а они только начинают движение? Вдруг они воспринимают время совсем по-другому? Или, нет, вдруг они движутся так быстро, что мы их попросту не видим. Или они живут в ином, квантовом мире.

– А возможно, – разгорячился я, как всегда вplывая в привычные для меня воды, – мы их просто не можем увидеть. Ведь человеческий глаз различает только семь основных цветов светового спектра. А что если их намного больше, но мы просто не можем увидеть их, в силу ограниченности нашего глаза? Вот вы можете придумать новый цвет?

– Ну-у-у, – задумался Саня.

– Например, – Наташка вскинула палец в воздух.

– Не смесь знакомых цветов, а абсолютно новый цвет, – опередил я девушку и ее палец медленно опустился.

– Кто-нибудь? – я перевел взгляд с Сереги на Стаса, прекрасно понимая, что ответ на мой вопрос может быть только один.

– Нет, – наконец прервал я общее размышление. – Мы не можем себе представить того, чего не существует. То, чего мы раньше не видели, о чем у нас нет никакой информации. Так почему бы нам не представить, что и иные формы жизни мы не сможем узнать, даже если увидим, потому что попросту не можем их постичь. Наши способности крайне ограничены, чтобы там не говорили ученые, и только бесконеч-

ное человеческое самолюбие и завышенное самомнение позволяет нам считать, что мы знаем все и можем все.

– Огнетушитель? – предложил Саня.

– Да пошел ты, – рявкнул я.

Ребята рассмеялись. Даже Наташка их поддержала, так как уже успела привыкнуть к моим воспламеняющим самого себя речам.

– Да что с вас взять – варвары, – отмахнулся я. – Читайте книжки. Научную литературу, учебники по физике для высших учебных заведений, а в перерывах хорошую художественную литературу. Не для того, чтобы получить огромный багаж знаний – для многих это непосильная задача. – Я заметил ироничный взгляд Наташки и, сморщившись, продолжил: – В том числе и для меня, да. И нечего скалиться, Полторашка, я все вижу. Я не имел в виду получения степеней и банального бесящего всех всезнайства, а для простого поднятия уровня общего образования, никак не связанного с аттестатами и дипломами.

– Я лишь хочу, чтобы люди научились думать, анализировать услышанное, а не просто переваривать и выблевывать в мир бесформенной кучей испражнений, – продолжил я после короткой паузы, необходимой чтобы перевески дыхание. – Каждая прочитанная вами книжка, каждая изученная вами статья, которая позволит вам некоторое время обдумывать написанное, мыслить критически, поможет вам продвинуться по цепочке выстроенной Дарвином чуть дальше

от неандертальца.

– У, у, а-а, – подсказал мне Саня.

– Да, спасибо за наглядный пример. – Я театрально поднял руки к потолку. – Мой брат, кто бы мог подумать. Моя кровь, моя...

– Не занудствуй, – остановила меня с улыбкой Наташка.

– Ладно, – сдался я. – Вы поняли, что я хотел сказать. – Осмотрев лица друзей, я подумал, что возможно поспешил с выводами. – В общем, все выше сказанное было необходимо для того, чтобы вы поняли, почему я не верю в этот рисунок. Ну, слишком все очевидно для меня. Либо так, либо я просто чего-то не понимаю.

– Думаю, наш всезнайка согласится, что даже он может чего-то не понимать, – сказал Саня, обращаясь ко всем и ко мне в частности.

– О, вы смотрите, – заплодировал я. – Кто-то научился мыслить. Моя речь не была напрасной. Верно, – я кивнул. – Я мог быть и неправ. Могу чего-то не понимать. Но тут нас рассудит только время.

На тот момент я еще не знал, что время как раз играло решающую роль в этой истории. Паутина событий уже плелась за нашими спинами пока мы сидели и попросту бросали слова на ветер. Знай мы, на тот момент то, что знаем сейчас, сидели бы мы так же за столом и потягивали виски, или оторвали задницы от кресел и попытались хоть что-нибудь сделать? Боюсь, ответа на этот вопрос уже не найти. Тут нас

сможет рассудить лишь история.

– Ладно, давайте выпьем, – предложил я, перехватывая бутылку за горлышко.

– Очень смешно.

Сначала я не понял, к кому конкретно обращалась Наташка. Это мое предложение показалось ей смешным? После того как они отреагировали на первую порцию виски, это было вполне возможным. Или она обращалась к одному из пациентов, которые в это время корчили рожи или пародировали меня? А может быть, показывали одну из бесчисленного множества сальных сценок из нашего арсенала.

Мне пришлось поставить бутылку, потому что ее вес оттягивал мне руку, и повернуться к Наташке. С непонятной, слегка напуганной улыбкой на лице, девушка демонстрировала нам зеркальце.

У меня ушла добрая минута времени, чтобы понять, что именно она показывает и вспомнить, откуда вообще тут взялось это зеркальце. И только когда я вспомнил, чем конкретно мы занимались буквально час назад, я присмотрелся внимательнее.

Нарисованная черной помадой дверь была распахнута, а несколькими ступенями ниже стоял черт.

В этот момент горевшая до сих пор свеча притухла и засмолила черным непроглядным дымом, что поднимался отвесно к потолку.

3

– Это не смешно! – Руки Наташки дрожали так, что зеркальце ходило ходуном, размывая отражаемые в нем объекты.

Мы стояли молча, сбитые с толку и немного напуганные. Темнота как всегда лишь усугубляла обстановку, подначивая воображение рисовать несуществующие картины, слышать звуки, которые никогда не порождал этот мир. Казалось, что оранжевый круг тусклого света одинокого торшера съежился, сжался до размеров потерянного воздушного шарика, прибитого воздушными потоками между стеной и креслом. Безбожно чадающая свеча трепыхалась словно на ветру, устроив по стенам безудержный танец теней, рожденных нашими собственными телами.

– Ребята, это не смешно, – нервно повторила Наташка. – Кто это сделал?

– Наташ, ты же знаешь, – медленно начал я, ища взглядом поддержки у брата.

– Никто к нему не подходил, – пришел мне на выручку Саня.

– Зеркало лежало в центре стола, – трясущимся пальцем Серега указывал в промежуток между оливье и тарелкой под горячее. – Прямо в этом странном центре. Все время на виду.

– Тогда как это...

Девушка не смогла договорить: она перевернула зеркало и взглянула в него. В то же самое время ее отчаянный, полный страха вопль, разорвал тишину в квартире, и зеркало полетело на пол. Казалось, только чудо не дало ему разлететься на мелкие осколки. Ударившись о край стола и подлокотник кресла, оно со звоном упало на пол.

Я наклонился, чтобы поднять его. Зеркальце было холодным, словно его только что достали из холодильника. Поверхность была целой, ни скола, ни трещины. Но кое-что в нем все же изменилось.

– Какого?! – выругался я, поднося зеркальце ближе к глазам.

– Ч... что там? – прошептала перепуганная Наташка.

– Его нет, – ответил я. – Черта на ступенях нет.

Я повернул зеркало так, чтобы все могли его хорошо видеть. Лестница оставалась на месте, ее вершину венчала дверь, но черта, который минуту назад стоял на лестнице, нигде не было видно.

– Значит она уже здесь, – с хрипом выдохнул Стас.

И в этот момент часы пробили двенадцать. Однако не успели они досчитать и до трех, как нас накрыло глухим непроницаемым куполом. Все звуки отрезало от реального мира, и тишина ударила нам по вискам. Уши заполнил пронзительный высокочастотный звон, словно где-то в комнате сбоила техника. Ноги подогнулись сами по себе, и нам пришлось схватиться, кто за что успел, чтобы не повалиться на

пол.

Первой опомнилась Наташка. Девушка сорвалась с места с такой скоростью, что я смог разобрать только черное смазанное пятно. В следующую секунду в комнате вспыхнул яркий свет энергосберегающих ламп. Но на этом девушка не успокоилась, прижавшись к стене, она высунула руку в коридор и, нащупав на стене выключатель, щелкнула им, осветив заодно и длинный коридор. С этого места больше ни до чего она дотянуться не могла и потому мышкой вернулась обратно, прибившись между мной и моим братом.

– Я знал, что это было плохой идеей, – злобно прошипел Серега.

– Да? – иронично усмехнулся я. – И где же ты был, когда мы только начинали ритуал.

– Да замолчите вы! – вспылила Наташка. – Какой смысл сейчас нападать друг на друга. Мы все хороши. Лучше видите себя тиши и смотрите в оба.

– Верно, – кивнул Саня. – Если она здесь, лучше будет, если мы увидим ее первой.

От этих слов Наташка сжалась еще сильнее и, ухватив под руку моего брата, затряслась всем телом.

Мы с Серегой виновато переглянулись. Иногда мы просто вели себя как дети, которыми собственно и являлись. Признав наши ошибки взаимным кивком головы, мы принялись осматривать квартиру.

Перед тем как решить провести ритуал, я вычитал в кни-

гах все, что смог найти о ритуале призыва Пиковой Дамы, благо книг у меня было выше крыши: полочки буквально ломились от мистической литературы, как художественной, так и документальной. Проблема была лишь в том, что в этот момент голова была девственно чиста, все мысли вымыл громкий удар часов.

– С Новым Годом, кстати, – невпопад проронил я. Ответом мне был чей-то ироничный смешок.

Попытавшись заставить голову работать, я крепко зажмурился и сосредоточился лишь на одной мысли: моя комната, одинокий свет настольной лампы, раскрытая книга на столе. Я сижу, подперев виски руками, и всматриваюсь в плывущие перед глазами буквы. Пытаюсь их остановить, заставить прекратить безумный пляс, подчиниться мне, но стол начинает удаляться. Свет лампы сужается до маленького пятна, в котором видна лишь сгорбившаяся над столом фигура. Я смотрю на все сверху.

Резкий толчок и картинка исчезает. Сцена меняется и теперь я снова в своем теле, болтаюсь в темноте как в водах бесконечного океана. Разум путается, я не чувствую своего тела, не слышу своих мыслей. Напротив меня висит зеркало во весь рост. Я вижу на нем блики, но не вижу отражения. Огромное гладкое полотно заполняет чернота.

Вздрогнув как от удара, я открыл глаза.

– Зеркало!

Пацаны дернулись от моего внезапного выкрика, а Наташ-

ка тихо пискнула, прижимаясь крепче к Сане.

– Она приходит из зеркал! – уточнил я.

Не знаю от чего, но мысль о том, что что-то, чем бы оно ни было, может выйти из зеркала вызвала во мне неконтролируемую панику. Я чувствовал, как она растет во мне, поднимается все выше, сжимает горло, препятствуя поступлению воздуха. Тело бросило в холодный пот, руки затряслись. Взгляд носился по комнате, ни на чем конкретном не фокусируясь.

Господи, как много, думал я, как же много в этом доме стекла. Все, что я видел, имело отражающую поверхность: от экрана большого телевизора, до множества бокалов и стопок в серванте. И все они сверкали в свете десятка лампочек, и всех их заполняла чернота вызванная отражением наших тел.

Краем глаза, заметив движение, я обернулся к телевизору. В его темном выпуклом экране отражались удлинённые копии нас самих, стола, кресел и неровного выреза дверного проема. Мне казалось, что там, за нашими спинами что-то движется, подбирается ближе, меняя свои очертания. Я не мог сказать вижу ли я это на самом деле, или это всего-навсего плод моей фантазии, игра богатого воображения, подстегнутого страхом.

Я всматривался в экран с минуту, так ничего не заметив, а когда, наконец, расслабился, тишину в комнате нарушил громкий звук дверного звонка.

Вздрогнув как от удара, я налетел спиной на стоящее позади кресло. Раздался тихий скрежет его ножек по полу. Но никто не обратил на это внимания, все мои друзья пребывали на той же грани, что и я.

– Стой! Ты куда? – зашептала мне вслед Наташка.

Я и сам не успел понять, как ноги вынесли меня в коридор. Оглянувшись, я уставился на своих друзей, что собрались тесной кучкой, у дверного проема.

– Я просто подумал...

Я понятия не имел, что собирался сказать, слова бездумно слетали с моих губ. Но мне и не пришлось заканчивать свою речь, так как в дверь снова позвонили. На этот раз настойчивее.

Я был готов поклясться, что звук был, практически, не отличим от предыдущего, но вся проблема была как раз в этом «практически». Что-то в нем изменилось, изменилось на самой грани восприятия. Казалось, что человек по ту сторону двери был взбешен такой задержкой. Если это, конечно, был человек.

– Не ходи! – взмолилась Наташка.

Но я пошел, просто не мог не пойти. Ноги сами понесли меня вперед. Я сделал шаг, может два, как новый звонок в дверь нарушил тишину квартиры и заставил меня прирасти ступнями к полу.

Господи, этот коридор всегда был таким огромным?

Застыв как статуя, я смотрел на дверь. Ничем не Примеча-

тельная, пережиток советского прошлого с дутой «под кожу» поверхностью, но с современной ручкой с поворотным механизмом замка, она казалась мне невероятно далекой. Было ощущение, что с каждым шагом, дверь только отдаляется от меня, а стены по боком расступаются, углубляясь в темноту комнат.

На мое плечо легла холодная рука, и мне потребовалось невероятное количество усилий, чтобы не вздрогнуть, не закричать и не пуститься в бег, в попытке сохранить еще живущую во мне часть рассудка.

Я оглянулся.

– Мы с тобой, – прошептала Наташка, сжимая мое плечо.

Все они стояли за моей спиной тесной группкой, в которой царит ложное ощущение спокойствия.

– Может это просто колядовать пришли? – предположил Серега.

– Такое бывает на Новый Год? – спросил я.

– Ходят только на Рождество, – ответила Наташка.

Я кивнул и вновь повернулся к двери. Казалось, она затихла. Возможно, незванный гость убрался восвояси, так и не дождавшись ответа с той стороны. Это мог быть кто-то из знакомых Наташкиного отца, решивший навестить старого друга в праздник. Вот только звучало это крайне глупо. Кто ходит по гостям ровно в полночь, когда все нормальные люди в это время пьют шампанское и слушают президента по телевизору?

– Идем, – шепнул я и двинулся вперед короткими нерешительными шажками.

За дверью кто-то переступил с ноги на ногу. Я застыл, и Наташка за моей спиной прошептала:

– Он еще там.

– Кто он?

– Тот, кто звонит в дверь.

Именно так, «тот, кто звонит в дверь». И пока мы не знаем кто это, это может быть кто угодно, от незадачливого соседа, что не может попасть в квартиру, до чертовой Пиковой Дамы, что пришла, чтобы задушить нас. Чертов Звонарь Шредингера.

Зазвонил телефон. Маленькая красная коробочка на полке в двух шагах от меня.

– Твою мать, – чуть не плача, прохрипел Серега. Его всего трясло и только тот факт, что он держался за Наташку, позволял ему стоять на ногах.

– Не бери!

Я злобно оглянулся. «Стой», «не ходи», «не бери» – с таким подходом Наташке стоит попросту засунуть голову в песок, чтобы отгородиться от мира. Возможно ответ как раз в этом звонке. Может это и правда сосед, который увидел свет в окнах и решил узнать, не дома ли хозяин, чтобы предложить встретиться праздник вместе.

Я поднял трубку и поднес ее к уху.

– Алло.

Тишина в трубке сопровождалась далекими механическими скрипами.

– Алло! – настойчивее повторил я.

И снова тишина. Я прислушивался к ней с минуту, пытаюсь разобраться хоть что-то за шумом статических помех, и когда совсем отчаялся, мне показалось, что я услышал дыхание. Кто бы это ни был, но тоже слушал. Слушал и дышал в трубку.

– Что там? – спросил Саня.

Я мотнул головой, и звонок в дверь повторился. Вздвигнув, я отнял трубку от лица и уставился на нее.

– Что? Что такое? – Стас потрянул меня за плечо. – Что ты услышал?

Я услышал. Дверной звонок. В трубке.

Тот, кто нам звонил по телефону, был тем же человеком, что стоял за дверью. Но как такое возможно? Паника вновь сковала мое горло, и я тихо захрипел.

Мобильник, ну, конечно же. Это все объясняет. Да. Мобильник. И плевать, что сейчас их от силы сотня на двадцать тысяч населения, может быть за дверью один из этой сотни. Но тогда почему он молчит?

Еще звонок. За ним еще один. И еще. Пять громких настойчивых звонков с разными интервалами. Они продублировались из трубки и я бросил ее на базу. Трубка протестующе звякнула.

– Все, с меня хватит, – рявкнул я, и пошел к двери, утя-

гивая за собой весь дружеский табор.

В дверь размашисто ударили. Ударили так, что с потолка посыпалась штукатурка. Наташка пронзительно вскрикнула, и целая серия оглушительных ударов последовала за этим, сопровождаемая надрывной трелью звонка. Дверь с такой силой шаталась в петлях, что могла буквально влететь в комнату, если бы все продолжалось еще хотя бы минуту.

Но стук прекратился. Квартира вновь погрузилась в звенящую тишину. Мы простояли минут пять, не двигаясь, и прислушиваясь к звукам снаружи, но все было тихо. Незванный гость убрался восвояси, так и не добившись желаемого.

Уже увереннее я подошел к двери и, стараясь не шуметь, взглянул в дверной глазок. Мне были хорошо видны еще две двери подъезда: дверь справа и дверь напротив, с тускло светящей лампочкой накаливания над ней, и часть лестничного пролета, что вела наверх и терялась в темноте. Видимо кто-то забыл ввернуть лампочку. Или просто ее пожалел.

– Что там?

Я не разобрал, чей это был голос, перепуганный до смерти и сосредоточенный до предела, я мог и брата не узнать, окажись он по ту сторону двери.

Но брата там естественно не было. Однако, то ли это игра воображения, то ли просто эффект глазка «рыбий глаз», но мне казалось, что в темноте пролета кто-то стоит. Очертания фигуры, но не совсем обычной, с куполом вместо ног. И оно шевелились.

Я вытер рукой пересохшие губы, раздирая их еще больше, и оглянулся на друзей.

– Ну? – настойчиво повторил Саня. Видимо он и задал тот вопрос мгновением ранее.

– Не уверен, – ответил я. – Кажется, там что-то есть. На лестничном пролете.

Я повернулся к Наташке:

– У вас не принято самим вкручивать лампочки в подъезде?

– О чем ты? – удивилась она.

– Свет этажом выше не горит и потому сам пролет не видно. Да и на вашем этажа работает только одна лампочка над дверью напротив.

– У нас нет лампочек над дверьми, – ответила девушка. – У нас лампы дневного освещения под потолком. И свет везде горел, когда мы пришли.

– Но как же...

Я помассировал виски и потер пальцами глаза. Я ведь только что видел, что света в коридоре практически не было. Он горел лишь над одной дверью. Что же за черт?

Я вновь взглянул в глазок, но на этот раз не увидел ничего. Сплошная чернота.

– Черт, – прошипел я.

– Что?

– Кто-то закрыл глазок.

Общий вздох за спиной оповестил меня о том, что все, так

же как и я надеялись, что кто бы там ни был, он уже ушел. И будь то хоть местный алкаш, у которого горят трубы, хоть покойник из подвала, но больше он нас не потревожит.

– Хотя, – прошептал я, присматриваясь.

– Хотя что?

Чернота не была абсолютной. Я видел два светлых пятна по бокам, которые стали расти, все увеличиваясь в размерах. Просветы, понял я. Это просветы, сквозь которые угадываются очертания подъезда. Но что же тогда это?

Я прижался к двери сильнее. Просветы еще чуть увеличились, и я заметил странные блики на черноте. Она обладала объемом. И она отдалялась. Я смотрел до тех пор, пока не понял. Это был глаз. И он смотрел на меня. Глаз и сморщенное лицо.

Я рванул от двери, и спина не ощутила ожидаемого препятствия. Оглянувшись, я застал коридор пустым. Мои друзья куда-то пропали.

Я впервые ощутил странное состояние сознания, когда головокружение в прямом смысле меняет пол с потолком местами. Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Своими глазами видел, как вращается комната, как отдаляется пол, уползая вверх по стене, и как приближается ко мне потолок, ослепляя светом одиноко висящей люстры. Меня замутило, и я потерял равновесие. Удар пришелся в область виска и звон в голове на долю секунды лишил меня сознания.

Когда я очнулся, мое тело все еще продолжало падение: плечо скатилось по стене и я осел вниз, откинувшись на спину. Коридор все еще вращался, то по часовой, то против часовой стрелке, словно не решив в какую же из сторон ему двигаться. Однако головокружение было единственным следствием пережитого ужаса: звон стих, как только я коснулся задним местом пола и сознание прояснилось.

– Черт, – прошептал я, пытаясь подняться на ноги. – Твою мать, срань господня, чтоб вас всех.

Я торопился. Не разбирал, за что хватаюсь. Одежда летела с вешалки на пол, падала мне под ноги, оплетала ступни. Я не замечал этого, старался лишь как можно быстрее убраться от двери подальше. Я слышал, как там кто-то дышит. Дышит тяжело, надрывно. Воздух с силой выталкиваемый из легких тугим потоком ударял в дверь, и могло сложиться мнение,

что за нею притаился огромный бык.

Откинув ногой чей-то пуховик, я, спотыкаясь, поплелся по коридору, стараясь не шуметь и не налетать на тумбы и цветы в горшках. Голова еще кружилась, и меня слегка пошатывало, потому я стремился, во что бы то ни стало, как можно скорее добраться до ванной комнаты и умыться холодной водой. Ледяной водой. Она всегда мне помогала прийти в себя, проснуться от кошмара. Открыть кран, дождаться, когда вода станет действительно ледяной и набрать полную ладошку, а затем выплеснуть ее всю на лицо. А если это не поможет, то сунуть под кран всю голову целиком. Да, именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.